

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Кафедра исторических и социально-философских дисциплин,
востоковедения и теологии

На правах рукописи

Атакуев Магомет Назирович

**ОНТОЛОГИЯ ИНТЕРОЦЕПЦИИ: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ВНУТРИТЕЛЕСНОГО ОПЫТА В СОЗНАНИИ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ**

Специальность 5.7.1 «Онтология и теория познания»,

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры исторических
и социально-философских дисциплин,
востоковедения и теологии П.Н. Барышников

Пятигорск – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ВНУТРИТЕЛЕСНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФОКУСЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ.....	15
1.1. Проблема телесности в философии и научном дискурсе.....	15
1.1.1. Общие принципы изучения телесности в европейской философии ..	15
1.1.2. Проблема соотношения тела и сознания (the mind-body problem) в современной философии	32
1.2. Телесность, общество и язык: способы взаимодействия.....	47
Выводы по главе 1	59
ГЛАВА 2. РОЛЬ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРОЦЕПЦИИ	60
2.1. Внутрителесные ощущения в языковой картине мира: принципы формирования базовых категорий	60
2.1.1. Телесная концептуализация пространства.....	60
2.1.2. Телесная концептуализация времени	71
2.2. Внутрителесные ощущения в языковой картине мира.....	81
2.2.1. Языковая прагматика и способы представления внутрителесных ощущений	93
Выводы по главе 2	105
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРОЦЕПТИВНЫХ ОЩУЩЕНИЙ	107
3.1. Механизмы переноса приватного внутрителесного опыта в систему социальных значений	107
3.1.1. Интероцепция и переживание эмоций.....	111
3.1.2. Социология боли.....	120
3.2. Приватность, публичность и цифровой профиль интероцепции	135
Выводы по главе 3	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования состоит в том, что в последние десятилетия на фоне стремительного развития эмпирических методов когнитивных наук происходит своеобразная трансформация классических философских исследовательских объектов. Особое внимание в этом контексте привлекает к себе проблема онтологии внутрителесных (интероцептивных) ощущений и их роли в общей познавательной деятельности человека.

Значимость данной темы для современной науки и философии обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, в эпоху технологических прорывов и тотальной датафикации научной методологии (когда даже субъективные переживания редуцируются к наборам измеримых параметров) традиционные категории теории познания (тело, сознание, ощущение, интенциональность, интроспекция) подвергаются радикальному переосмыслению. Такое положение вещей требует разработки новых онтологических и эпистемологических оснований для понимания явлений, возникающих в поле пересечения когнитивной науки, философии и учений о языке и коммуникации.

Во-вторых, несмотря на то, что «темные мышечные чувства» описаны И.М. Сеченовым еще в конце XIX века и термин «интероцепция» был введен Ч. Шеррингтоном в 1906 году, систематический философский анализ внутрителесного опыта долгое время оставался на периферии гуманитарного знания. В последние годы интероцепция стала объектом пристального внимания в рамках философии сознания, феноменологии и когнитивной науки – в первую очередь в связи с ростом эмпирических данных, позволяющих соотносить субъективные переживания с нейрофизиологическими коррелятами. Вместе с тем существует онтологический разрыв между эмпирическими моделями и концептуальными рамками, способными интерпретировать эти данные в терминах онтологии и философской теории сознания.

В-третьих, телесность все более явно выступает как ключевой ресурс

конструирования идентичности, самосознания и социальных взаимодействий. В условиях развития человеко-компьютерных интерфейсов, носимых сенсоров и цифровых репрезентаций телесных состояний возникает новая форма «датафицированного тела», в которой внутрителесные сигналы становятся объектами внешней интерпретации, управления и коммерциализации. Это порождает острые этические, эпистемологические и экзистенциальные вопросы, требующие философской рефлексии.

В-четвертых, формирование специфической языковой практики, связанной с вербализацией и социальной верификацией интероцептивных переживаний, указывает на необходимость лингвофилософского анализа дискурса о внутрителесном опыте. Без такого анализа невозможно полноценно понять, как телесный опыт встраивается в культурные и когнитивные структуры.

Интероцепция является неотъемлемой частью высокоуровневых когнитивных процессов¹, участвуя: в эмоциональной памяти², в обучении и принятии решений³, в зрительно-пространственном и контекстуальном видах памяти⁴ и пр. Таким образом, можно утверждать, что философское исследование интероцептивных ощущений восполняет существующий теоретический пробел и открывает методологически перспективное направление, способное интегрировать достижения естественных и гуманитарных наук в единую непротиворечивую систему знания.

Степень научной разработанности проблемы

Проблема соотношения тела и сознания является фундаментальной и многомерной и исследуется сегодня как с помощью методов эмпирических наук, так и с применением более широких методов современной философии сознания. Данная проблема в настоящее время все чаще рассматривается в формате the

¹ Murphy, J.; Brewer, R.; Catmur, C.; Bird, Geoffrey. Interoception and psychopathology: A developmental neuroscience perspective // *Developmental cognitive neuroscience*, vol. 23. 2017. Pp. 45–56.

² Pollatos, O.; Schandry, R. Emotional processing and emotional memory are modulated by interoceptive awareness // *Cognition & Emotion*, № 2, vol. 22. 2008. Pp. 272–287.

³ Werner, N.S.; Duschek, S.; Mattern, M.; Schandry, Rainer. Interoceptive Sensitivity Modulates Anxiety During Public Speaking // *Journal of Psychophysiology*, № 2, vol. 23. 2009. Pp. 85–94.

⁴ Werner, N.S.; Schandry, R. The Impact of Interoception on Learning, Memory, and Decision-Making // *Interoception. A Comprehensive Guide*. (ed. Murphy, J.; Brewer, R.). Cham. Springer International Publishing, 2024. Pp. 151–184.

mind-brain problem. Однако анализ базовых характеристик внутрителесных (интероцептивных) ощущений инструментами современной когнитивной науки дает основание вернуться к изначальной формулировке психофизической проблемы и подразумевать под «физическим» всю сложность человеческой телесности, а не только материальные формы мозговой активности. Сегодня в когнитивных направлениях возникают концепции, связанные с так называемым воплощенным сознанием (embodied cognition или body consciousness). По причине того, что внутрителесные процессы неразрывно связаны с перцептивными механизмами человека (начиная с принятия решений и заканчивая механизмами формирования когнитивной и языковой картины мира), возникает необходимость философского анализа данного явления и его концептуального представления в различных теоретико-методологических подходах.

С нейрофизиологической точки зрения интероцепция была исследована Ч. Шеррингтоном⁵, а затем получила развитие в работах отечественных ученых: Э.Ш. Айрапетьянца, К.М. Быкова⁶, В.Н. Черниговского⁷, И.М. Сеченова⁸.

В зарубежной науке интероцепция стала объектом междисциплинарных исследований Д. Адама⁹, А.Д. Крейга¹⁰, А. Сета¹¹, М. Цакириса и др.¹².

Особое значение сегодня приобретают работы, посвященные взаимосвязи интероцептивных процессов и эмоций (У. Джеймс, А. Дамасио, Л. Барретт и др.¹³). Наблюдается также рост числа публикаций, рассматривающих

⁵ Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Л.: Наука, 1969. 389 с.

⁶ Airapetyantz, E.; Bykov, K. Physiological Experiments and the Psychology of the Subconscious // Philosophy and Phenomenological Research, 1945. № 4, vol. 5. Pp. 577–593.

⁷ Черниговский В.Н. Интероцепция. Л.: Наука, 1985. 413 с.

⁸ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М.: АСТ, 2015. 325 с.

⁹ Ádám, G. Visceral Perception. Boston, MA: Springer US, 1998. 251 p.

¹⁰ Craig, A. Human feelings: why are some more aware than others? // Trends in Cognitive Sciences, 2004. № 6, vol. 8. P. 239–241; Craig, A.D. Interoception: the sense of the physiological condition of the body // Current Opinion in Neurobiology, 2003. № 4, vol. 13. Pp. 500–505; Craig, A.D. How do you feel? Princeton University Press, 2015.

¹¹ Seth A. Being You. London: Faber & Faber, Limited, 2021.

¹² Tsakiris, M. My body in the brain: A neurocognitive model of body-ownership // Neuropsychologia, 2010. № 3, vol. 48. Pp. 703–712; Tsakiris M., Helena De Preester. The Interoceptive Mind (eds.): Oxford University Press, 2019; Köteles, F. Body Sensations. Cham: Springer International Publishing, 2021. Ceunen, E.; Vlaeyen, J.W.S.; van Diest, I. On the Origin of Interoception // Frontiers in Psychology, 2016. № 226, vol. 7. P. 577; Carvalho, G.B.; Damasio, A. Interoception and the origin of feelings: A new synthesis // BioEssays, 2021. № 6, vol. 43; Quigley, K.S.; Kanoski, S.; Grill, W.M.; Barrett, Lisa Feldman; Tsakiris, Manos. Functions of Interoception: From Energy Regulation to Experience of the Self // Trends in Neurosciences, 2021. № 1, vol. 44. Pp. 29–38.

¹³ James, W. The physical basis of emotion // Psychological Review, 1994. № 2, vol. 101. P. 205–210; James, W. What Is

интероцепцию в контексте психиатрии и клинической медицины¹⁴. Отдельно следует отметить отечественные психопатологические и психологические исследования интероцепции и телесности¹⁵.

В отечественной лингвистике особенности метафорических описаний интероцептивных ощущений подробно изучаются А.В. Нагорной¹⁶, В.К. Харченко¹⁷, Г.Е. Крейдлин и др.¹⁸. Кроме того, боль и другие внутрителесные ощущения исследуются в рамках кросс-культурных исследований¹⁹. Важно отметить, что сегодня стремительно растет число исследований, посвященных

an Emotion? // *Mind*, 1884. № 34. vol. 9. Pp. 188–205; Damasio, A. R. *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon Books, 1994; Барретт Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями: М.: Манн, 2018. 432 с.; Shah, P.; Catmur, C.; Bird, G. From heart to mind: Linking interoception, emotion, and theory of mind // *Cortex*, 2017. № 5, vol. 93. Pp. 220–223.

¹⁴ Brewer, R.; Murphy, J.; Bird, G. Atypical interoception as a common risk factor for psychopathology: A review // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2021. № 7, vol. 130. Pp. 470–508; Shah, P.; Hall, R.; Catmur, C.; Bird, Geoffrey. Alexithymia, not autism, is associated with impaired interoception // *Cortex*, 2016. № 1, vol. 81. Pp. 215–220; Barbato, M.; Arora, T.; Al Hemeiri, S.; AlJassmi, Maryam A. Looking within: Interoceptive sensibility in young adults with psychotic-like experiences // *Early Intervention in Psychiatry*, 2021. № 6, vol. 15. Pp. 1705–1712; Capodici, A.; Pennisi, A.; Rizzo, G.; Falzone, Alessandra; Vicario, Carmelo Mario. Interoceptive and Affective Alterations in Body Integrity Dysphoria: An Online Self-Reporting Study // *Psychopathology*, 2023. Pp. 1–9. Brugger, P.; Lenggenhager, B.; Giummarra, M.J. Xenomelia: A Social Neuroscience View of Altered Bodily Self-Consciousness // *Frontiers in Psychology*, 2013, vol. 4; Haan, S. de; Fuchs, T. The Ghost in the Machine: Disembodiment in Schizophrenia – Two Case Studies // *Psychopathology*, 2010. № 5, vol. 43. Pp. 327–333; Hart, N.; McGowan, J.; Minati, L.; Critchley, Hugo D. Emotional Regulation and Bodily Sensation: Interoceptive Awareness Is Intact in Borderline Personality Disorder // *Journal of Personality Disorders*, 2013. № 4, vol. 27. Pp. 506–518; Hatfield, T.R.; Brown, R.F.; Giummarra, M.J.; Lenggenhager, Bigna. Autism spectrum disorder and interoception: Abnormalities in global integration? // *Autism*, 2019. № 1, vol. 23. Pp. 212–222.

¹⁵ Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 204 с.; Микиртумов Б.Е., Завитаев П.Ю. Аутизм: история вопроса и современный взгляд. СПб.: Изд-во Н-Л, 2012. 144 с.; Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.; Миненко И.А., Германова К.Н., Лимонова А.С., Сукманова А.А., Иашвили Н., Никулин В.В., Куценко В.А., Егоренкова Е.Е., Назарова М.А., Ершова А.И., Драпкина О.М. Сравнение методов субъективной оценки интероцепции сердца // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 22(10). 2023.

¹⁶ Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: ИНИОН РАН, 2017. 86 с.; Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014. 320 с.

¹⁷ Харченко В.К. Внутрителесное в детской речи // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2018, vol. 189. С. 125–132; Харченко В.К. Лингвосенсорика. М.: Либроком, 2012. 216 с.

¹⁸ Крейдлин Г.Е., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Переверзева С.И., Хесед Л.А. Язык и семиотика тела. В 2 т. Т. 1: Научная библиотека, 2020. 672 с.; Крейдлин Г.Е., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Переверзева С.И., Хесед Л.А. Язык и семиотика тела. В 2 т. Т. 2: Научная библиотека, 2020. 488 с.

¹⁹ Besemeres, M.; Wierzbicka, A. *Translating lives* (eds. Besemeres, Mary; Wierzbicka, Anna). St Lucia, Qld, Hove: University of Queensland Press; Roundhouse, 2008; Chentsova-Dutton, Y.E.; Dzokoto, V. Listen to your heart: The cultural shaping of interoceptive awareness and accuracy // *Emotion*, 2014. № 4, vol. 14. Pp. 666–678; Gaby, A. Gut feelings: locating emotion, life force and intellect in the Thaayorre body // *Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs Across Cultures and Languages (Applications of cognitive linguistics, 7)* (ed. Sharifian, Farzad). De Gruyter Mouton, 2008. Pp. 27–44; Lee, J.; Shin, J.-A. The cross-linguistic comparison of perceptual strength norms for Korean, English and L2 English // *Frontiers in Psychology*, 2023, vol. 14. P. 540; Ma-Kellams, C. Cross-cultural differences in somatic awareness and interoceptive accuracy: a review of the literature and directions for future research // *Frontiers in Psychology*, 2014. № e36646, vol. 5. P. 409.

социальным аспектам interoцепции²⁰. По данной теме отдельно отметим работы М. Цакириса, А. Фотополу²¹, О. Поллатос, М. Херберт²², Д. Гринберг²³.

За рубежом существуют образовательные центры²⁴, в которых введены специальные курсы для развития interoцептивной осознанности. Помимо этого, данные курсы являются частью образовательных программ по поддержанию детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), детей и взрослых с расстройствами аутистического спектра, людей с депрессивными и суицидальными наклонностями, нарушением пищевого поведения²⁵. Также К. Малер разработаны курсы, рабочие тетради, руководства по interoцепции для подростков и взрослых²⁶, спортсменов²⁷, людей, практикующих йогу²⁸, и др.

Важными для данного диссертационного исследования являются работы следующих авторов, характеризующие влияние тела на когнитивные способности человека: Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош²⁹, Л. Шапиро³⁰, М. Джонсон и Д. Лакофф³¹, Ш. Галлахер³², Т. Фукс³³. В отечественном научном дискурсе также

²⁰ Adolphi, F.; Couto, B.; Richter, F.; Decety, Jean; Lopez, Jessica; Sigman, Mariano; Manes, Facundo; Ibáñez, Agustín. Convergence of interoception, emotion, and social cognition: A twofold fMRI meta-analysis and lesion approach // *Cortex*, 2017. № 2, vol. 88. Pp. 124–142; Arnold, A.J.; Winkielman, P.; Dobkins, K. Interoception and Social Connection // *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10. P. 79; Ferri, F.; Ardizzi, M.; Ambrosecchia, M.; Gallese, Vittorio; Tsakiris, Manos. Closing the Gap between the Inside and the Outside: Interoceptive Sensitivity and Social Distances // *PLoS ONE*, 2013. № 10, vol. 8; Gao, Q.; Ping, X.; Chen, W. Body Influences on Social Cognition Through Interoception // *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10. P. 1712; Mohr, M. von; Finotti, G.; Esposito, G.; Bahrami, Bahador; Tsakiris, Manos. Social interoception: Perceiving events during cardiac afferent activity makes people more suggestible to other people's influence // *Cognition*, 2023. № 19, vol. 238; Palmer, C.E.; Tsakiris, M. Going at the heart of social cognition: is there a role for interoception in self-other distinction? // *Current Opinion in Psychology*, 2018, vol. 24. Pp. 21–26; Tsai, J.L.; Simeonova, D.I.; Watanabe, J.T. Somatic and Social: Chinese Americans Talk about Emotion // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004. № 9, vol. 30. Pp. 1226–1238.

²¹ Fotopoulou, A.; Tsakiris, M. Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference // *Neuropsychanalysis*, 2017. № 1, vol. 19. Pp. 3–28.

²² Herbert, B.M.; Pollatos, O. The Body in the Mind: On the Relationship Between Interoception and Embodiment // *Topics in Cognitive Science*, № 4, vol. 4. 2012. Pp. 692–704.

²³ Grynberg, D.; Pollatos, O. Perceiving one's body shapes empathy // *Physiology & Behavior*, 2015, vol. 140. Pp. 54–60.

²⁴ Department for Education, South Australia. URL: <https://www.education.sa.gov.au>.

²⁵ Lean, C.; Leslie, M.; Goodall, E.; McCauley, M.; Heays, D. Interoception 201 Activity Guide, Department for Education, South Australia., 2019; Lean, C., Goodall, E., Leslie, M., Milanese, L., May, H., Heays, D. Interoception Activity Guide 301, Department for Education, South Australia. 2019.

²⁶ Mahler, K., Rothschild, C. and Alma, J. My interoception workbook – a guide for adolescents, teens and adults. URL: <https://www.kelly-mahler.com/product/my-interoception-workbook-a-guide-for-adolescents-teens-and-young-adults>.

²⁷ Mahler, K. Interoception olympic activity cards. URL: <https://www.kelly-mahler.com/product/interoception-olympic-activity-cards>.

²⁸ Mahler, K. Interoception yoga cards. URL: <https://www.kelly-mahler.com/product/interoception-yoga-cards>.

²⁹ Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. Фонд «Сохраним Тибет», 2023. 456 с.

³⁰ Shapiro, L. The Routledge handbook of embodied cognition: Routledge, 2014.

³¹ Johnson, M. The body in the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 272; Johnson, M. The Meaning of the Body: University of Chicago Press, 2007. P. 328; Lakoff, G.; Johnson, M. Philosophy in the flesh. New York: Basic

присутствуют работы, посвященные телесности³⁴.

Данное диссертационное исследование помимо прочего имеет прямое отношение к центральной проблеме современной философии – проблеме соотношения тела и сознания. Использование междисциплинарного поля интероцепции позволяет проанализировать некоторые аспекты этой проблемы с нового ракурса. Среди зарубежных авторов в области философии сознания можно выделить следующих: Д. Чалмерс³⁵, Г. Райл³⁶, Д. Деннет³⁷, Н. Блок³⁸, Ф. Дретске³⁹, Т. Бердж⁴⁰, Д. Ким⁴¹, Х. Патнэм⁴².

Интероцепция сегодня рассматривается в различных парадигмальных контекстах, что подтверждается обширной эмпирической базой. При этом можно отметить явный недостаток философского анализа проблем, связанных с интероцепцией, что придает исследованию по заявленной теме особую актуальность.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и объяснить сложную природу внутрителесных ощущений, раскрыть их онтологический статус, социальные функции и прагматическую роль языковой репрезентации. Необходимо выявить причины, по которым интероцепция, изначально понимаемая как нейрофизиологический процесс, трансформируется в междисциплинарный объект философского анализа. В рамках поставленной цели

Books, 1999. P. 640; Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2004. 256 с.

³² Gallagher S. *How the Body Shapes the Mind*: Oxford University Press, 2005. P. 284.

³³ Fuchs, T. *Ecology of the brain*: Oxford University Press, 2018.

³⁴ Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 456 с.; Садыков Р.А., Курленкова А.С. Онтологии тела и медицинской практики // *Социология власти*. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologii-tela-i-meditsinskoj-praktiki>; Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // *Общественные науки и современность*. 1997. № 4. С. 147–151; Маслов Р.В. Философия телесности человека // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2004. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-telesnosti-cheloveka>.

³⁵ Чалмерс Д. *Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории*. М.: УРСС, 2013. 512 с.

³⁶ Райл Г. *Понятие сознания*. М.: Идея-Пресс, 1999. 408 с.

³⁷ Dennett, D.C.; Weiner, P. *Consciousness explained*. New York [etc.]: Little, Brown and Company, 1991. P. 511.

³⁸ Block, N. On a confusion about a function of consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*, 1995, vol. 18. Pp. 227–287.

³⁹ Dretske, F. How Do You Know You are Not a Zombie? // *Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge*. London: Routledge, 2003. Pp. 1–12.

⁴⁰ Burge, T. *Foundations of Mind*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

⁴¹ Kim, J. *Philosophy of Mind*. Boulder, CO: Westview Press, 2011; Kim J. What Could Pair a Nonphysical Soul to a Physical Body? // *The myth of an afterlife* (ed. Martin, Michael; Augustine, Keith). Pp. 335–347.

⁴² Putnam, H. *Brains and Behavior* // *Readings in philosophy of psychology* (ed. Block, Ned Joel). London. Methuen, 1980. Pp. 24–36.

исследуется зависимость трактовки содержания понятия interoception от методологии различных дисциплин, анализируются механизмы языковой концептуализации телесного опыта, а также обосновываются связи interoception с культурными, языковыми и цифровыми практиками, формирующими как особенности феноменального сознания, так и социальную репрезентацию внутрителесных состояний.

Цель исследования предполагает решение ряда **задач**:

1. Проследить этапы становления понятий телесности и внутрителесных ощущений в философской и общенаучной традициях; выявить исторические и концептуальные сдвиги, а также причины, которые привели к включению interoception в исследовательский фокус философии сознания и философии когнитивных наук; представить внутрителесный опыт как сложный многоаспектный объект фундаментальных и прикладных исследований.

2. Проанализировать онтологический статус interoceptивных ощущений в рамках современных теорий сознания, включая дискуссии о «привилегированном доступе», феноменальном сознании и границах интроспекции.

3. Выявить и описать двойственную структуру interoception – как фонового (неосознаваемого) и как рефлексивного (доступного сознанию) режима – и показать ее роль в поддержании гомеостаза, формировании «воплощенного Я» и влиянии на экстероцептивное восприятие.

4. Исследовать механизмы языковой концептуализации внутрителесного опыта, включая роль процессов метафоризации, прагматики речевого акта и культурно обусловленных коммуникативных стратегий. Проанализировать языковые механизмы формирования качественных (квалитативных) параметров interoceptивных событий.

5. Обосновать зависимость представлений о внутрителесных ощущениях от культурных, социальных и этнических контекстов, продемонстрировав на различном языковом материале то, как социальные нормы и языковые игры определяют способы вербализации и восприятия боли и других interoceptивных

состояний.

6. Раскрыть социальные функции interoцепции, в том числе в процессах эмпатии, эмоциональном познании, саморегуляции и достижении «эффекта сопричастности» в коммуникации с опорой на теорию соматического маркера, предиктивного кодирования, конструирования эмоций, гипотезы улучшенного эмоционального распознавания и аттенционного переключения.

7. Выявить смену социального статуса внутрителесного опыта в условиях глобальной датафикации телесности, рассмотрев методологические и праксеологические основания «цифрового бихевиоризма».

Объект исследования. Объектом исследования выступает interoцепция в двух проекциях: 1) как нейрофизиологический когнитивный механизм обработки сигналов из внутреннего объема организма; 2) как специфичный класс феноменальных состояний, обладающий качественными характеристиками и участвующий в формировании «воплощенного сознания». Особое внимание уделяется трансформации онтологического, эпистемологического, социального и коммуникативного статусов interoцепции в условиях междисциплинарного взаимодействия философии сознания, когнитивных наук, лингвистики и цифровых технологий.

Предмет исследования. Предметом исследования выступают когнитивные, языковые и социокультурные механизмы переноса interoцептивного опыта из области частных феноменальных состояний в область социально значимых и коммуникативно релевантных явлений. В работе исследуются: двойственная структура interoцепции, включающая фоновый (неосознаваемый) и рефлексивный (доступный сознанию) режимы; роль языковых паттернов, метафор и прагматических стратегий в формировании и верификации внутрителесного опыта; влияние культурных и социальных норм на способы вербализации и восприятия внутрителесных событий; а также последствия глобальных процессов цифровой параметризации телесности.

Научная новизна и практическая значимость исследования состоят в том, что данная работа является первым диссертационным исследованием,

посвященным философскому анализу внутрителесных ощущений в поле современной отечественной философии.

Впервые в отечественной гуманитарной науке предпринята системная философско-когнитивная реконструкция interoцепции в двойной проекции (как нейрофизиологического механизма и как специфичного феноменального опыта) в социально-культурном аспекте проблемы, позволяющая преодолеть дихотомию «тело как механизм / тело как переживание».

Обоснована гипотеза о конституирующей роли языка: показано, что вербализация помимо описания внутрителесных состояний формирует их квалитативные свойства в социально-коммуникативном измерении, включая возникновение так называемого эффекта сопричастности.

Выявлено и теоретически описано методологическое направление «цифрового бихевиоризма», связанное с датафикацией телесных сигналов и паттернов поведения, что позволяет впервые рассмотреть interoцепцию в философском ключе как элемент цифрового профиля личности и как объект социальной репрезентации.

Осуществлен философский анализ данных когнитивной науки, философии сознания, лингвистики и социальной теории боли, позволивший выявить глубинные связи между телесным опытом, языковой концептуализацией и социальными сценариями языкового поведения.

Научную ценность данной работы обуславливает практически полное отсутствие работ в русскоязычном поле философии по данной тематике (за редким исключением междисциплинарных исследований). Введение в научный оборот новых комплексов современных зарубежных источников по данной проблематике представляется весьма существенным результатом исследования.

Практическая значимость диссертации заключается также в возможности применения полученных результатов в междисциплинарных областях: от улучшения межкультурной и врачебной коммуникации (за счет понимания культурно обусловленных форм вербализации внутрителесного опыта) до разработки этических и методологических основ цифровой экологии. Полученные

выводы также могут быть использованы в образовательных и терапевтических практиках, направленных на развитие эмоционального интеллекта, эмпатии и осознанности через работу с интероцептивным опытом. Результаты также могут быть использованы при исследовании новых условий рынка телесных данных в глобальных процессах цифровизации социальных институтов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Новые эмпирические данные когнитивных наук существенно расширяют исследовательский арсенал философии, позволяя рассматривать интероцепцию, ранее ограниченную нейрофизиологической интерпретацией, как междисциплинарный объект, значимый для эпистемологии, философии сознания и философии когнитивных наук. Большое разнообразие эмпирических данных позволяет с уверенностью утверждать, что интероцепция является многослойным и комплексным процессом, функционирующим на грани физических событий и психической активности.

2. Онтология внутрителесных ощущений не может быть адекватно описана вне культурного, социального и коммуникативного контекстов: в ряде культурных традиций ментальные состояния концептуализируются через специфичный телесный опыт. Языковые паттерны и формы вербализации интероцептивного опыта не только отражают, но и активно формируют качественные свойства внутрителесных состояний, обеспечивая их интеграцию в социальное взаимодействие и способствуя возникновению «эффекта сопричастности» в языковой коммуникации.

3. Интероцепция выступает ключевым когнитивным и аффективным основанием социального познания: способность к точному восприятию собственных внутрителесных сигналов коррелирует с развитием эмпатии, пониманием ментальных состояний других и эффективностью социальной коммуникации. Вербализация интероцептивных сигналов, несмотря на их субъективную приватность, становится необходимым механизмом социальной верификации и координации поведения.

4. Внутрителесный опыт, традиционно рассматриваемый как приватный и

недоступный извне, в условиях цифровой трансформации приобретает новое онтологическое и социальное измерение: с одной стороны, он сохраняет двойственную структуру – фоновую (неосознаваемую) и рефлексивную (доступную сознанию), что подтверждает его специфичную принадлежность к феноменальному сознанию; с другой стороны, вследствие датафикации телесных сигналов и их интеграции в цифровые экосистемы, внутрителесные процессы становятся элементом цифрового профиля личности, тем самым размывая границу между приватностью телесного опыта и его публичной репрезентацией.

Апробация работы. Выводы и основные тезисы диссертационного исследования апробированы в материалах ряда конференций и научных семинаров: на III Всероссийской научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород, 2021); на международной научной конференции «Шестые Лемовские чтения» (г. Самара, 2022); на Третьем Международном Конгрессе Русского общества истории и философии науки «После постпозитивизма» (г. Саратов, 2022); на X Международном Кантовско-Бахтинском научном семинаре «Сознание у водоразделов культуры: границы, пределы, смыслы» (г. Мурманск, 2022); на Международном молодежном междисциплинарном семинаре «Философия и методология искусственного интеллекта» (г. Москва, 2022); на Первой всероссийской конференции «Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий (MBIL-2023)» (г. Пятигорск, 2023); на X Международной конференции по когнитивной науке (МАКИ) (г. Пятигорск, 2024); на Четвертом Конгрессе Русского общества истории и философии науки «Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире» (г. Вологда, 2024).

Идеи исследования разрабатывались и проходили апробацию в рамках научно-исследовательской стажировки автора в Школе философии и культурологии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, февраль 2023 г.).

Ключевые положения диссертационной работы проходят апробацию в ходе

реализации проекта «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами», поддержанного РНФ на 2024-2025 гг., по теме «Телесный опыт, социальное действие и культурный контекст в фокусе наук о данных: проблема языковой корреляции» (Соглашение № 24-28-00540).

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 11 научных публикациях общим объемом 7,08 п.л., из них 5 опубликованы в изданиях, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, и 2 опубликованы в журналах, индексируемых наукометрическими системами Web of Science, RSCI, Scopus.

Методы исследования

В работе применялись следующие методы:

- метод сравнительного анализа – при сопоставлении различных этапов историко-философских концепций телесности и когнитивных теорий интероцепции, а также при сопоставлении результатов кросс-культурных исследований;
- концептуальный анализ – как аналитическая процедура прояснения значения выражений, лежащих в основании той или иной объяснительной модели или теории;
- метод философско-когнитивной реконструкции – как способ репрезентации свойств интероцептивного опыта через концептуальную связь философских концепций и эмпирических данных когнитивных наук с целью определения его онтологических и эпистемологических особенностей.

Содержание диссертации включает: введение, три главы (состоящие из 6 разделов), заключение, библиографический список, охватывающий 280 источников, в том числе 221 на иностранных языках.

ГЛАВА 1. ВНУТРИТЕЛЕСНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФОКУСЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

1.1. Проблема телесности в философии и научном дискурсе

1.1.1. Общие принципы изучения телесности в европейской философии

Тело является определяющей характеристикой человека. С самого рождения восприятие окружающей действительности обусловлено телесной активностью. Благодаря телу человек способен соприкасаться, тактильно воспринимать объекты, ощущать текстуру, форму, температуру. Однако специфика тела вовсе не исчерпывается представлением его как «физического интерфейса» со сложной сенсорной системой. Воплощенный агент непрерывно воспринимает мир сквозь призму телесности, это неизбежно накладывает свой отпечаток на систему ценностей, на то, что обладает смыслом для субъекта, каким образом человек артикулирует идеи, выражает чувства, эмоции, жестикулирует. По большей части человеческий опыт является «воплощенным» или телесно-обусловленным: реальность формируется паттернами движения тела, контурами пространственной и временной ориентации и формами взаимодействия с объектами⁴³.

Тело является сложным и многомерным объектом, в связи с чем представляется важным проследить трансформацию содержания понятия телесности в европейской философской традиции. Материалов по проблеме телесности в истории западноевропейской философской мысли большое

⁴³ Johnson, M. The body in the mind: Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 19.

множество⁴⁴. Здесь мы вначале приведем краткие справочные сведения о телесности в европейской философии как предтечи «поворота к телу» в современных когнитивных исследованиях и далее – результаты более подробного рассмотрения понятия внутрителесных ощущений.

Интерес к телу возникает со времен античной Греции. Начиная с Олимпийских игр, подтянутое, атлетичное тело становится предметом восхищения. В различных видах искусства явно просматривается «культ тела», оно исследуется с эстетической точки зрения, вытачивается в скульптурах, отображается в живописи.

В античной натурфилософии и медицине того периода тело также было объектом исследования. Например, Гиппократ разработал ставшее впоследствии известным учение о темпераментах, или гуморальную теорию. По Гиппократу, свойство характера обусловлено четырьмя основополагающими жидкостями (гуморами): кровь, флегма (слизь), желтая желчь и черная желчь; преобладание одной жидкости (сока) по отношению к другой влияет на темперамент человека: кровь лежит в основе темперамента сангвиника, слизь – флегматик, желтая желчь – холерика, черная желчь – меланхолика⁴⁵. Тем самым Гиппократ придал типам темперамента соматическую основу.

В дальнейшем, благодаря Сократу, произошел «антропологический поворот», в рамках которого фокус познания сместился с восприятия физических фактов окружающей действительности на природу человека. Тело с этого момента характеризовалось в рамках дуальной системы, как противоположность душе. У Платона в «Федоне» можно встретить диалог Сократа и Симмия о бренности тела и бессмертии души, где отношение души и тела метафорически

⁴⁴ Крейдлин Г.Е., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Переверзева С.И., Хесед Л.А. Язык и семиотика тела. В 2 т. Т. 1: Научная библиотека, 2020. 672 с.; Крейдлин Г.Е., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Переверзева С.И., Хесед Л.А. Язык и семиотика тела. В 2 т. Т. 2: Научная библиотека, 2020. 488 с.; Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 456 с.; Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 147–151; Johnson, M. The body in the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 272; Johnson, M. The Meaning of the Body: University of Chicago Press, 2007. P. 328; Lakoff, G.; Johnson, M. Philosophy in the flesh. New York: Basic Books, 1999. P. 640; Gallagher, S. How the Body Shapes the Mind: Oxford University Press, 2005. P. 284.

⁴⁵ Гиппократ. Избранные книги. М.: Биомедгиз, 1936. С. 198–199.

передается с помощью образа лиры: Платон рассматривает телесность как лиру и струны, а настроенность, или «гармонию», у него выражает душа⁴⁶.

Позднее Аристотель в трактате «О душе» пересмотрел распространенный у пифагорейцев взгляд на тело как «форму, в которой заточена душа». Он систематически анализировал проблему соотношения души и тела, указывая на то, что душа неоднородна и состоит из частей, причем некоторые из них отвечают за мышление и ощущение. Тело не отделимо от души – это форма, позволяющая душе испытывать гнев, отвагу, ощущение соприкосновения с какими-либо объектами⁴⁷. Данная идея позднее нашла отражение в текстах Фомы Аквинского. Если у Аристотеля тело и душа взаимосвязаны и конечность тела определяет конечность души, то у Платона душа субстанциальна и самодостаточна, в отличие от тела. Данная дихотомия взглядов оказала влияние на восприятие телесности в дальнейшем.

В средневековый период тело рассматривалось как знак иррационального содержания. На данном этапе тело встраивалось в концепцию теоцентризма, где возникали корреляции с антропоморфной природой Творца. Антропологическая проблема решалась в рамках христианской традиции, в которой человек, потерявший свою первозданность, в процессе познания себя, тела, души и с помощью различных телесных практик пытается обрести ее заново. Телесные практики носили аскетический характер, цель их была в отрешении и освобождении от страстей. В человеке постоянно протекает борьба разумного и плотского – борьба страстей. Тело – это то, что должно быть преодолено.

Новое время явилось важным периодом в развитии философской мысли, так как именно критика картезианского дуализма считается отправной точкой в философской разработке проблематики телесности⁴⁸. Р. Декарт осмыслял вопросы телесности, ставя проблему соотношения тела и сознания, или психофизическую

⁴⁶ Платон. Сочинения в четырех томах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-ва, 86б, 2007. С. 53.

⁴⁷ Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Мысль, 402б, 1976. С. 372.

⁴⁸ Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 147–151; Глазков К.П. Телесное присутствие в геолокационных играх. Часть 1 // Социология власти. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnoe-prisutstvie-v-geolokatsionnyh-igrakh-chast-1>.

проблему. В его трактатах «Человек»⁴⁹, «Описание человеческого тела»⁵⁰ тело наряду с физиологическими характеристиками обладает умственно-психическими свойствами. В целом у Р. Декарта телесность выражается через совокупность механизированных процессов, а разум, мыслящая субстанция, функционирует изолированно от тела. Корни декартовского дуализма прослеживаются в религиозных воззрениях католической церкви, согласно которой душа бессмертна и каждый человек является ее носителем. Однако на тот момент аристотелевский взгляд на тройственную природу души был более распространен. Согласно Декарту, сознание выражается как мыслящая субстанция (*res cogitans*), существующая автономно от протяженной/материальной субстанции (*res extensa*). Р. Декарт настаивал на том, что существование человеческой души не зависит от человеческого тела; он начал развивать механизированное видение телесности. Понятие «тело-машина» было в то время распространенным, затем оно встречается у Т. Гоббса в «Левиафане».

Телесность у Т. Гоббса также отождествляется с «механистической метафорой», в соответствии с которой биологические организмы являются «автоматами», функционирующими по модели часовых механизмов: сердце – пружина, нервы – нити, суставы – колеса и т.д.⁵¹. Помимо этого, само государство («Левиафан») и государственные институты представлены через соматические описания: исполнительная власть – искусственные суставы; судебная власть – нервы. Благосостояние государства также ассоциируется со здоровьем; смута и волнения в обществе – с болезнью⁵². Сам термин «человек-машина» был введен в европейский антропологический тезаурус позднее французским мыслителем Ж.О. де Ламетри, по мысли которого тело подобно исправному часовому механизму работает, подчиняясь гнету естественных потребностей⁵³.

Позднее Г. Лейбниц сформулировал теорию «психофизического

⁴⁹ Декарт Р. Человек. М.: Практика, 2012. С. 128.

⁵⁰ Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.

⁵¹ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 478.

⁵² Там же.

⁵³ Ламетри Ж.О. Сочинения / Общ. ред., предисл. и примеч. В.М. Богуславского. 2-е изд. М.: Мысль, 1983. С. 509.

параллелизма» (поддерживая декартовский дуализм), согласно которой телесность и мышление существуют в «предустановленной гармонии», но эти процессы являются равноудаленными, не влияющими друг на друга. Однако, в отличие от Р. Декарта, Г. Лейбниц подчеркивал, что протяженность сама по себе не является субстанцией. Он рассматривал протяженность не в качестве пассивного свойства (сопротивление, непроницаемость), а как динамическое свойство, поскольку тело «не безразлично к покою» и постоянно стремится к «активной силе» и действию по кеплеровскому принципу «природной инерции»⁵⁴. Более того, «телесный механицизм» Г. Лейбница отличается от картезианского тем, что тело здесь не просто «автомат» (конечный механизм), а «естественный автомат/машина природы» или «божественная машина» – сложноорганизованное органическое тело, каждая часть которого является машиной, состоящей из других живых монадных душ⁵⁵. По Г. Лейбницу, то, что может быть названо телом, по сути своей является агрегатом или совокупностью бесконечного множества истинных субстанций – монад⁵⁶. Смерть тела, утверждал Г. Лейбниц, не означает «остановку механизма», так как монада проста и неуничтожима и всегда содержится в теле; смерть – это не уничтожение или разрушение, а трансформация или преобразование организма до микроскопического уровня, ожидающего нового этапа организации⁵⁷. Таким образом, в воззрениях Г. Лейбница на природу телесности прослеживается переход от радикального «механицизма» к органическому телу (естественной машине), стремящемуся к непрерывному изменению и совершенствованию. Б. Спиноза, анализируя идею протяженной и мыслящей субстанции, не разделял позицию дуализма, настаивая на существовании одной субстанции, наделенной атрибутами мышления и протяжения⁵⁸. Иными словами, Б. Спиноза не придерживался концепции субстанциального дуализма, в рамках которой имеет место противопоставление

⁵⁴ Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Том 1. М.: Мысль, 1982. С. 299.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 358.

⁵⁷ Там же. С. 375.

⁵⁸ Спиноза Б. Избранные произведения в 2 т. Том 2. М.: Государственное Издательство политической литературы, 1957. С. 728.

тела и души.

Понятие телесности присутствует и в классической немецкой философии. Чаще всего ее представители (Г. Гегель и Л. Фейербах) защищали положение о целостности тела и мыслительных процессов: «Только тело является той отрицающей, ограничивающей, сосредоточивающей, сжимающей силой, без которой немислима личность. Отними у своей личности ее тело, и ты отнимешь у нее его спаянность. Тело есть основание, субъект личности»⁵⁹. А. Шопенгауэр, в свою очередь, привнес в классическую модель разделения «душа – тело» волю, которая является основной силой, направляющей тело. По А. Шопенгауэру, духовное начало – это результат физиологической природы человека⁶⁰. Также Ф. Ницше, оппонируя доминирующей на тот момент платоно-христианско-картезианской традиции, настаивал на первичности телесности над разумом, утверждая, что мы можем лучше познать свое тело, чем разум. Отношение к телу передается Ф. Ницше в том числе через метафору танца⁶¹.

В XX веке наметился «концептуальный поворот» в рассмотрении телесности. Вопросы телесности стали исследоваться в теоретическом фокусе психоанализа. По З. Фрейду, репрезентация телесности детерминирована глубинными пластами человеческой психики. З. Фрейд обратил внимание на влияние бессознательных процессов на восприятие реальности человеком. Подобный пересмотр человеческой психики позволил сделать вывод о том, что человек определяется не только ментальным, рациональным содержанием, но и глубинной, иррациональной данностью, заложенной изначально. Это позволило прояснить природу агрессии, насилия, жестокости. У З. Фрейда тело является одновременно источником внутреннего и внешнего восприятия. Именно вследствие внутреннего восприятия тело выделяет себя из мира внешних восприятий⁶². Вероятно, З. Фрейд читал современные на тот момент работы по нейрофизиологии, поскольку под типом «внутреннего телесного восприятия»

⁵⁹ Фейербах Л. Сочинения: В 2 томах. Том 1. М.: Наука, 1995. С. 97.

⁶⁰ Шопенгауэр А. Собрание сочинений в шести томах. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001.

⁶¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; Пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 829.

⁶² Фрейд З. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2012. С. 875.

можно подразумевать интероцепцию, которая к тому времени уже была концептуализирована Ч. Шеррингтоном⁶³. Помимо этого, З. Фрейд подчеркивал, что «Я» – телесно⁶⁴. Как можно увидеть, благодаря психоаналитической традиции и психологии в целом внутренний телесный опыт с определенного момента стал выступать на передний план. Это ознаменовало кризис телесной модели человеческого опыта, построенного в основном на восприятии внешних стимулов, по причине того, что сегодня значимость внутрителесного перцептивного опыта является очевидной.

Ж. Батай в психоаналитической традиции исследовал проблему физического «я» как части проблемы «телесность и культура»⁶⁵. По Ж. Батаю, телесность осмысляется посредством категории «предельности», смертности. Тело в его понимании является вместилищем души, существование которой определяет человеческое Я. Благодаря телесности человек осознает собственную конечность и то, что тело помимо души содержит в себе смерть.

В психоаналитической традиции статус телесности был пересмотрен: тело более не противопоставляется психическому, а становится неотъемлемой его частью. Чувство боли, желания, воля, поведение – все это является производным телесной репрезентации. Затем психоаналитический фокус исследования сместился с дуализма «сознание – тело» к «сознательное – бессознательное». Тем не менее дальнейшее развитие психоаналитической традиции привело к рассмотрению тела в различных контекстах: травма и диссоциация, отношения «мать – ребенок» и т.д.⁶⁶.

В феноменологии аспектам телесности придается интенциональность. Э. Гуссерль позиционировал тело как пассивное начало, абсолютизируя духовность и субъективное начало. С одной стороны, являясь физическим объектом, тело имеет свою протяженность – «extension», куда входят его реальные свойства:

⁶³ Sherrington, C.S. The integrative action of the nervous system. New Haven: Yale University Press, 1911.

⁶⁴ Фрейд З. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2012. С. 876.

⁶⁵ Матюшко А.В. Категория телесности в философском дискурсе // Актуальные вопросы современной науки. 2008. № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-telesnosti-v-filosofskom-diskurse>.

⁶⁶ Eekhoff, J. Trauma and Primitive Mental States: Routledge, 2019; Maniatakis, G.; Conci, M. Presence of the body in psychoanalysis // International Forum of Psychoanalysis, 2021. № 3, vol. 30. Pp. 127–128.

цвет, гладкость, жесткость, теплота и пр. С другой стороны, существуют такие состояния, как тепло на тыльной стороне рук, холод в ногах, ощущения на кончиках пальцев, приводящие к тому, что тело, вступая в физическую взаимосвязь с другими материальными объектами, доставляет не только физический опыт, связанный с телом и вещами, но и опыт специфических телесных процессов. Именно эти процессы и называются чувствами – «*empfindnissen*»⁶⁷.

М. Мерло-Понти переосмыслил онтологический статус телесности, введя термин «феноменальное тело». Он рассматривал телесность как первичный фактор организации мира. Тело в его интерпретации выступает как системообразующий концепт, который не просто является частью объективной реальности, а проектирует ее посредством своих желаний⁶⁸. В работе «Око и дух» ученый писал: «Призрак зеркала выволакивает наружу мою плоть, и тем самым то невидимое, что было и есть в моем теле, сразу же обретает возможность наделять собой другие видимые мной тела. С этого момента мое тело может содержать сегменты, заимствованные у тел других людей, так же как моя субстанция может переходить в них: человек для человека оказывается зеркалом. Само же зеркало оборачивается инструментом универсальной магии, который превращает вещи в зримые представления, зримые представления в вещи, меня – в другого, и другого в меня»⁶⁹. Согласно М. Мерло-Понти, тело обладает особой способностью постигать и быть частью мира чувственных категорий. Тем самым, относя к телу такие категории, как «чувственное» и «думающее», М. Мерло-Понти отвергал модель декартовского дуализма тела и сознания⁷⁰. Точка зрения М. Мерло-Понти в отношении тела касается не только феноменологии, но и философии в целом. В одной из своих лекций он охарактеризовал философию как «храмующую»

⁶⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. С. 489.

⁶⁸ Матюшко А.В. Категория телесности в философском дискурсе // Актуальные вопросы современной науки. 2008. № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-telesnosti-v-filosofskom-diskurse>.

⁶⁹ Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. С. 22.

⁷⁰ Садыков Р.А., Курленкова А.С. Онтологии тела и медицинской практики // Социология власти. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologii-tela-i-meditsinskoj-praktiki>.

(limping), а затем восхвалял её именно через эту калечащую метафору: «хромота философии – её добродетель»⁷¹. Важно отметить, что феноменологический взгляд М. Мерло-Понти на природу телесности оказал влияние на теоретиков телесно-ориентированного подхода⁷², что способствовало развитию когнитивных наук в дальнейшем.

Телесность рассматривается в рамках французской традиции структурализма. Большой вклад в исследование телесности внес, в частности, М. Фуко. Тело занимало центральное место во всех его крупных работах. М. Фуко начал изучать тело как часть политического дискурса. В работе «Надзирать и наказывать»⁷³ тело характеризуется как часть карательной системы власти. «Машина власти» маскирует явные формы насилия, господствуя над телом посредством дисциплинарных мер. В этом видна и проблема социальной концептуализации телесности: появляется все больше бюрократизированных институтов, контролирующих едва ли не все аспекты жизнедеятельности⁷⁴. Более того, в работе 1954 г. «Психическая болезнь и личность» М. Фуко касается экзистенциальной проблематики телесности, затрагивая патологические проявления психики как изначальную характеристику человеческой жизни⁷⁵.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе. В «понимающей психиатрии» (К. Ясперс, Э. Минковски, Э. Штраус и др.) специалисты обращаются к феноменологии внутреннего мира больного и открывают его «метафизическую глубину»⁷⁶. После М. Фуко восприятие тела посредством философско-медицинского дискурса стало общепринятым. Отметим, что глубокое влияние на французских мыслителей, в частности на М. Фуко и Ж. Деррида – особенно в экзистенциальной философии и

⁷¹ Цит. по: Shusterman, R. *Body Consciousness*. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 50.

⁷² Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. *Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт*. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. 456 с.

⁷³ Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 480.

⁷⁴ Садыков Р.А., Курленкова А.С. *Онтологии тела и медицинской практики // Социология власти*. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologii-tela-i-meditsinskoj-praktiki>.

⁷⁵ Фуко М. *Психическая болезнь и личность* / Пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. Изд. 2-е, стереотип. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. С. 320.

⁷⁶ Моруа Л.П. *Когнитивные аспекты телесности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-aspekty-telesnosti>.

феноменологии, оказал М. Хайдеггер, которого также занимали вопросы телесности⁷⁷.

Авторы последующих подходов пытались поместить тело в центр рассмотрения проблемы самосознания. Ж. Делез и Ф. Гваттари в рамках концепции «тело без органов» подчеркивали разницу между «Я» и «моим телом», предполагая, что тело является совокупностью всех возможностей, которые могут произойти с человеком. То, что происходит с телом, происходит и с разумом, и телу требуется постоянно нащупывать свои возможности, чтобы подтвердить, что оно реально.

Для других теоретиков тело служило ключом к пониманию макропорядка. М. Мосс в работе «Техники тела» (1979) писал о техниках тела, которые формируются в различных обществах по-разному и которые диктуют то, как необходимо использовать тело. В этом контексте телесные проявления: прыжки, танцы, плавание, бег – становятся неотъемлемой частью психосоциологической таксономии, где социальные особенности определенных культур накладывают отпечаток на характер физической активности⁷⁸. По П. Бурдье, тело все больше воспринимается как незавершенный проект, в котором отражаются накладываемые ограничения на выбор стилей жизни, воспроизводятся привычки и неравенство. В запутанном обществе постмодерна люди все больше обращаются к телу как свойству, определяющему собственную идентичность. П. Бурдье было сформулировано понятие «габитус», которое описывает систему внутренних диспозиций, вкусов, предпочтений и навыков, формирующихся у индивида через социальный опыт и практику⁷⁹. Габитус влияет на восприятие мира, принятие решений и поведение человека, определяя его социокультурные предпочтения. В данном контексте тело конституируется социальными необходимостями и нормами.

В рамках социальной антропологии тело начинает рассматриваться в

⁷⁷ Rabinow, P. The third culture // History of the Human Sciences, 1994. № 2, vol. 7. Pp. 53–64.

⁷⁸ Mauss, M. Techniques of the body // Economy and Society, 1973. № 1, vol. 2. Pp. 70–88.

⁷⁹ Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 100–127.

особом теоретическом ракурсе. В работе М. Дуглас «Чистота и опасность»⁸⁰ тело представлено не редукционистски как биологическая сущность, но как ресурс для культурно-социальных конструкций, где физическое тело (его границы, выделения, целостность) служит моделью для описания социальных процессов. Подчеркивается особая роль телесности как инструмента для формирования классификаций и упорядочивания опыта. По М. Дуглас, тело – не столько физический объект, сколько метафора и сложная структура, которая выступает как источник социальных символов для отображения других сложных структур⁸¹. Между телесными и социальными границами существует структурное соответствие – тело представлено как универсальная модель для отображения социальных границ. Например, в ритуальных практиках кургов (совр. кодава – этническая группа, проживающая в штате Карнатака на юге Индии) тело мыслится как «осажденный город», где входы/выходы надежно охраняются от нечистот, маргинальных элементов (кровь, слюна и пр. выделения), которые могут попасть в организм повторно, что будет считаться осквернением тела⁸². У израильтян тело позиционируется как «священный сосуд», который должен быть «огражден» от телесных выделений, являющихся маргинальными нечистотами, которые приравниваются к телесным недостаткам⁸³. По М. Дуглас, такая обеспокоенность относительно целостности и неприкосновенности телесных границ является отражением обеспокоенности о границах «политического тела», которое находится под перманентной угрозой⁸⁴. Помимо прочего, в некоторых ритуалах манипуляции с телом (кровопускание, выделения) необходимы для разрешения конфликтов. Например, в племени ндембу (народ в Центральной Африке, проживающий преимущественно на территории современной Замбии) в процессе коллективной ритуальной практики из пациента извлекается зуб и производится кровопускание, что интерпретируется как групповая терапия, в ходе

⁸⁰ Дуглас М. Чистота и опасность / Пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц, 2000.

⁸¹ Там же. С. 173.

⁸² Там же. С. 184.

⁸³ Там же. С. 86.

⁸⁴ Там же. С. 186.

которой человек освобождается от физического недуга, а представители племени – от социального конфликта⁸⁵. Таким образом, связь тела с социальными процессами в работе М. Дуглас обосновывается через представление тела не как автономного биологического объекта, а как универсальной культурно-символической матрицы, которая «накладывается» на внешние явления для упорядочения и корректного описания социальных практик.

Краткий обзор проблемы телесности в европейской философии указывает на тот факт, что тело является давним философским объектом. Представление телесности претерпело несколько этапов смысловой трансформации. На начальном этапе тело воспринималось как вместилище души, у которого отсутствует самостоятельный статус. Далее тело мыслилось как биологический механизм (автомат), в котором полностью отсутствует психическая внутренняя жизнь. Затем, в XX веке, характеристика тела стала приобретать более комплексный характер, как объекта, находящегося в тесной взаимосвязи с психической деятельностью человека и являющегося важным компонентом «Я-сознания». Телесное приобрело социально-конструктивистский статус, в рамках которого социальные привычки и культурные нормы влияют на телесную репрезентацию личности. Важно подчеркнуть, что интероцепция долгое время не фигурировала как научный объект, связанный с изучением природы телесного. Вызвано это, на наш взгляд, рядом причин:

- науке потребовалось достичь определенного уровня развития, благодаря которому интероцепция будет определена методами точных наук;
- внутрителесная система и ощущения, связанные с ней, априори являются более сложными для языкового представления. В отличие от экстероцептивного типа восприятия, перцепция интероцептивных ощущений не связана с внешними объектами окружающего мира, на которые субъект мог бы указать;
- вследствие приватности и специфической локализации

⁸⁵ Там же. С. 111.

интероцептивных процессов субъект не всегда придает значение тому, что происходит внутри и является частью его самого, поскольку человек чаще опирается на экстероцептивный вид сенсорной модальности.

Дальнейшие разделы настоящего исследования посвящены интероцепции и ее роли в познании и социальной коммуникации, поэтому необходимо рассмотреть историю становления данного объекта.

Интероцепция в строгом смысле слова представляет собой процесс обработки информации от внутренних органов, таких как органы сердечно-сосудистой, дыхательной, желудочно-кишечной и мочеполовой систем⁸⁶. С помощью интероцепции человек способен отследить некоторые изменения на внутрителесном уровне или понять, что какие-либо факторы препятствуют его нормальному физиологическому состоянию (гомеостазис). По причине того, что интероцептивные процессы протекают автономно от фактора их осознания, они не являются частью сознательного опыта. Между тем, более интенсивные или яркие внутрителесные события (такие как режущая боль в желудке, стягивание/скручивание мышц или слабость во всем теле) становятся неотъемлемой частью субъективного опыта. Эта особенность интероцепции («скрытые» от субъективного опыта процессы и, наоборот, когда ощущения, связанные с этой активностью, «выходят на передний план» сознательного опыта) может быть объяснена с помощью двух терминов: рецепция и перцепция⁸⁷. Рецепция – процесс преобразования организмом физических, химических и прочих стимулов в нервные сигналы. В свою очередь, перцепция – это интеграция организмом сенсорных событий, исходящих от окружающей среды. На основании прошлого опыта субъект способен прогнозировать будущие события. Рецепция, в отличие от перцепции, не требует осознанности или сознательного отклика на стимул. В данном контексте оба этих термина применимы к внутрителесным процессам.

На наш взгляд, объем и содержание понятия «интероцепция»

⁸⁶ Ádám, G. Visceral Perception. Boston, MA: Springer US, 1998. P. 8.

⁸⁷ Там же.

трансформируются в зависимости от концептуальных и методологических ограничений различных парадигмальных контекстов, адаптируясь под определенные теоретические ограничения научных программ. На раннем этапе интероцепция была представлена как набор физиологических процессов и реакций, но вследствие развития нейро- и когнитивных наук данное понятие стало выходить за пределы узких терминологических рамок физиологии и медицины.

Разработка вопросов интероцепции началась с Ч. Шеррингтона, именно им данный термин был введен в науку. Ч. Шеррингтон указал на существование различных рецепторов, которые связаны с тремя сенсорными модальностями человека: экстероцепция, проприоцепция, интероцепция⁸⁸. Изначально интероцепция рассматривалась как ограниченная сенсорная система («внутренняя поверхность»⁸⁹), которая практически не взаимодействует с окружающей средой. Ввиду того, что экстероцептивная система направлена на восприятие внешних стимулов, исходящих из окружающей среды, предполагалось, что данный вид опыта значительно превосходит интероцептивный.

До Ч. Шеррингтона в 1863 г. И.М. Сеченов в работе «Рефлексы головного мозга» затрагивал «неопределенные темные ощущения», связанные с полостными органами груди и живота⁹⁰. По И.М. Сеченову, эти ощущения относятся к разряду самосознания и могут влиять на перемену характера, появление нервозности, раздражительности. Интероцепция здесь фигурирует и как мышечное ощущение, которое в совокупности со слуховой модальностью играет роль в восприятии времени⁹¹. Изначально интероцептивные ощущения у И.М. Сеченова и Ч. Шеррингтона были представлены как бессознательные, что приводило к выводу об их «отсутствии» в области субъективного опыта в перспективе от первого лица. Интероцептивный опыт значительно беднее выражен в речевой практике, что подтверждается лексическим анализом в современных кросс-культурных

⁸⁸ Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Л.: Наука, 1969. С. 123.

⁸⁹ Там же. С. 300.

⁹⁰ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М.: АСТ, 2015. С. 41.

⁹¹ Там же. С. 42.

исследованиях⁹². Вероятно, это вызвано тем, что человеческое восприятие в большей степени направлено на обработку внешних стимулов. В большинстве случаев человеку свойственно фокусироваться на изменениях окружающей среды, которая, с эволюционной точки зрения, может являться источником угрозы для жизни. Очевидно, что Ч. Шеррингтоном интероцепция рассматривалась исключительно с точки зрения классической нейрофизиологии. В этом контексте интероцепция не была представлена в поле сознательной осведомленности и считалось, что данный вид ощущений практически никак не отражается в субъективном опыте.

В дальнейшем был представлен поведенческо-ориентированный взгляд на интероцепцию. Благодаря развитию бихевиоризма выяснилось, что информация, улавливаемая интероцепторами⁹³, используется для многих сложных процессов, выходящих далеко за пределы физиологических вегетативных рефлексов и гомеостаза.

Д. Уотсон, один из родоначальников бихевиоризма, отвергал распространенное на тот период убеждение, что поведение обусловлено «наследственными диспозициями» (предрасположенностями). И.П. Павловым было экспериментально подтверждено, что висцеральная активность частично поддается контролю и что она может влиять на поведение. Поскольку был применен термин «висцеральный», необходимо обозначить, что этот термин связан с внутрителесными ощущениями, исходящими от внутренних органов. Для того, чтобы избежать терминологических затруднений, было предложено четкое разграничение между висцероцепцией (и висцерорецепторами) и интероцепцией⁹⁴. Первая категория должна относиться к традиционному

⁹² Lee, J.; Shin, J.-A. The cross-linguistic comparison of perceptual strength norms for Korean, English and L2 English // *Frontiers in Psychology*, 2023, vol. 14, P. 540.

⁹³ Интероцепторы (в русскоязычных источниках также встречается такой вариант как «интерорецепторы») – это специализированные сенсорные рецепторы, расположенные внутри организма, которые обнаруживают внутренние физиологические состояния. Играют ключевую роль в мониторинге внутреннего состояния организма (например, голод, жажда, боль и температура) (Denton, D.; Shade, R.; Zamarippa, F., et al. Neuroimaging of genesis and satiation of thirst and an interoceptor-driven theory of origins of primary consciousness // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 1999. № 9, vol. 96. Pp. 5304–5309).

⁹⁴ Ceunen, E.; Vlaeyen, J.W.S.; van Diest, I. On the Origin of Interoception // *Frontiers in Psychology*, 2016. № 226, vol. 7. P. 577.

психофизиологическому подходу изучения внутрителесных процессов, в то время как второй термин включает в себя все источники информации о фактическом состоянии организма. После появления термина «интероцепция», значение которого расширяется благодаря новым исследованиям, термины «висцеральный» и «интероцептивный» рассматриваются как синонимичные, так как они связаны с обработкой информации, исходящей изнутри тела⁹⁵. Термин «интероцепция» стал фигурировать только в работах 1940-х годов⁹⁶, причем в различных теоретико-методологических контекстах, что не позволяло закрепить за ним строгий объем и ясное содержание.

Интероцепция, с точки зрения бихевиоризма, встраивается в жесткий методологический каркас стимулов и реакций, где внутрителесная активность – это каскад физиологических реакций на внешние раздражители.

Подытоживая, можно сказать, что интероцепция до развития когнитивных наук была представлена в двух теоретических параметрах:

1) нейрофизиологический подход – в русле которого постулировалось, что интероцептивная активность является преимущественно бессознательной и не играет значимой роли за пределами физиологических границ тела (Ч. Шеррингтон);

2) бихевиористский (психофизиологический) подход – благодаря развитию данной научной программы представление об интероцепции расширилось и отстаивается мысль, что внутрителесная активность оказывает влияние на поведение и, что значимо, внутрителесная среда реагирует на экстероцептивные (внешние) раздражители, что позволяет через поведение вывести интероцепцию из статуса «темных ощущений», спрятанных во внутрителесных границах, в объективно исследуемую область.

Между тем указанные подходы не рассматривали субъективный, приватный опыт, который порождает интероцептивная активность. Следовательно, в рамках

⁹⁵ Köteles, F. Body Sensations. Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 12.

⁹⁶ Airapetyantz, E.; Bykov, K. Physiological Experiments and the Psychology of the Subconscious // Philosophy and Phenomenological Research, 1945. № 4, vol. 5. P. 577.

психофизиологического подхода основной фокус был направлен на изучение внутрителесных событий и изменений, которые ими вызваны. Из методологического каркаса бихевиоризма было выброшено ментальное содержание субъекта, мотивы, желания и субъективные качества внутрителесных процессов. В бихевиористской исследовательской программе осуществлялась попытка элиминации перспективы от первого лица и субъективного опыта, являющегося неотъемлемой его частью. На данном этапе наука не могла обеспечить междисциплинарное исследование interoцепции, благодаря которому внутрителесные процессы стали играть важную роль в психологии и психиатрии.

В психологии interoцепция приобрела «субъективное измерение». Например, выдающийся психолог У. Джеймс в работе «Что такое эмоция?» (What is an emotion?) 1884 г. предложил «отелесненный» взгляд на происхождение эмоций. По У. Джеймсу, эмоции – это результат комплексных изменений на телесном уровне, которые возникают в процессе восприятия внешних событий⁹⁷. Подчеркивается важность телесных реакций в переживании эмоций; предполагается, что эти физиологические изменения являются неотъемлемой частью эмоционального опыта. В дальнейшем исследования, посвященные взаимосвязи эмоций и телесных процессов, стали одной из магистральных линий изучения interoцепции⁹⁸. Психологи, опираясь на феноменологию, подчеркивали всеобщую природу соматических ощущений и симптомов, в то время как физиологи, основываясь на результатах сложных экспериментов со стимуляцией внутренних органов, все еще считали субъективные переживания interoцепции незначительными. Утверждалось, что «человек может прожить всю жизнь, не замечая никаких внутренних ощущений»⁹⁹. При анализе interoцепции долгое время не рассматривался фактор осознанности и субъективных переживаний

⁹⁷ James, W. What Is an Emotion? // *Mind*, 1884. № 34, vol. 9. Pp. 188–205.

⁹⁸ Hart, N.; McGowan, J.; Minati, L.; Critchley, Hugo D. Emotional Regulation and Bodily Sensation: Interoceptive Awareness Is Intact in Borderline Personality Disorder // *Journal of Personality Disorders*, 2013. № 4, vol. 27. P. 506–518; Ceunen, E.; Vlaeyen, J.W.S.; van Diest, I. On the Origin of Interoception // *Frontiers in Psychology*, 2016. № 226, vol. 7. P. 577; Garfinkel, S.N.; Critchley, H.D.; Pollatos, O. The Interoceptive System: Implications for Cognition, Emotion, and Health // *Handbook of Psychophysiology*, 2017. Pp. 427–443.

⁹⁹ Paintal, A. The visceral sensations-some basic mechanisms, 1986, vol. 67. P. 3.

данного опыта, что может частично объяснить ограниченный интерес к исследованиям, связанным с внутрителесными ощущениями на раннем этапе.

Таким образом, нами были кратко обозначены основные вехи развития идеи телесности в рамках европейской традиции философии. В различные исторические периоды телесность рассматривалась с различных углов зрения.

Можно увидеть, как эволюционировал статус телесности. Восприятие тела как неизбежной функции, противопоставляемой духу, развилось до понимания телесности как сложной многомерной структуры. Телесность стала рассматриваться как часть субъектности, определяющей личность.

В итоге можно отметить, что ближе к концу XX века мыслители, преимущественно последователи европейской традиции, все больше стремились переступить фиксированные границы тела, разрабатывая концепции, отмечающие многоаспектный характер телесности. И все же европейская традиция анализа телесности сфокусировалась на рассмотрении тела с метафизической точки зрения, игнорируя процессы, произошедшие после «когнитивного поворота». Появившиеся точные науки, занимавшиеся исследованием тела (нейрофизиология), внесли свой вклад в эту проблематику. Далее телесность стала объектом анализа в рамках аналитической философии, где были представлены иные подходы к рассмотрению тела.

1.1.2. Проблема соотношения тела и сознания (the mind-body problem) в современной философии

В данном разделе нами будет рассмотрено обоснование проблемы тела и сознания, известной как the mind-body problem. Аналитическая философия отличается особым ракурсом рассмотрения традиционной философской проблемы соотношения тела и сознания. Необходимо проследить, как менялся статус телесности, в рамках основных ее подходов, по причине того, что взгляд аналитической философии, оснащенный в том числе данными эмпирических и когнитивных наук, изменил привычные представления о базовом механизме

взаимодействия тела и сознания. Мы проанализируем и то, как развитие естественных наук способствовало появлению такого научного объекта, как «интероцепция», и как это понятие трансформировалось в дальнейшем.

Проблема соотношения тела и сознания (the mind-body problem) является фундаментальной не только для аналитической традиции, но и для философии в целом. Принято считать, что основания данной проблемы были заложены в дуализме или психофизической проблеме Р. Декарта.

Дуализм. В данной концепции постулируется дихотомия мыслящей (res cogitans) и протяженной (res extensa) субстанции, выражающейся как субстанциальный дуализм. Традиционно дуализм представляется в двух вариантах: интеракционизм, где физические состояния влияют на ментальные и наоборот, – здесь имеет место каузальная связь между материей и ментальными свойствами; эпифеноменализм, отвергающий взаимосвязь ментального и физического и отводящий основную роль физическим процессам.

Несмотря на большое влияние данной концепции на философию и науку, сегодня, ввиду возросшего влияния когнитивных наук, критики дуалистического подхода считают ненадежным обоснование принципов ментальной каузации¹⁰⁰. Было выдвинуто достаточно возражений против идеи нефизических моделей сознания. Неясно, как именно нефизическая и физическая субстанции могут взаимодействовать, нарушая принцип каузальной замкнутости¹⁰¹. Р. Декарт иллюстрировал это взаимодействие при помощи шишковидной железы, являющейся его «оператором»¹⁰². Однако данное объяснение уже давно отвергнуто с позиции физиологии и натуралистических подходов в философии.

Разделение субстанции на «вещь мыслящую» и «вещь протяженную» подверглось критике, в том числе и с точки зрения представителей материализма. Т. Гоббс отвергал возможность существования мыслящей субстанции, считая

¹⁰⁰ Kim, J. *Philosophy of Mind*. Boulder, CO: Westview Press, 2011; Kim, J. What Could Pair a Nonphysical Soul to a Physical Body? // *The myth of an afterlife* (ed. Martin, Michael; Augustine, Keith). Pp. 335–347; Augustine K; Fishman Y.I. *The Dualist's Dilemma: The High Cost of Reconciling Neuroscience with a Soul* // *The myth of an afterlife* (ed. Martin, Michael; Augustine, Keith). Pp. 203–292.

¹⁰¹ Иванов Д.В. *Природа феноменального сознания*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 240.

¹⁰² Декарт Р. *Сочинения* в 2 т. М.: Мысль, 1989. С. 495–496.

само понятие «мыслящая субстанция» логически противоречивым: «...как если бы человек сказал: бестелесное тело»¹⁰³. Ж.О. де Ламетри в попытке обосновать целенаправленность движения тела, на основе экспериментальных исследований животных, пришел к выводу о собственном целеполагании тела, доказывая, что оно не контролируется «мыслящей субстанцией».

Уже во второй половине XIX века в научных кругах некоторые мыслители заняли позицию эпифеноменализма. Например, Т. Гексли придерживался убеждения, согласно которому человеческое тело представляет из себя подобие механизированного аппарата (automata), поведение которого контролируется мозгом, и здесь у Гексли нет вопросов по физической воплощенности когнитивных функций, но само сознание воспринимается им как нематериальная субстанция¹⁰⁴. Несколько иначе проблема корреляции решается при помощи окказионализма Мальбранша, путем введения Бога, стороннего посредника, отвечающего за взаимосвязь тела и сознания¹⁰⁵.

Против самой идеи дуализма выступает функционализм. Д. Деннет, в частности, описывает ее как иллюзию «картезианского театра», настаивая на единстве знания, достижение которого невозможно, пока не будет элиминировано понятие сознания¹⁰⁶.

Итак, в вопросе о роли телесности в «картезианском/декартовском дуализме» напрашивается вывод о том, что тело выступает здесь исключительно как машина/аватар, существующая независимо от психофизических законов, где тело – побочная характеристика когнитивных функций, а субъектность не определяется наличием тела, а наоборот – тело может мыслиться без сознания. В некотором смысле эпифеноменализм отразился на раннем бихевиоризме (методологическом бихевиоризме), затрагивающем механизм воплощения ментальных состояний в их физическом выражении.

¹⁰³ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 268.

¹⁰⁴ Huxley, T.H. On the Hypothesis that Animals are Automata, and its History // Nature, 1874. № 253, vol. 10. Pp. 362–366.

¹⁰⁵ Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 18.

¹⁰⁶ Dennett, D.C.; Weiner, P. Consciousness explained. New York [etc.]: Little, Brown and Company, 1991. P. 511.

Несмотря на критику дуалистической модели, среди современных религиозных философов существуют исследователи, поддерживающие субстанциальный дуализм в его новой интерпретации – «мягкий дуализм»¹⁰⁷. Тем не менее в рамках современной философии сознания дуалистическая позиция занимает, по большей степени, маргинальные позиции, что не скажешь о месте дуализма в контексте обыденного сознания.

Бихевиоризм. Во второй половине XX века наметился поворот к материализму, в рамках которого критиковалась дуалистическая модель сознания. Книга «Понятие сознания» Г. Райла стала трудом, постулировавшим идеи бихевиоризма, которые оказали влияние на последующее развитие философии сознания¹⁰⁸.

Г. Райлом доказывалась необоснованность субстанциального дуализма, где ментальное содержание локализовано в нематериальной субстанции. В работе «Понятие сознания» (1991) деконструируется миф Р. Декарта, сформулированный как «дух в машине»¹⁰⁹. Г. Райл выразил идею, согласно которой разум – это аспект поведения. Например, испытывать психическое состояние (боль) – значит находиться в определенном поведенческом состоянии (корчиться) или субъект ведет себя определенным образом, выражая боль как-то иначе. Тем самым ставится вопрос о социальном измерении познания – сознание перестает обладать сугубо приватными качествами. Посредством поведенческих паттернов ментальное содержание субъекта может быть объективно наблюдаемым.

Также человеческое поведение исследовалось с точки зрения логического позитивизма. Р. Карнап в работе «Психология на языке физики» (1959) утверждал, что поведение людей может быть выражено в физических терминах, которые являются универсальными и на которые все может быть переведено¹¹⁰. Иначе говоря, психические состояния могут быть физикализированы.

¹⁰⁷ Swinburne, R. The evolution of the soul: Oxford University Press, 1997. P. 376. Также следует отметить новую работу, отстаивающую дуалистическую позицию сознания: Brenner A. Personal Ontology: Cambridge University Press, 2024.

¹⁰⁸ Armstrong, D.M. The Mind-Body Problem. New York: Routledge, 2018. P. 55.

¹⁰⁹ Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 408.

¹¹⁰ Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. 2013;(1): С. 126–146.

Г. Райл критиковал картезианский дуализм, объясняя привлекательность данной идеи недостаточными на тот момент биологическими и прочими эмпирическими данными. К. Гемпель предлагал отказаться от использования «субъективного языка» ментальных терминов и использовать вместо этого диспозиционный подход, который рассматривает личность через призму предрасположенностей к определенным аспектам поведения. Ввиду того, что ментальные свойства не могли считаться эмпирически обоснованными из-за их принципиальной ненаблюдаемости, диспозиционный подход позволял перевести словарь ментальных терминов на другой уровень, где физические условия, преобладающие в теле, коррелируют с последующим поведением. Таким образом, вопрос о том, испытывает ли человек боль, заменяется вопросом о том, предрасположен ли человек к поведению или языку, связанному с болевыми переживаниями¹¹¹.

В ходе «когнитивного поворота» бихевиоризм был подвергнут критике различными исследовательскими программами. Н. Хомский в своем критическом отзыве на книгу Б. Скиннера «Вербальное поведение» (1959) последовательно приводил аргументы против бихевиоризма как правдоподобной теории языка, указывая на то, что поведение говорящего или слушающего агента предоставляет фактические данные для изучения языка. В то же время эти данные являются вводными: поведение и опыт, взаимодействие с окружающей средой не определяют того, как субъект строит те или иные высказывания, так же как и структурное описание языка не дает отчета о фактическом поведении¹¹². По Н. Хомскому, эти процессы обусловлены освоенной каким-либо образом генеративной грамматикой.

Более интуитивной представляется мысль о том, что сознание – это внутренняя причина поведения, а не аспект самого поведения. Далеко не во всех ситуациях поведенческие паттерны неизбежно определяют физические явления.

¹¹¹ Moore, J. On the Relation Between Behaviorism and Cognitive Psychology. // The Journal of Mind and Behavior, 1996. № 4, vol. 17. P. 359.

¹¹² Chomsky, N. A Review of B. F. Skinner's Verbal Behavior // Readings in philosophy of psychology (ed. Block, Ned Joel). London. Methuen, 1980. Pp. 48–63.

Аргументацией подобного рода пользовался Х. Патнэм в работе «Мозг и поведение»¹¹³. Посредством мыслительного эксперимента «супер-спартанцы» ("super-spartans") он продемонстрировал, что некоторые существа могут чувствовать боль, не имея при этом никаких поведенческих диспозиций. Аналогично этому хороший актер, выражая поведенческие состояния, необязательно переживает связанные с этим психические процессы.

Идея бихевиоризма была привлекательна с позиции философии позитивизма, согласно которой наблюдения требуют только объективные, непосредственно наблюдаемые явления, сводимые в бихевиоризме к совокупности связей типа «стимул – реакция». В данном контексте тело определяется изначальными поведенческими схемами (дыхание, глотание), которые могут развиваться до более сложных «репертуаров поведения»¹¹⁴.

Тем самым тело встроено в поведенческие инвариантности. Представители бихевиоризма, фокусируясь исключительно на факторах поведения, теряли приватные, внешне ненаблюдаемые понятия, такие как воля, мышление, сознание, чувства, квалиа и т.д., сводя все процессы к рефлексам, стимулам, за что были подвергнуты критике, в том числе и с позиции гештальтпсихологии.

Теория тождества. Основной идеей данного подхода было доказать «замкнутость» ментальных процессов с физическими состояниями мозга. Теория тождества идет дальше, утверждая, что ментальные состояния идентичны физическим процессам мозга, что обозначается как психофизическое соответствие (psychophysical correspondence). В данном случае эта теория может восприниматься наиболее близкой к эмпирическим наукам, в частности нейронаукам. Большинство исследователей признают, что психические состояния, по крайней мере косвенно, коррелируют с состояниями мозга: ощущение боли может быть связано с определенным видом мозговой активности. Д. С্মарт стремился репрезентировать ментальные состояния с помощью

¹¹³ Putnam, H. Brains and Behavior // Readings in philosophy of psychology (ed. Block, Ned Joel). London. Methuen, 1980. Pp. 24–36.

¹¹⁴ Скиннер Б.Ф. Наука и человеческое поведение / Пер. с англ. А.А. Федорова, А.И. Васильева. Новосибирск, 2017. С. 517.

нейтральных описаний, пытаюсь их переформулировать с помощью нейтральных терминов. Допустим, термин «боль» может быть переформулирован как аналогичное состояние, испытываемое во время пареза руки¹¹⁵.

Тем не менее в рамках теории тождества не представляется возможным получить ответы на некоторые вопросы философии сознания. В дальнейшем данная теория подверглась критике. Х. Патнэм настаивал на нередуцируемости таких состояний, как боль, к определенным состояниям мозга, предложив аргумент «множественной реализации», и отмечая, что такое существо, как марсианин, может испытывать боль, не обладая при этом определенными состояниями мозга, или у него могут отсутствовать С-волокна¹¹⁶.

Более того, редуктивный материализм не проясняет аргументы Д. Чалмерса от «затухающих» и от «пляшущих квалиа»¹¹⁷, которые были направлены против аргументов об отсутствующем квалиа или инвертированном спектре. По сути, эти аргументы представляли собой ряд мысленных экспериментов, призванных продемонстрировать сомнительность аргументов от отсутствия квалиа¹¹⁸. Помимо того, что данные аргументы не согласуются с материализмом на концептуальном уровне, они также конфликтуют на эмпирическом уровне, по причине того, что квалитативные состояния относятся к категории нередуцируемых свойств. В этой связи, проводя аналогию между квалиа и интероцепцией (ввиду схожей природы переживаемого опыта субъекта и сложностью редукции самого опыта от интероцептивных переживаний), интероцептивные процессы, похоже, так же сложно свести к строгому редукционизму.

Функционализм. Новой ступенью развития аналитической философии стал функционализм. Для раскрытия данного подхода удобно будет использовать тезис множественной реализуемости (multiple realizability thesis) Х. Патнэма, постулирующий, что ментальное содержание (свойство, состояние, событие)

¹¹⁵ Smart, J.J.C. Sensations and Brain Processes // The Philosophical Review, 1959. № 2, vol. 68. Pp. 141–156.

¹¹⁶ Putnam, H. Brains and Behavior // Readings in philosophy of psychology (ed. Block, Ned Joel). London. Methuen, 1980. P. 100.

¹¹⁷ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, 2013. С. 512.

¹¹⁸ См. подробнее: там же. С. 309–342.

может быть реализовано (воспроизведено) множеством различных способов. Частым примером здесь выступает чувство боли. Боль присуща различным организмам, выражаясь в различных физических состояниях нервной системы, но они все «переживают» это ментальное событие. На основании этого можно сделать вывод, что функционализм рассматривает ментальные процессы, абстрагируясь от физических свойств мозга, то есть состояние мозга не определяет содержание психических функций, они могут быть реализованы в любой сложной системе, в том числе нематериальной, что нивелирует значимость телесности в принципе.

Ранние функционалистские подходы (функционализм машинных состояний) возникли как ответ на трудности, с которыми столкнулись сторонники бихевиоризма. Вычислительные теории сознания становились более распространенными. Согласно данной модели, сознание представлено в виде машины Тьюринга, работа которой детерминирована совокупностью инструкций («машинной таблицей» или программой). Тем не менее, помимо работы сознания по принципу детерминистического автомата, данный подход сталкивается с проблемой определения комплекса различных внутренних состояний, которые могут одновременно реализовываться в субъекте¹¹⁹.

Проанализировав перечень разнообразных подходов аналитической философии, можно увидеть, что в этих методологических рамках тело и телесный опыт лишены ментального содержания. Здесь тело рассматривается как форма, которая содержит и ограничивает ментальные процессы, а иногда телесные процессы прямо противопоставляются ментальным свойствам. Психофизическая проблема, или проблема соотношения тела и сознания, в основном носила метафизический характер, однако дальнейшее развитие наук (психология, психофизиология, когнитивные и нейронауки) способствовало пересмотру данной проблематики в прикладном формате. В процессе развития когнитивных наук был сформирован телесно-ориентированный подход, в рамках которого предлагается

¹¹⁹ Block, N.J., Fodor, J.A. What Psychological States are Not // The Philosophical Review, Vol. 81, No. 2. 1972, Pp. 159–181.

иной взгляд на the mind-body problem.

Зарождение теории «воплощенного познания» принято связывать с работой Франсиско Варелы, Эвана Томпсона и Элеоноры Рош «Отелесненный ум: Когнитивная наука и человеческий опыт» (2023)¹²⁰. Дистанцированность кибернетического когнитивизма от обыденности человеческого познания, взаимодействия человека с окружающей средой, игнорирование исторических, языковых и культурно-социальных факторов послужили существенным импульсом для данной исследовательской программы. Как упоминалось ранее, сама идея «воплощенности» отсылает к концепции «феноменального тела» М. Мерло-Понти и феноменологической традиции философии. Помимо прочего, авторы опираются на незападную традицию философии, в частности на буддийские методы исследования человеческого опыта – «медитацию внимательности» (mindfulness), которая предполагает доктрину отсутствия «я», и буддийский недуализм¹²¹.

В данной работе отвергались классические для когнитивистики вычислительные и репрезентационистские взгляды. В центре «воплощенного познания» лежит «воплощенное/отелесненное действие», для четкого понимания которого необходимо подчеркнуть два момента: «1) познание определяется опытом, который зависит от сенсомоторной активности, наличие которой определено телом; 2) индивидуальные сенсомоторные способности агента встроены в более глубокий психологический, биологический и культурный контекст»¹²². Следовательно, можно сделать вывод о взаимосвязи потенциального действия и сенсомоторного процесса. Иными словами, движение влияет на восприятие и когнитивный процесс в целом. Восприятие фундировано потенциальным действием и контактом с окружающей средой.

Воплощенное познание в рамках данного подхода может восприниматься как промежуточное решение спора между реалистической и идеалистической

¹²⁰ Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. С. 456.

¹²¹ Там же. С. 119; там же. С. 375.

¹²² Там же. С. 315.

парадигмами восприятия мира (поиском «срединного пути»¹²³). Так как сенсомоторная активность отражает природу перцептивных и телесных свойств субъекта, мир определяется «фокусом» феноменального опыта воспринимающего, но одновременно с этим данный опыт «отелеснен», дан в форме телесного содержания (встроен в биологический контекст)¹²⁴.

Важным аспектом «воплощенного действия» является взаимодействие организма со средой. Иллюстрацией данного положения может послужить восприятие цвета. Согласно авторам названного исследования, цвет – свойство, которое не является объективным атрибутом внешних объектов. Качественные характеристики цветового восприятия являются результатом когнитивного и энактивированного опыта. Таким образом, цвет не является предзаданной или не зависящей от перцептивного опыта характеристикой внешнего мира. Восприятие цвета находится в «структурном сопряжении» с эмпирическими, телесными, биологическими, культурными и языковыми аспектами индивидуальной истории агента¹²⁵. Категориально восприятие цвета в контексте «воплощенного познания» отсылает к «вторичным качествам» Дж. Локка. В этом случае восприятие цвета тесно связано с сенсомоторной структурой перцептивного опыта агента.

Реализация «воплощенного познания» через «воплощенное действие» демонстрирует связь тела и сознания с помощью энактивистского подхода ("enactivism", или "enactive approach"), суть которого заключается в том, что феноменальные аспекты опыта находятся в «структурном сопряжении» с сенсомоторной активностью тела. В данном контексте интероцептивные процессы могут послужить примером влияния внутрителесной активности на ментальные процессы субъекта. С той лишь разницей, что тело взаимодействует с миром на внешнем (видимом) уровне, а интероцептивные процессы выступают здесь как «внутренний слой» перцептивного телесного опыта, привносящий дополнительную «глубину» в когнитивное пространство. Уместно упомянуть

¹²³ Там же.

¹²⁴ Shapiro, L.A. Embodied cognition. London: Routledge, 2011. P. 288.

¹²⁵ Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. С. 313.

гипотезу соматического маркера А. Дамасио, согласно которой внутрителесные ощущения могут стать импульсом для принятия решения¹²⁶.

Также одним из подходов к рассмотрению воплощенного познания является теория динамических систем (dynamic systems theory) Э. Телен и Л. Смит. В данной теории когнитивная активность становится результатом телесного взаимодействия со средой. Отчасти это соответствует воззрениям экологической школы психологии Дж. Гибсона, или энвайронментализму. В рамках динамической системы тело и ментальные функции рассматриваются в динамике. Тело, внешняя среда, в данном контексте, воспринимаются как часть когнитивной нагрузки. По нашему мнению, интероцептивные процессы занимают особое место в данной цепочке, поскольку благодаря им может выстраиваться граница между соматическим «я» и внешним миром.

Основанием теории динамических систем Э. Телен и Л. Смит послужили исследования в психологии развития Ж. Пиаже (1954), в частности понятия «персеверативное поведение» ("perseverative behavior") и «постоянство объекта» ("object permanence"). Персеверативное поведение – устойчивое воспроизведение какой-либо фразы или действия, несмотря на ее/его ложность. Например, человек привык, что дома стопка с книгами лежит справа от рабочего стола, и, садясь за рабочий стол уже на работе во время перерыва, он тянется рукой за книгой справа, зная, что книги лежат над рабочим столом на полке. В этом примере содержится понятие «постоянство объекта» (понимание, что объект продолжает существовать, несмотря на его отсутствие в буквальном смысле). На основании краткого описания данного подхода можно увидеть, что воплощенное познание выражается в качестве получаемого опыта от наличия тела и взаимодействия его с внешней средой, в том числе в виде определенных поведенческих паттернов.

Говоря о «воплощенном познании», следует упомянуть о когнитивно-лингвистической точке зрения на данный феномен. В работе «Метафоры, которыми мы живем» (1980) Д. Лакоффа и М. Джонсона исследуется влияние

¹²⁶ Damasio, A.R. *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon Books, 1994. P. 312.

концептуальной метафоры на телесное и ментальное взаимодействие с миром. На это указывает направленность «ориентационных метафор»: верх – низ, внутри – снаружи, передняя сторона – задняя сторона, глубокий – мелкий. Дихотомия ориентационных метафор свидетельствует о взаимосвязи определенных физических свойств тела субъекта. Также авторы возвращались к вопросам воплощенного познания в своем труде «Философия во плоти»¹²⁷.

В работе психолога А. Гленберга и др. лингвистический компонент играет важную роль. Проведено исследование, иллюстрирующее влияние тела в предложениях, где было показано, что человек труднее воспринимает описания действий, к которым не приспособлено его тело¹²⁸.

Исходя из краткого перечисления различных подходов теории «воплощенного познания», можно увидеть, что телесность обрела статус «сопутствующего» компонента когнитивных процессов. В то время как классические подходы аналитической традиции философии и когнитивистики рассматривали тело в отрыве от ментальных процессов.

В контексте воплощенной когнитивной науки познание рассматривается как продукт динамического взаимодействия между психическими и телесными процессами, без разрыва между познанием, телесным опытом агента и контекстами реальной жизни. Здесь тело рассматривается как основополагающая характеристика, регулирующая когнитивные процессы.

Последующее развитие когнитивных и нейронаук привело к пересмотру статуса тела и внутрителесных процессов в когнитивной активности. Ввиду того, что тело стало выступать как фундаментальная характеристика познавательной деятельности, интероцепция (как неотъемлемая часть телесного опыта) начала фигурировать в различных исследовательских контекстах.

Отметим, что в отечественном научном дискурсе интероцепция не часто фигурирует как исследовательский объект. Несмотря на это, есть возможность

¹²⁷ Lakoff, G.; Johnson, M. *Philosophy in the flesh*. New York: Basic Books, 1999. P. 640.

¹²⁸ Glenberg, A.M.; Kaschak, M.P. Grounding language in action // *Psychonomic Bulletin & Review*, 2002. № 3, vol. 9. Pp. 558–565.

привести несколько важных примеров исследования интероцепции. В работе «Психология телесности»¹²⁹ А.Ш. Тхостов указывает на очевидную проблему «неразработанности» интероцепции в области психологии, по той причине, что интероцепция в некоторых случаях трактуется как «низший» тип физиологической активности организма¹³⁰. Тем не менее, подобная интерпретация внутрителесных процессов и игнорирование субъективных качеств интероцептивного переживания являются губительными для успешной реализации клинических и терапевтических практик¹³¹. Интероцепция фигурирует и в отечественных исследованиях, посвященных психопатологии¹³², и в контексте анализа психопатологической лексики¹³³. Особо выделим лингвистические исследования интероцептивных выражений¹³⁴.

На современном этапе интероцепция рассматривается как комплексный, многослойный процесс, который связан с ментальной активностью. Существуют исследования, указывающие на ключевую роль интероцепции в телесной репрезентации и в ощущении «наличия тела у себя», телесном самосознании (*bodily self-consciousness*). Например, была выявлена корреляция между интероцепцией и синдромом нарушения целостности восприятия собственного тела (*body integrity identity disorder*) / дисфорией целостности восприятия тела (*body integrity dysphoria*)¹³⁵. Синдром нарушения целостности восприятия собственного тела – редкое состояние, при котором люди с отсутствием видимых повреждений головного мозга и психоза обладают сильным чувством несоответствия текущей конфигурации тела¹³⁶. Таким образом, у человека с данными нарушениями наблюдается настойчивое желание стать инвалидом

¹²⁹ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. С. 287.

¹³⁰ Там же. С. 3.

¹³¹ Там же.

¹³² Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во Московского университета, 1986. С. 204.

¹³³ Микиртумов Б.Е., Завитаев П.Ю. Аутизм: история вопроса и современный взгляд. СПб.: Изд-во Н-Л, 2012. С. 92.

¹³⁴ Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 320.

¹³⁵ Capodici, A.; Pennisi, A.; Rizzo, G.; Falzone, Alessandra; Vicario, Carmelo Mario. Interoceptive and Affective Alterations in Body Integrity Dysphoria: An Online Self-Reporting Study // Psychopathology, 2023. Pp. 1–9.

¹³⁶ Brugger, P.; Lenggenhager, B.; Giummarra, M.J. Xenomelia: A Social Neuroscience View of Altered Bodily Self-Consciousness // Frontiers in Psychology, 2013, vol. 4.

(например, ампутация конечности, паралич нижних конечностей, слепота). У людей с синдромом нарушения целостности восприятия собственного тела наблюдались: сниженная интероцептивная чувствительность, затрудненная эмоциональная обработка, сниженная когнитивная эмпатия, были выявлены трудности в идентификации собственных чувств и эмоций, что указывает на взаимосвязь данного нарушения и алекситимии¹³⁷. Эти результаты способствуют лучшему пониманию связи интероцептивных процессов с психопатологическими нарушениями, что может помочь дальнейшему исследованию подобных состояний. Помимо этого интероцепция (в некоторых случаях интероцептивная дисфункция) связана с большим количеством психических нарушений: посттравматический синдром, суицидальные наклонности и поведение у военных¹³⁸; большое депрессивное расстройство¹³⁹; эмпатия, алекситимия¹⁴⁰; расстройства аутистического спектра¹⁴¹ и т.д. Некоторые из этих психических расстройств могут быть вызваны искаженным восприятием собственного тела (телесной репрезентацией), так как они тесно связаны с ощущением оторванности от тела¹⁴², нарушением его целостности с психической точки зрения или желанием буквально нарушить физическую целостность тела. Перечисленные психические расстройства, в том числе, вызваны искаженной обработкой внутрителесных сигналов. В результате патологическая или дисфункциональная интероцептивная активность может быть причиной возникновения некоторых психопатологий¹⁴³.

¹³⁷ Capodici, A.; Pennisi, A.; Rizzo, G.; Falzone, Alessandra; Vicario, Carmelo Mario. Interoceptive and Affective Alterations in Body Integrity Dysphoria: An Online Self-Reporting Study // *Psychopathology*, 2023. Pp. 1–9.

¹³⁸ Smith, A.R.; Witte, T.K.; Grunewald, W. et al. Disrupted interoception in Military Service Members and Veterans with a history of suicidality // *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2023. № 2, vol. 53. Pp. 289–302.

¹³⁹ Avery, J.A.; Drevets, W.C.; Moseman, S.E.; Bodurka, Jerzy; Barcalow, Joel C.; Simmons, W. Kyle. Major Depressive Disorder Is Associated With Abnormal Interoceptive Activity and Functional Connectivity in the Insula // *Biological Psychiatry*, 2014. № 3, vol. 76. Pp. 258–266.

¹⁴⁰ Gajperia, C.; McBride, J.; Treasure, J.; Cardi, Valentina; Brewer, Rebecca. Recognition of others' interoceptive states in those with and without eating disorders // *BMC Psychiatry*, 2024. № 1, vol. 24. P. 121.

¹⁴¹ Hatfield, T.R.; Brown, R.F.; Giummarra, M.J.; Lenggenhager, Bigna. Autism spectrum disorder and interoception: Abnormalities in global integration? // *Autism*, 2019. № 1, vol. 23. Pp. 212–222.

¹⁴² Robinson, M.D.; Thomas, L.E.; Schulz, A.; Vögele, Claus. Handbook of Embodied Psychology // *Handbook of Embodied Psychology* (ed. Robinson, Michael D.; Thomas, Laura E.). Cham. Springer International Publishing, 2021. P. 92.

¹⁴³ Brewer, R.; Murphy, J.; Bird, G. Atypical interoception as a common risk factor for psychopathology: A review // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2021. № 7, vol. 130. P. 470–508; Robinson, M.D.; Thomas, L.E.; Schulz, A.;

Как можно заключить, развитие когнитивных наук способствовало исследованию interoception в различных парадигмальных контекстах, что привело к пересмотру внутрителесных процессов от нейрофизиологического объекта до сложной мультимодальной системы, связанной с высокоуровневой ментальной активностью. Важно подчеркнуть, что новые эмпирические данные, указывающие на тесную связь interoception и психической активности, влияют на онтологические программы в философских исследованиях interoception.

В ходе разбора эволюции взглядов аналитической традиции на телесность можно увидеть, как менялся статус тела, исходя из фокуса определенного этапа развития науки. Начиная с Декарта, предпринималась попытка разрешить проблему соотношения тела и сознания. Тело воспринималось как «сосуд», в котором вынуждена пребывать «мыслящая субстанция». Затем, с развитием психологии и когнитивистики, телесность рассматривалась как аспект социального поведения.

В рамках компьютеризации основной упор делался на ментальные репрезентации, где тело служит лишь устройством ввода и вывода, т.е. физическим интерфейсом между внутренними программами (когнитивными процессами) и внешним миром.

Как реакция на то, что классические когнитивные модели, похоже, оказались не в состоянии дать ответы на некоторые вопросы, возникли исследования в рамках телесно-ориентированного подхода. Можно предположить, что произошел антропологический поворот.

Результаты ретроспективного обзора разнообразных подходов аналитической философии и философии сознания указывают на то, что тело воспринималось как второстепенный аспект по отношению к ментальным процессам. При этом в телесно-ориентированной парадигме телесность рассматривается как физическая форма ментального, как ключевое свойство,

благодаря которому сознание взаимодействует с внешним миром. Тело вводит психические и ментальные функции в физическую реальность. В телесном и внутрителесном пространстве протекают ментальные процессы, которые отчасти обоснованы с позиции воплощенного познания (*embodied cognition*), где процесс познания обусловлен телесностью. Телесность – это и есть ментальность, проявляющая себя на ином, более глубинном уровне¹⁴⁴. При характеристике ментальных процессов тело не должно отбрасываться или противопоставляться ментальной активности, тело и те явления, которые в нем происходят, могут помочь прояснить природу процессов, ассоциирующихся сугубо с ментальными проявлениями. Важно отметить, что проблема соотношения тела и сознания изначально носила метафизический характер. Однако последующее развитие когнитивных и нейронаук способствовало тому, что данная проблематика приобрела более прикладное измерение.

В следующем разделе мы исследуем телесность как объект системы социально-коммуникативных отношений, в связи с тем, что проблематика телесности, чаще всего, анализируется изолированно от внутрителесных процессов. Тело в контексте социального взаимодействия воспринимается исключительно с позиции внешних, физических проявлений. Данный фокус рассмотрения и «интероцептивный аспект» позволят нам расширить вопрос телесности в психофизической проблеме, т.к. ранее внутрителесные процессы не разбирались как компонент телесно-ориентированного подхода.

1.2. Телесность, общество и язык: способы взаимодействия

В данном разделе будут рассмотрены социальные аспекты телесности. Новые эмпирические данные когнитивных наук подтверждают особую роль тела и сенсомоторных функций в познавательных и коммуникативных языковых

¹⁴⁴ Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 456.

процессах¹⁴⁵. Целесообразно проанализировать предпосылки антропоцентрического поворота, так как «поворот к телу» позволил расширить представления о когнитивных функциях (о модели сознания как укорененном в теле свойстве). В среде когнитивистов существует мнение, что «воплощенность» является одним из ключевых свойств человеческого интеллекта. При этом до сих пор нет однозначной теории, объясняющей, как «воплощенность» или свойства индивидуальной телесности агента способствуют социальному взаимодействию.

С момента «когнитивного поворота» 50-х гг. XX в. исследовательский фокус сместился в сторону природы ментальных репрезентаций, разворачивающихся, в представлениях той поры, в ходе мозговых процессов. Структурно модель сознания изображалась как подобие вычислительной машины¹⁴⁶, в которой происходит обработка информации, выраженная в виде логико-математических алгоритмов. Соответственно, основной упор делался на ментальные репрезентации, а когнитивные процессы исследовались в отрыве от биологического и культурного контекстов¹⁴⁷.

Рассмотрение тела в качестве важной характеристики когнитивных процессов возвращало исследователей к ограничениям биологического редукционизма. По этой причине подчеркивалась независимость ментальных процессов в мозге, по отношению к телесной активности. Дихотомия свойств привела к разделению вербальных и невербальных аспектов социального взаимодействия. «Воплощенное действие», выражающееся как жест, взгляд или выражение лица, обычно воспринимается как внешнее проявление ментального содержания¹⁴⁸. Кроме того, неясный когнитивный статус телесности мог быть обусловлен недостаточной развитостью технического оборудования того

¹⁴⁵ Ackerman, J.M.; Nocera, C.C.; Bargh, J.A. Incidental Haptic Sensations Influence Social Judgments and Decisions // *Science*, № 5986, vol. 328. 2010. Pp. 1712–1715; Arnold, A.J.; Winkielman, P.; Dobkins, K. Interoception and Social Connection // *Frontiers in Psychology*, vol. 10. 2019; Barsalou, L.W. Situated conceptualization offers a theoretical account of social priming // *Current Opinion in Psychology*, 2016, vol. 12. Pp. 6–11; Fotopoulou, A.; Tsakiris, M. Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference // *Neuropsychanalysis*, 2017. № 1, vol. 19. Pp. 3–28.

¹⁴⁶ Барышников П.Н. Разум как машина: влияние механицизма на концептуальные основания компьютерной метафоры // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 4. С. 755–769.

¹⁴⁷ Gardner, H. *The mind's new science*. New York: Basic Books, 1985. P. 430.

¹⁴⁸ Burgoon, J.K.; Guerrero, L.K.; Manusov, V. *Nonverbal Communication*. New York: Routledge, 2016.

времени, которое не давало возможность регистрировать нейробиологические процессы.

Начиная с середины 1970-х гг. возникло несколько направлений, критикующих некоторые основополагающие принципы когнитивистики. В процессе получения новых эмпирических данных из области нейробиологии и нейрофизиологии критике подверглась компьютерная метафора за «биологическую неправдоподобность»¹⁴⁹. Компьютерные модели сознания и когнитивный подход в целом критиковались за неподтвержденный факт каузальной связи между ментальными репрезентациями и физическими состояниями мозга¹⁵⁰, а также за то, что в данных процессах игнорировались факторы взаимодействия тела с окружающим миром. В компьютерационалистских теориях не рассматривалось ситуативное познание (*situated cognition*), отражающее влияние внешней среды и культурных контекстов на познавательные процессы.

В начале 1990-х гг. сторонники теории «воплощенного познания» предложили рассматривать тело как концептуальное ядро когнитивной науки, подчеркивая индивидуальность и приватность субъективного опыта, получаемого в процессе взаимодействия со средой¹⁵¹. Подобные взгляды были связаны с работами М. Мерло-Понти, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, в теориях которых уделялось особое внимание ситуативности (*situatedness*), воплощенности и биологическим аспектам познавательных процессов.

Критика когнитивистских моделей сознания стала импульсом для развития различных подходов телесно-ориентированной направленности. Появление новых эмпирических данных требовало рефлексии со стороны альтернативных подходов, по той причине, что когнитивные подходы и компьютерационализм, в

¹⁴⁹ Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. Фонд «Сохраним Тибет», 2023. С. 456; Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М.: Либроком, 2010. С. 336.

¹⁵⁰ Putnam, H. Brains and Behavior // Readings in philosophy of psychology (ed. Block, Ned Joel). London. Methuen, 1980. Pp. 24–36; Lindblom, J. Embodied Social Cognition. Cham: Springer International Publishing, 2015; Hutto, D.D.; Myin, E. Evolving enactivism. Cambridge, Massachusetts [etc.]: MIT Press, 2017.

¹⁵¹ Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 464; Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. Фонд «Сохраним Тибет», 2023. С. 456.

частности, не могли предоставить ответы на некоторые вопросы. Компьютеционалистское видение сознания как «внетелесной» (disembodied) характеристики, скорее, интуитивно для когнитивных наук того периода, чем эмпирически обосновано. В современной когнитивной науке наблюдается обратный процесс. Важно, что «поворот к воплощенности» в концепциях сознания был основан на эмпирических данных. Классические модели сознания (репрезентационалистские, функционалистские и компьютерционалистские) дают нам упрощенную картину сознания, несмотря на кажущуюся избыточную сложность данных исследовательских программ, поскольку они все упускают аспект «воплощенности»¹⁵².

В обширной литературе, посвященной телесно-ориентированному подходу, можно найти достаточно примеров, обосновывающих особую роль тела в социальном взаимодействии¹⁵³. Для четкого понимания данного процесса необходимо ввести термин «социальное воплощение» (social embodiment). По Л. Барсалу и др., под социальным воплощением подразумеваются «состояния тела, такие как позы, движения рук и выражения лица, возникающие во время социального взаимодействия и играющие центральную роль в обработке социальной информации»¹⁵⁴. Социальными психологами рассмотрено четыре типа «эффектов социального воплощения» ("social embodiment effects"), которые не были проанализированы с единой теоретической точки зрения. Данные «эффекты» выражаются в следующих положениях:

1. Социальные стимулы вызывают не только когнитивные состояния, но и телесные реакции.
2. Телесные реакции других людей приводят к неосознанному воплощенному подражанию у самого индивида.
3. Собственные телесные переживания порождают аффективные

¹⁵² Gallagher, S. *How the Body Shapes the Mind*: Oxford University Press, 2005. P. 284.

¹⁵³ Lindblom, J. *Embodied Social Cognition*. Cham: Springer International Publishing, 2015; Lindblom, J. A Radical Reassessment of the Body in Social Cognition // *Frontiers in Psychology*, vol. 11. 2020; Gao, Q.; Ping, X.; Chen, W. Body Influences on Social Cognition Through Interoception // *Frontiers in Psychology*, vol. 10. 2019.

¹⁵⁴ Barsalou, L.W.; Niedenthal, P.M.; Barbey, A.K.; & Ruppert, J.A. Social embodiment // *The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory*, 2003, vol. 43. P. 43.

состояния.

4. Совместимость телесных и когнитивных состояний повышает эффективность мыслительных операций¹⁵⁵.

Для лучшего понимания феномена «социального воплощения» и роли телесности в социальном взаимодействии необходимо рассмотреть каждый из пунктов в «развернутом» виде. В *первом пункте* утверждается, что воспринимаемые социальные стимулы вызывают не только когнитивные, но и телесные состояния. Например, старшеклассники, получившие хорошие результаты на экзаменах, вышли из класса с более прямой осанкой, в то время как те, кто получил плохие оценки, были более сгорбившимися¹⁵⁶. Это указывает на проблему причинности в социально-телесном взаимодействии: социальное событие вызвало эмоциональный отклик и затем телесную реакцию или событие как таковое вызвало реакцию тела и затем эмоциональный отклик? В другом эксперименте¹⁵⁷ испытуемые фокусировались на словах, связанных с пожилыми людьми («седой», «лото», «морщины»). В результате группа, которая фокусировалась на данных категориях, зафиксировала и телесные состояния, ассоциирующиеся с этими понятиями. Группа проходила к лифту из комнаты медленнее, в сравнении с группой, в которой использовались нейтральные слова (следует отметить, что это исследование подверглось критике из-за проблем с дублированием и праймингом¹⁵⁸). По всей видимости, абстрактные понятия, связанные с пожилыми людьми, запустили поведенческий паттерн, который в результате привел к замедлению темпа ходьбы. В подобных экспериментах выявлены корреляции между фокусировкой на определенных понятиях и человеческим поведением¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Там же. Р. 77–80.

¹⁵⁶ Weisfeld, G.E.; Beresford, J.M. Erectness of posture as an indicator of dominance or success in humans // *Motivation and Emotion*, 1982. № 2, vol. 6. Pp. 113–131.

¹⁵⁷ Bargh, J.A.; Chen, M.; Burrows, L. Automaticity of social behavior: Direct effects of trait construct and stereotype activation on action // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. № 2, vol. 71. Pp. 230–244.

¹⁵⁸ Doyen, S.; Klein, O.; Pichon, C.-L.; Cleeremans, Axel; Lauwereyns, Jan. Behavioral Priming: It's All in the Mind, but Whose Mind? // *PLoS ONE*, 2012. № 1, vol. 7.

¹⁵⁹ Dijksterhuis, A.; Aarts, H.; Bargh, J.A.; van Knippenberg, Ad. On the Relation between Associative Strength and Automatic Behavior // *Journal of Experimental Social Psychology*, 2000. № 5, vol. 36. Pp. 531–544; Aarts, H.; Dijksterhuis, A. Category activation effects in judgment and behaviour: The moderating role of perceived comparability //

Кроме того, существуют эмпирические доказательства, демонстрирующие взаимосвязь воспринимаемых социальных стимулов с выражением лица. Просмотр приятных визуальных сцен вызывает положительную эмоцию на лице, в то время как негативные, по-видимому, отрицательно отражаются на лице. Следовательно, можно утверждать, что воспринимаемые социальные стимулы автоматически коррелируют с экспрессивными выражениями лица, и этот эффект проявляется, когда испытуемые просматривают фотографии, изображающие другого человека, или читают о вымышленных книжных персонажах¹⁶⁰.

Из вышеизложенного можно заключить, что различные социальные стимулы каузируют телесные реакции самого участника социальной коммуникации. Особое значение имеет содержание языковых выражений, сопровождающих социально-телесное взаимодействие. Респонденты, которые проходят тесты по потенциальному принятию решений, используя глаголы, относящиеся к движению рта, руки или ноги («жевать», «хватать» или «пинать»), показали повышенную активацию в соответствующих областях моторной коры головного мозга, хотя никаких явных физических действий не осуществлялось¹⁶¹.

Второй тезис, описывающий «эффект социального воплощения», гласит: «восприятие телесных состояний других людей фактически приводит к мимикрии тела у самого индивида», т.е. воплощенные реакции имитируют воспринимаемые социальные стимулы¹⁶². Люди часто имитируют поведение, а испытуемые часто имитируют поведение экспериментатора, например потирания носа или встряхивания ног¹⁶³. Отмечается, что матери, как правило, открывают рот после

British Journal of Social Psychology, 2002. № 1, vol. 41. Pp. 123–138.

¹⁶⁰ Andersen, S.M.; Reznik, I.; Manzella, L.M. Eliciting facial affect, motivation, and expectancies in transference: Significant-other representations in social relations // Journal of Personality and Social Psychology, 1996. № 6, vol. 71. Pp. 1108–1129; Vanman, E.J.; Paul, B.Y.; Ito, T.A.; Miller, N. The modern face of prejudice and structural features that moderate the effect of cooperation on affect // Journal of Personality and Social Psychology, 1997. № 5, vol. 73. Pp. 941–959.

¹⁶¹ Pulvermüller, F. A brain perspective on language mechanisms: from discrete neuronal ensembles to serial order // Progress in Neurobiology, 2002. № 2, vol. 67. Pp. 85–111.

¹⁶² Barsalou, L.W., Niedenthal, P.M., Barbey, A.K., & Ruppert, J.A. Social embodiment. // The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory, 2003, vol. 43. Pp. 43–92.

¹⁶³ Chartrand, T.L.; Bargh, J.A. The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction // Journal of Personality and Social Psychology, 1999. № 6, vol. 76. Pp. 893–910.

того, как их младенцы открыли свой рот во время кормления¹⁶⁴. Мимика соответствует эмоциональному тону и темпу речи. Слушатели часто неосознанно подражают жестам спикеров. Более того, рассматривалось влияние различных видов подобной синхронизации в процессе социальной коммуникации, что способствовало продуктивной кооперации и развитию эмпатии между участниками разговора¹⁶⁵.

Третий тезис – «собственные телесные переживания порождают аффективные состояния». Иначе говоря, «воплощение» не дано лишь как реакция на социальный стимул, но и само по себе является предварительным стимулом. Существуют исследования, демонстрирующие, как положение тела или поза влияют на состояние людей¹⁶⁶. Испытуемых приводили в вертикальное и согнутое положение тела, параллельно рассказывая им про эргономику. В ходе эксперимента все субъекты выполнили тест на успеваемость и получили ложную обратную связь о том, что они хорошо справились с заданием. После чего участников теста попросили оценить уровень чувства гордости за себя. В результате респонденты, которые были в горизонтальной позе, испытали больше гордости, чем испытуемые в согнутом положении. Следовательно, поза участников теста влияет на их аффективное состояние. Однозначно можно выявить взаимосвязь с выражением лица и эмоциональным состоянием субъекта. Существует исследование, показывающее, что эмоциональное выражение лица (возьмем, например, позитивную эмоцию – улыбку) вызывает позитивный эмоциональный отклик¹⁶⁷. Вероятно, этот пример репрезентативен и в обратном случае (при негативном выражении лица), когда респондентам предложили оценить мультфильм, держа ручку во рту и между зубов, как сигарету. Как результат, люди, которые держали ручку между зубов, оценили мультфильм как

¹⁶⁴ O'Toole, R.; Dubin, R. Baby feeding and body sway: An experiment in George Herbert Mead's "taking the role of the other." // Journal of Personality and Social Psychology, 1968. № 1, vol. 10. Pp. 59–65.

¹⁶⁵ Bavelas, J.B.; Black, A.; Lemery, C.R.; Mullett, Jennifer. "I show how you feel": Motor mimicry as a communicative act // Journal of Personality and Social Psychology, 1986. № 2, vol. 50. Pp. 322–329.

¹⁶⁶ Walsh, J.; Eccleston, C.; Keogh, E. Pain communication through body posture: The development and validation of a stimulus set // Pain, 2014. № 11, vol. 155. Pp. 2282–2290.

¹⁶⁷ Adelman, P.K.; Zajonc, R.B. Facial Efference and the Experience of Emotion // Annual Review of Psychology, 1989. № 1, vol. 40. Pp. 249–280.

более смешной, по сравнению с теми, кто держал ручку между губ¹⁶⁸. По всей видимости, ручка в зубах задействует лицевые мышцы, присущие улыбке, в то время как ручка между губ вызывает, скорее, хмурое выражение лица. Л. Барсалу утверждает, что эти примеры согласуются с гипотезой социального воплощения (social embodiment hypothesis)¹⁶⁹. Влияние лицевой мускулатуры на оценку мультфильма и, следовательно, на появление определенного спектра эмоций может иметь место в социальной коммуникации.

Наконец, *четвертый тезис*, указывающий на то, что совместимость телесных и когнитивных состояний повышает эффективность мыслительных операций. Результаты одного из исследований показали, что люди активнее реагировали на позитивные категории (например, «любовь»), чем на негативные («ненависть») во время физических действий с рычагом¹⁷⁰. Кроме того, субъекты, державшие в руках теплый кофе, с большей вероятностью оценивали воображаемого человека как позитивного и дружелюбного, чем испытуемые, державшие холодный кофе¹⁷¹. Также в одном эксперименте участники оценивали кандидатов на работу, просматривая резюме на легких и более увесистых планшетах. В результате кандидаты с более тяжелыми планшетами в целом были оценены как более серьезные и основательно подготовившиеся, чем кандидаты с более легкими планшетами. Сами кандидаты с более тяжелыми планшетами оценили себя выше¹⁷². Анализируя вышеперечисленные исследования, можно сделать вывод о взаимосвязи телесных переживаний с мыслительными процессами и ассоциативно-эмоциональных связях и о том, что «воплощенность» занимает ведущее место в когнитивных процессах.

В следующей фазе развития телесно-ориентированного подхода

¹⁶⁸ Strack, F.; Martin, L.L.; Stepper, S. Inhibiting and facilitating conditions of the human smile: A nonobtrusive test of the facial feedback hypothesis // Journal of Personality and Social Psychology, № 5, vol. 54. 1988. Pp. 768–777.

¹⁶⁹ Barsalou, L.W., Niedenthal, P.M., Barbey, A.K., & Ruppert, J.A. Social embodiment. // The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory, 2003, vol. 43. Pp. 43–92.

¹⁷⁰ Chen, M.; Bargh, J.A. Consequences of Automatic Evaluation: Immediate Behavioral Predispositions to Approach or Avoid the Stimulus // Personality and Social Psychology Bulletin, № 2, vol. 25. 1999. Pp. 215–224.

¹⁷¹ Williams, L.E.; Bargh, J.A. Experiencing Physical Warmth Promotes Interpersonal Warmth // Science, № 5901, vol. 322. 2008. Pp. 606–607.

¹⁷² Ackerman, J.M.; Nocera, C.C.; Bargh, J.A. Incidental Haptic Sensations Influence Social Judgments and Decisions // Science, 2010. № 5986, vol. 328. Pp. 1712–1715.

исследуется каузальная взаимосвязь телесной и ментальной активности в категориях социальной психологии (установка, социальное восприятие, эмоции). Особый интерес вызывает взаимосвязь тела с обработкой социального и эмоционального видов информации¹⁷³. В указанной работе рассматривается три вида «воплощенности» в контексте социальной психологии.

Первый пункт – воплощенность установок. Здесь основной идеей является то, что различные позы тела и движения выражают эмоциональную реакцию организма на наблюдаемый объект. Например, такие движения, как кивание головой (в знак согласия) или покачивание головой (в знак несогласия), связаны с положительным или негативным отношением к объекту, что определяет физические действия человека по отношению к нему¹⁷⁴. Аналогичным образом исследовалось, как движение головой выражает эмоциональное отношение к ручке, лежавшей на столе во время тестирования наушников испытуемыми¹⁷⁵. Также в одном из исследований испытуемые должны были сгенерировать имена известных людей, а затем классифицировать знаменитостей в соответствии с тем, нравились/не нравились они им или отношение было нейтральным. Во время того как участники вспоминали имена известных личностей, им предлагалось расположить руки под столом и толкать на себя (в случае положительного отношения к человеку) или класть на стол и толкать от себя (в случае негативного отношения). В результате участники вспоминали известных людей, которые им нравились и не нравились, в зависимости от характера предпринимаемых ими действий¹⁷⁶.

Второй пункт – воплощенность социального познания. Сюда можно отнести ранее упомянутый пример, в котором матери во время кормления открывали рот,

¹⁷³ Niedenthal, P.M.; Barsalou, L.W.; Winkielman, P.; Krauth-Gruber, Silvia; Ric, François. Embodiment in Attitudes, Social Perception, and Emotion // *Personality and Social Psychology Review*, 2005. № 3, vol. 9. Pp. 184–211.

¹⁷⁴ Wells, G.L.; Petty, R.E. The Effects of Over Head Movements on Persuasion: Compatibility and Incompatibility of Responses // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010. № 3, vol. 1. Pp. 219–230.

¹⁷⁵ Tom, G.; Pettersen, P.; Lau, T.; Burton, Trevor; Cook, Jim. The Role of Overt Head Movement in the Formation of Affect // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010. № 3, vol. 12. Pp. 281–289.

¹⁷⁶ Förster, J.; Strack, F. Influence of overt head movements on memory for valenced words: A case of conceptual-motor compatibility // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. № 3, vol. 71. Pp. 421–430.

повторяя за младенцами¹⁷⁷. Нужно заметить, что данные имитационные механизмы (процесс повторения за кем-либо) задействуются во время социального взаимодействия. Имитация выходит за рамки простого повторения выражения лица кого-либо в процессе социальной коммуникации. Например, во время разговоров люди часто синхронизируют скорость своей речи, продолжительность произнесения фразы, позу, жесты и иные проявления социального взаимодействия¹⁷⁸. К тому же подобная синхронизация во время переговоров способствует развитию эмпатии¹⁷⁹. Кроме того, в одном из исследований приводились описания вымышленных персонажей, основанных на реальных личностях, к которым со стороны участников было позитивное отношение. Далее уже в экспериментальных условиях испытуемые, читавшие вымышленное описание персонажей, как правило, демонстрировали позитивное выражение лица, в отличие от участников (с негативным выражением лица), читавших описание персонажей, основанных на личностях, к которым у них было негативное отношение¹⁸⁰. Как можно увидеть, даже активность, связанная с абстрактными символами, такая как чтение, может вызвать социальный стимул в процессе когнитивной обработки.

Третий пункт – воплощенность эмоции (embodiment of emotions). Идея о взаимосвязи эмоций с телесными проявлениями возникла давно. Анализ эмоций в контексте их эволюционного изменения предпринят в работе Ч. Дарвина «О выражении эмоций у человека и животных» (1872). У. Джеймс указывал на то, что основой эмоции является телесная активность, возникающая в ответ на эмоциональный стимул¹⁸¹. Сегодня можно проследить, как эмоции, в «воплощенном» смысле, могут быть погружены в социальный контекст.

¹⁷⁷ O'Toole, R.; Dubin, R. Baby feeding and body sway: An experiment in George Herbert Mead's "taking the role of the other." // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1968. № 1, vol. 10. Pp. 59–65.

¹⁷⁸ Niedenthal, P.M.; Barsalou, L.W.; Winkielman, P.; Krauth-Gruber, Silvia; Ric, François. Embodiment in Attitudes, Social Perception, and Emotion // *Personality and Social Psychology Review*, 2005. № 3, vol. 9. Pp. 184–211.

¹⁷⁹ Chartrand, T.L.; Bargh, J.A. The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. № 6, vol. 76. Pp. 893–910.

¹⁸⁰ Andersen, S.M.; Reznik, I.; Manzella, L.M. Eliciting facial affect, motivation, and expectancies in transference: Significant-other representations in social relations // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. № 6, vol. 71. Pp. 1108–1129.

¹⁸¹ James, W. The physical basis of emotion // *Psychological Review*, 1994. № 2, vol. 101. Pp. 205–210.

Это можно увидеть на примере того, как часто люди имитируют выражение лица других людей. Например, в одном из исследований¹⁸² участник намеренно симулировал травму, корчась от боли, и наблюдатели скривились в лице. Болезненное выражение лица напрямую коррелировало с тем, насколько хорошо наблюдатели могли видеть лицо симулянта. Данный пример указывает на то, что имитация выражения лица происходит рефлекторно, независимо от осознанности самого субъекта переживаний. Можно найти примеры, в которых испытуемых попросили классифицировать эмоциональные выражения лиц людей на фотографиях. Согласно видеозаписи, в ходе выполнения данной задачи у участников эксперимента менялось выражение лица. Была выявлена связь между точностью их классификации и мимикой субъекта¹⁸³. То есть телесная обратная связь от мимики лица влияет на способность понимать эмоциональное выражение лица другого человека.

Интересны примеры, демонстрирующие влияние выражения лица и позы на процесс вспоминания¹⁸⁴. В ходе эксперимента прямая осанка и улыбка стимулировали воспроизведение в памяти автобиографических данных, по сравнению с участниками в нейтральном положении, у которых этот процесс проходил медленнее¹⁸⁵.

В одной из работ¹⁸⁶ была представлена «теория жесткого интерфейса» (hard interface theory), согласно которой телесная активность сама по себе дана в виде «жестких репрезентаций» ("hard representations") и не нуждается в ментальных репрезентациях. Примером здесь выступает исследование, в котором участникам

¹⁸² Bavelas, J.B.; Black, A.; Lemery, C.R.; Mullett, Jennifer. "I show how you feel": Motor mimicry as a communicative act // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. № 2, vol. 50. Pp. 322–329.

¹⁸³ Wallbott, H.G. Recognition of emotion from facial expression via imitation? Some indirect evidence for an old theory // *British Journal of Social Psychology*, 1991. № 3, vol. 30. Pp. 207–219.

¹⁸⁴ Stepper, S.; Strack, F. Proprioceptive determinants of emotional and nonemotional feelings // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993. № 2, vol. 64. Pp. 211–220.

¹⁸⁵ Riskind, J.H. They stoop to conquer: Guiding and self-regulatory functions of physical posture after success and failure // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984. № 3, vol. 47. Pp. 479–493.

¹⁸⁶ Текст статьи «Zajonc R. B., Markus H. Affect and cognition: The hard interface. In C. Izard, J. Kagan, and R. B. Zajonc (Eds.), *Emotions, cognition and behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. Pp. 73–102», изложен в пересказе «Niedenthal, P.M.; Barsalou, L.W.; Winkielman, P.; Krauth-Gruber, Silvia; Ric, François. Embodiment in Attitudes, Social Perception, and Emotion // *Personality and Social Psychology Review*, 2005. № 3, vol. 9. Pp. 201–203» по причине ее отсутствия в свободном доступе.

необходимо было запомнить 78 фотографий, изображающих лица людей. От одной из групп требовалось имитировать, воспроизводить выражения лица. Другой группе необходимо было жевать жевательную резинку в процессе запоминания, что препятствовало их возможности подражать выражениям лица на фотографиях. В результате группа, использовавшая мимическое подражание эмоционального выражения лица, показала наилучший результат (73 %), в то время как группа с жевательной резинкой набрала 59 %. Исходя из полученных результатов, можно заключить, что испытуемые, использовавшие метод мимического запоминания, задействовали «телесную репрезентацию», выражаясь в терминах Цайоник и Маркус.

Данный пример помогает нам прояснить природу запоминания. Здесь можно найти ответ на вопрос о том, почему некоторые запоминают лица гораздо лучше остальных. Возможно, бессознательный процесс конструирования «жестких репрезентаций» (hard representations) лиц людей достраивается «ментальными репрезентациями». Более того, важной – в рамках нашего исследования – является идея о том, что «теория жесткого интерфейса» охватывает не только внешнюю телесную активность, но и внутрителесное пространство, которое отвечает за эмоциональную регуляцию¹⁸⁷. Тем самым, данные процессы самостоятельны и не требуют перехода на более высокий уровень репрезентаций (ментальных репрезентаций)¹⁸⁸.

Итак, можно подвести предварительные итоги. Краткий анализ классических когнитивных исследовательских программ сознания и критика, возникшая в процессе, выявили спорный характер и «биологическую неправдоподобность» «компьютерной метафоры». Последующее развитие когнитивных наук привело к рассмотрению телесности в различных контекстах, вследствие чего возникла острая необходимость рассмотрения феноменального опыта с позиций альтернативных подходов. Телесно-ориентированный подход и

¹⁸⁷ Craig, A. Human feelings: why are some more aware than others? // Trends in Cognitive Sciences, 2004. № 6, vol. 8. Pp. 239–241.

¹⁸⁸ Niedenthal, P.M.; Barsalou, L.W.; Winkielman, P.; Krauth-Gruber, Silvia; Ric, François. Embodiment in Attitudes, Social Perception, and Emotion // Personality and Social Psychology Review, 2005. № 3, vol. 9. Pp. 184–211.

различные течения, формирующиеся в данной парадигме, представляют как более гибкую модель интерсубъектности агента, так и иное видение когнитивных процессов.

Вышеперечисленные примеры демонстрируют взаимосвязь между телесными («воплощенными») проявлениями и когнитивными процессами в социальном измерении. Как мы можем увидеть, ментальные процессы выходят за рамки репрезентационалистских моделей сознания. Телесные переживания напрямую влияют на когнитивную обработку социальной действительности.

Выводы по главе 1

1. Тело является чрезвычайно сложным, многоаспектным явлением, которое требует исследования в рамках междисциплинарного подхода. В результате рассмотрения европейской традиции изучения телесности можно сделать вывод о том, что представления о теле менялись в зависимости от философских подходов различных исторических промежутков.

2. В философии сознания тело чаще всего воспринималось как второстепенный аспект по отношению к ментальным процессам – «физический интерфейс», который обслуживает «мозг-компьютер». Однако «слабые места» основных подходов философии сознания и развитие когнитивной науки нового поколения привели к появлению телесно-ориентированных теорий (Embodied cognition), постулирующих примат сенсомоторного опыта в когнитивных процессах.

3. Появление новых научных данных в когнитивистике и психологии расширяет методы рассмотрения проблемы тела и сознания. Интероцепция из сугубо нейрофизиологического объекта также трансформируется в понятие из области когнитивных наук и философии сознания, фигурируя в новых теоретических контекстах.

ГЛАВА 2. РОЛЬ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРОЦЕПЦИИ

2.1. Внутрителесные ощущения в языковой картине мира: принципы формирования базовых категорий

2.1.1. Телесная концептуализация пространства

В данном параграфе нами будут выявлены и описаны принципы телесной концептуализации пространственных ощущений. Необходимо обосновать особое значение телесных характеристик субъекта, которые влияют на восприятие пространства, поскольку телесный и внутрителесный опыт обладает богатым пространственным содержанием. В рамках современной когнитивной науки установлено, что физические характеристики («воплощенность») накладывают эпистемические параметры на восприятие субъектом окружающей действительности. В этом контексте обозначим то, как аспекты телесности определяют пространственное восприятие окружающей действительности. Для большей наглядности в настоящем разделе будет представлен анализ пространственного восприятия в когнитивной науке и анализ концептуализации пространства в языковой картине мира, что способствует раскрытию основных вопросов данной работы, а именно какую роль играют телесность и интероцепция в познавательной деятельности и как процессы концептуализации внутрителесного опыта влияют на представление «тела в пространстве».

Для прояснения механизма влияния физических характеристик на восприятие пространства будет использован термин «схема тела» (body

schema)¹⁸⁹. Часто происходит смешение данного понятия с термином «образ тела» (body image). Образ тела состоит из набора ментальных представлений, убеждений субъекта о собственном теле. В свою очередь схема тела – это система двигательных и постуральных функций, происходящих неосознанно. Подсознательные процессы схемы тела автоматически регулируют управление позой и движением, исходя из контекста окружающей среды, играя роль в динамических процессах.

Телесное перемещение в пространстве в большинстве случаев не требует дополнительной фокусировки на проявлении телесной активности (движение, поддержание осанки). Во время выполнения какой-либо задачи тело в каком-то смысле «стирается» из области сознательного опыта и продолжает выполнять свои функции без дополнительного сознательного контроля. В некоторых случаях телесные функции реализуются лучше, например когда человек практически не задумывается над физической активностью. Здесь уместны примеры из спортивной сферы: если в момент удара человек будет задумываться над тем, как правильно его нанести, то это может привести к провалу. Так же и в случае со стрельбой: если человек начнет задумываться над техникой правильного дыхания в момент нажатия курка, то это, вероятнее всего, значительно снизит потенциал его меткости (в особенности когда речь идет о наработанных до автоматизма движениях). Анализ различных телесных сигналов (проприоцептивных, экстероцептивных, интероцептивных) позволяет человеку лучше освоить движение в танце или при плавании. Тем не менее, в повседневности, в процессе ходьбы, субъекту не нужно задумываться, чтобы поставить одну ногу вперед другой; человек не обдумывает то, какое действие он совершает, когда принимает звонок на мобильном телефоне.

В образе тела (body image) у человека создается ментальное представление собственных телесных характеристик, которые, как правило, четко разграничены

¹⁸⁹ Gallagher, S. and Cole, J. 1995. Body schema and body image in a deafferented subject. *Journal of Mind and Behavior*, Vol. 16, No. 4. Pp. 369–390.

с окружающей действительностью¹⁹⁰. Одновременно с этим схема тела (body schema) может быть интегрирована в окружающую среду и расширяться в зависимости от использования материальных объектов: например, молоток в руке рабочего, ракетка у теннисиста или даже автомобиль у водителя являются «продолжением» тела агента. Инструментальное расширение телесных границ влияет на телесную концептуализацию пространственных ощущений. И все же не во всех случаях данное разграничение может быть столь четким. Использование протезов на протяжении длительного периода встраивается в модель схемы и образа тела¹⁹¹.

Существует множество свидетельств того, что активное использование инструмента для взаимодействия с объектами, расположенными за пределами досягаемого пространства, изменяет схему тела, увеличивая длину сенсомоторного представления руки¹⁹². Перцепция межличностного пространства укоренена в физических характеристиках агента (длина рук). В обратном случае зона межличностного пространства сокращалась в представлении агента, выполняющего действия с гириями¹⁹³. Высказанное предположение справедливо и в обратном случае: взаимодействие с окружающими материальными объектами при помощи механических инструментов, увеличивающих радиус доступа, расширяет зону межличностного пространства в представлении субъекта¹⁹⁴. Пространственные ощущения (в особенности межличностное пространство) конституированы телесными характеристиками. Но изменения в схеме тела при помощи использования различных предметов, удлиняющих пространство доступа (пространство, до которого можно дотянуться рукой), оказывают влияние на

¹⁹⁰ Fisher, S. Sex differences in body perception // *Psychological Monographs: General and Applied*, 1964. № 14, vol. 78. Pp. 1–22.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Canzoneri, E.; Ubaldi, S.; Rastelli, V.; Finisguerra, Alessandra; Bassolino, Michela; Serino, Andrea. Tool-use reshapes the boundaries of body and peripersonal space representations // *Experimental Brain Research*, 2013. № 1, vol. 228. P. 25–42; Sposito, A.; Bolognini, N.; Vallar, G.; Maravita, Angelo. Extension of perceived arm length following tool-use: Clues to plasticity of body metrics // *Neuropsychologia*, 2012. № 9, vol. 50. Pp. 2187–2194.

¹⁹³ Lourenco, S.F.; Longo, M.R. The plasticity of near space: Evidence for contraction // *Cognition*, 2009. № 3, vol. 112. Pp. 451–456.

¹⁹⁴ Maravita, A.; Iriki, A. Tools for the body (schema) // *Trends in Cognitive Sciences*, № 2, vol. 8. 2004. Pp. 79–86.

изменение телесной репрезентации¹⁹⁵. Можно представить мойщика окон, использующего длинную щетку для чистки окна за пределами досягаемости его рук, что, в свою очередь, приводит к расширению межличностного пространства.

Образ тела выражается в ментальных репрезентациях отдельных частей тела, в то время как схема тела представлена как целостная система. Изменение в одной из частей данной системы неизбежно ведет к перестройке схемы тела. Проприоцептивные сигналы, исходящие из различных частей тела, не могут быть представлены как изолированные структуры, скорее, изменение пострурального положения ведет к реорганизации мышечного каркаса для обеспечения нужной для человека позы тела или иной физической активности¹⁹⁶.

Схема тела не определяется (по крайней мере, всецело) интенциональностью агента. Разумеется, субъект может совершать какие-либо действия осознанно, усилием собственной воли и отдавая себе в этом отчет, но значительная часть телесной активности (вестибулярный аппарат – поддержание баланса тела, ходьба, позы тела) практически не требует осознанности субъекта. Схема тела может быть обозначена как дорепрезентативный, доличностный тип опыта, не требующий полного контроля от субъекта.

Для подтверждения тезиса о важности сенсомоторных аспектов в перцептивном формировании пространственных характеристик приведем результаты, полученные после операций по удалению катаракты у людей, которые были слепы с раннего детства. После операции, несмотря на то, что их сетчатка была способна получать визуальную информацию, она воспринималась ими как поток хаотично мерцающих стимулов, без восприятия глубины. Визуальное восприятие пространства осталось нарушенным, даже после нескольких лет тренировок¹⁹⁷. Эти примеры служат эмпирическим обоснованием для подтверждения тезиса о взаимосвязи телесных характеристик и перцептивных

¹⁹⁵ Sposito, A.; Bolognini, N.; Vallar, G.; Maravita, Angelo. Extension of perceived arm length following tool-use: Clues to plasticity of body metrics // *Neuropsychologia*, 2012. № 9, vol. 50. Pp. 2187–2194.

¹⁹⁶ Gallagher, S. and Cole, J. 1995. Body schema and body image in a deafferented subject. *Journal of Mind and Behavior*, Vol. 16, No. 4. Pp. 369-390.

¹⁹⁷ Thinus-Blanc, C.; Gaunet, F. Representation of space in blind persons: Vision as a spatial sense? // *Psychological Bulletin*, 1997. № 1, vol. 121. Pp. 20-42.

механизмов пространственных моделей. Указанные эксперименты логично соотносятся с экологической теорией, или энвайранментализмом, в рамках которой доказывается взаимодействие тела и окружающей среды. В работе Дж. Гибсона¹⁹⁸ предлагается подходить к проблеме восприятия с «экологической» точки зрения. В данной парадигме выводятся контраргументы против упрощенного понимания визуального восприятия через органы зрения, представляемые как глаза, передающие сенсорную информацию в мозг. Дж. Гибсоном изображена более комплексная система органов зрения, в которую входят глаз, голова и тело, с помощью которого реализовано передвижение по окружающей среде¹⁹⁹.

«Воплощенность» или «укорененность» пространственных характеристик (выразимых, как правило, через описания типа «длинный», «короткий», «глубокий», «мягкий», «тяжелый» и т.д.) в теле является важным аспектом для восприятия окружающей реальности, в противном случае данные характеристики носили бы исключительно абстрактный характер. Существуют исследования, свидетельствующие о том, что хронические заболевания и патологии оказывают влияние на перцептивные механизмы пространственных ощущений²⁰⁰. Этот факт указывает на взаимосвязь внутрителесных (интероцептивных) изменений и восприятия пространства. Также была отмечена особая роль интероцепции в восприятии внешних объектов – как человек ощущает вкус, вес, поверхность объектов, дистанцию (при использовании удлинённых/укороченных механизмов)²⁰¹. Этот эффект достигается посредством мультисенсорной интеграции (смешения различных сенсорных модальностей в восприятии субъекта). Несмотря на то, что опыт разграничен экстероцептивной, интероцептивной, проприоцептивной модальностями, данные системы, до определенной степени, смешиваются в процессе акта перцепции. В случае же

¹⁹⁸ Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 464.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Legrain, V.; Bultitude, J.H.; Paeppe, A.L. de; Rossetti, Yves. Pain, body, and space: What do patients with complex regional pain syndrome really neglect? // Pain, 2012. № 5, vol. 153. Pp. 948–951.

²⁰¹ Kirsch, W.; Kunde, W. On the Role of Interoception in Body and Object Perception: A Multisensory-Integration Account // Perspectives on Psychological Science, 2022. Pp. 1-19.

межсенсорного несоответствия у человека могут возникать искажения восприятия внешних объектов (см. «иллюзию резиновой руки»²⁰²).

Такие психологические нарушения, как отчуждение собственного тела при шизофрении²⁰³ (когда человек может воспринимать собственное тело и его части как ему не принадлежащие), анозогнозия (случаи, когда больной параличом может рассказывать, как двигает парализованными конечностями, описывать, как он их согнул, поднял и т.д.), могут как искажать ментальную репрезентацию телесности (образ тела), так и влиять на систему двигательных функций (схема тела).

Телесно-сенсорная активность способствует тому, что субъект осознает себя как часть пространственной реальности. Тактильные ощущения, визуальный, аудиальный и прочие виды восприятия предоставляют нам возможность взаимодействовать с внешним миром. Все эти характеристики являются частью физического/телесного тождества личности²⁰⁴, что противоречит классическому декартовскому и локковскому видению тождества личности, основанному исключительно на самосознании, самонаблюдении и памяти. Воплощенная структура человека обеспечивает наличие формулируемой Т. Фуксом телесной памяти (body memory)²⁰⁵. Память в ментальном смысле обладает ретроспективностью. Способность «прокрутить велосипед в обратном направлении» и то, как человек управляет велосипедом, зависит от телесной памяти, накопившейся опытным путем. Это применимо и ко многим видам деятельности. Игра на музыкальных инструментах, плавание, вождение автомобильного (и не только) транспорта – эти виды активности генерируются как бы не с помощью ретроспективных воспоминаний, а скорее путем пережитого опыта телесных манипуляций. Телесный вид памяти у Фукса обозначен как

²⁰² Tsakiris, M. My body in the brain: A neurocognitive model of body-ownership // *Neuropsychologia*, 2010. № 3, vol. 48. Pp. 703–712.

²⁰³ Haan, S. de; Fuchs, T. The Ghost in the Machine: Disembodiment in Schizophrenia – Two Case Studies // *Psychopathology*, 2010. № 5, vol. 43. Pp. 327–333.

²⁰⁴ Fuchs, T. Embodiment and personal identity in dementia // *Medicine, Health Care and Philosophy*, 2020. № 4, vol. 23. Pp. 665–676.

²⁰⁵ Там же. P. 666.

«процедурный» (procedural memory)²⁰⁶. Ситуативная память (situational body memory)²⁰⁷, благодаря которой пожилой человек смог «восстановить» навыки, задействованные в процессе физической активности, по всей видимости, необходима в процессе перемещения в пространстве. Информация, содержащая координаты, по которым человек направляется домой на протяжении долгих лет, не всегда «стирается» после потери автобиографической или фактической памяти. Отчасти этот вид памяти обладает схожестью с понятием «аффорданса»²⁰⁸.

Пространственный потенциал обонятельных и слуховых механизмов обладает весомой значимостью²⁰⁹. С помощью обоняния человек способен идентифицировать источник запаха и примерно вычислить расстояние до испускающего запах объекта. Справедлива аналогия со слухом как инструментом, способным выявить источник звука на расстоянии. Также известны факторы влияния запахов на процессы памяти. Д. Уилсон и Р. Стивенсон исследовали связь обонятельных функций и памяти с нейробиологической точки зрения²¹⁰. В результате обнаружилось, что дети хуже распознают запахи не по причине слабой сформированности обонятельного аппарата, а ввиду того, что у них хуже развита память²¹¹. Таким образом, память и распознавание запахов тесно связаны.

В исследованиях, посвященных телесной концептуализации пространственных ощущений, чаще говорят об экстероцептивных механизмах – участии визуальных, обонятельных, слуховых функций в восприятии пространства. Интероцепция как специфичный механизм внутрителесных переживаний в данном контексте не привлекает такого внимания. Между тем потенциал пространственного содержания интероцептивных процессов имеет под собой эмпирическое обоснование, в особенности в области тактильных ощущений²¹². Необходимо подчеркнуть, что восприятие пространства с помощью

²⁰⁶ Там же. Р. 668.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 464.

²⁰⁹ Aasen, S. Spatial aspects of olfactory experience // Canadian Journal of Philosophy, 2019. № 8, vol. 49. Pp. 1041–1061.

²¹⁰ Wilson, D.A.; Stevenson, R.J. Learning to smell. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. P. 309.

²¹¹ Там же. Р. 161.

²¹² Skrzypulec, B. Spatial content of painful sensations // Mind & Language, 2021. № 4, vol. 36. Pp. 554–569.

тактильных ощущений позволяет «вычислить» пространственное отношение между телесными ощущениями. Внутрителесное пространство – само по себе пространственный объект (как и тело в целом). Помимо того, что агент как «воплощенный субъект» взаимодействует с окружающей средой, получая внешние сигналы при помощи экстероцептивной системы, он «преобразует» реальность вокруг себя. Процесс взаимодействия со средой реализуется не только на внешнем уровне (обработка внешних стимулов – репрезентационалистский подход), но также тело человека генерирует большое количество различных сигналов, что образует «сопряженный контакт» от внешней среды к внутренней (интероцепция), от внутренней среды к внешней.

Схема тела и образ тела зависят от сенсомоторных процессов формирования пространственных характеристик. Из приведенных исследований видно, что восприятие пространства определяется отелесненной природой агента: сенсорная составляющая, проприоцептивный модус, интероцепция. Помимо самого факта взаимодействия со средой важен отчет (осведомленность) о результатах взаимодействия на уровне образа и схемы тела. Пространство становится частью знания тела о специфике локализации, о ландшафте, об окружении, о свойствах среды (температура, плотность, потенциальная опасность и т.д.). Интероцепция – это результат схожего, но гораздо более слабо выраженного процесса, который реализован по признакам контакта с внешней средой, с тем отличием, что этот процесс направлен внутрь.

Далее рассмотрим принципы концептуализации пространства в языковой картине, для того чтобы указать на то, как языковые и культурные модели способны влиять на формы восприятия базовых категорий не только на парадигмальном уровне, но и на физическом/телесном. Наличие пространственно-временных структур в языковой системе обусловлено, в том числе, телесными характеристиками субъекта. Пространственные категории, выраженные в языке, конституированы в «телесной матрице»²¹³. Восприятие

²¹³ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М: URSS. 1 vol. 2004. С. 49.

субъектом времени обуславливается ориентационными метафорами: будущее – впереди, прошлое – позади. Исходя из этого, культурологические аспекты играют важную роль в восприятии времени. Например, схематизация времени при помощи горизонтальных моделей (движение: прошлое – будущее = назад – вперед) не распространена в мандаринском наречии. Здесь концептуализация времени осуществляется при помощи вертикальных моделей (вверх – вниз), более того, будущие события будут располагаться снизу, а прошлые – сверху. Иначе говоря, на мандаринском наречии человек весной будет говорить, что лето – внизу, а зима – вверху²¹⁴.

Идея об «укорененности» ориентационных метафор в телесных свойствах агента восходит к теории «воплощенных метафор»²¹⁵. Метафора здесь является когнитивным аппаратом, расширяющим значение одного понятия через другое, осуществляющим своего рода перекодирование: «любовь – путешествие»; «интимность – близость»; «трудности – препятствия на пути». Пространственные аналогии языка для человека интуитивно понятны, в них заложен сенсомоторный опыт тела.

Такие пространственные категории, как «вверх», «вниз», «вперед», «назад», значимы для нас, по той причине, что человек, будучи физическим, пространственным объектом, подвержен гравитации и ощущает себя частью пространственной реальности, взаимодействуя с ней через проприоцептивные, экстероцептивные, интероцептивные механизмы. Для большей наглядности Д. Лакофф и М. Джонсон прибегают к мыслительному эксперименту «сферическое существо» (spherical being)²¹⁶, согласно которому сферическое существо, живущее за пределами гравитационного поля, не будет осознавать базовые для нас пространственные понятия, потому что для физических характеристик данного существа эти понятия не обладают фундаментальной значимостью и,

²¹⁴ Shapiro, L.A. Embodied cognition. London: Routledge, 2011. P. 288; Sun, J.; Zhang, Q. How do Mandarin speakers conceptualize time? Beyond the horizontal and vertical dimensions // Cognitive Processing, 2021. № 2, vol. 22. Pp. 171–181.

²¹⁵ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS. 1 vol. 2004. С. 49.

²¹⁶ Там же. С. 94.

следовательно, перцепция пространства и времени будет отличаться, ввиду того, что на смену данным понятиям, по всей видимости, придут другие. Субъектом лучше понимаются предложения с заложенным сенсомоторным потенциалом. Например, выявлена корреляция между чтением слов, обозначающих движения или действия, и активацией зон головного мозга, которые обычно активируются в процессе выполнения этих действий²¹⁷.

Одной из исследовательских программ, призванных продемонстрировать «укорененность» и семантическую наполненность символов для референта, является «индексная гипотеза» (indexical hypothesis) А. Гленберга²¹⁸. В данной гипотезе предпринималась попытка преодолеть кризис символьного подхода А. Ньюэлла и Г. Саймона в 1976 г., наиболее ярким аргументом против которого была «Китайская комната» Дж. Серла. Как ранее упоминалось, процесс извлечения смыслов является результатом активного взаимодействия со средой, классический символьный подход не учитывал встроенности (embedded) в окружающую реальность. «Индексная гипотеза», как и «воплощенная метафора», утверждает, что обработка вербальной информации, понимание предложения напрямую зависят от сенсомоторной наполненности текстов и высказываний.

Говоря о культурных различиях телесной концептуализации пространства и влиянии культуры на тело, можно привести пример Х. Келлера²¹⁹, где упоминаются новорожденные синакантанцы в Мексике, у которых зафиксирована способность наблюдать за своим окружением на протяжении более долгого времени, чем у детей из европейских стран. Это объясняется тем, что синакантанские дети воспринимают пространство, визуально охватывая масштабные его отрезки. Более того, двигательная активность синакантанцев менее выражена, чем у европейских детей.

²¹⁷ Pulvermüller, F. A brain perspective on language mechanisms: from discrete neuronal ensembles to serial order // *Progress in Neurobiology*, 2002. № 2, vol. 67. Pp. 85–111.

²¹⁸ Glenberg, A.M.; Robertson, D.A. Indexical understanding of instructions // *Discourse Processes*, 1999. № 1, vol. 28. Pp. 1–26.

²¹⁹ Greenfield, P.M. The mutual definition of culture and biology in development. // *Between culture and biology* (ed. Keller, Heidi; Poortinga, Ype H.; Schölmerich, Axel). Cambridge, UK, New York, NY. Cambridge University Press, 2002. Pp. 57-76.

Также одним из примеров культурного влияния на биологические характеристики тела является исследование А. Гислен с соавторами²²⁰, демонстрирующее, как дети некоторых племен морских цыган (sea gypsies) в Юго-Восточной Азии, зарабатывая на жизнь нырянием за ракушками, способны хорошо ориентироваться под водой, в отличие от европейских детей. Данный феномен заключается не в эволюционном развитии хрусталика глаза, а в жизненной необходимости постоянно практиковать этот навык, в результате чего адаптировалась сенсомоторика мышц, отвечающих за управление хрусталиком. Более того, подобных результатов (четко видеть под водой) смогли достичь шведские дети, после длительной практики.

Исходя из вышеописанного, можно заключить, что парадигма, согласно которой телесные характеристики довольно четко фиксированы и взаимодействие с окружающей средой унифицировано и детерминировано, независимо от культурной модели, кажется, значительно упрощает реальную картину. Как можно заметить из представленных примеров, тело обладает динамическим потенциалом, способным видоизменять телесные характеристики в рамках контекстуальности культурных и языковых моделей, и наоборот. Были отмечены значимость сенсомоторных характеристик и их влияние на перцептивное формирование пространственных характеристик. Изменение во внутрителесном пространстве и наличие хронических заболеваний также оказывают влияние на перцептивные механизмы пространственных ощущений. Особую роль в процессе восприятия пространства играют интероцептивные ощущения как часть межсенсорной системы, с помощью которой возможно выявить пространственное отношение между телесными ощущениями внутри тела. Более того, интероцептивные ощущения интегрированы в восприятии внешних объектов. Исследования в области когнитивистики продемонстрировали, как ментальные, телесные репрезентации способны проявлять пластичность в рамках пространственных ощущений и как внешние инструменты влияют на

²²⁰ Gislén, A.; Warrant, E.J.; Dacke, M.; Kröger, Ronald H.H. Visual training improves underwater vision in children // Vision Research, 2006. № 20, vol. 46. Pp. 3443–3450.

представление тела, делая тело «частью» материальной действительности. Более того, мы можем увидеть, как языковая картина отражает то, что лингвистические конструкции, в особенности пространственные, детерминированы телесной спецификацией субъекта и что некоторые базовые понятия (пространство, время) проходят телесную концептуализацию, становясь затем через язык основополагающими понятиями в социальной коммуникации.

2.1.2. Телесная концептуализация времени

Время – одна из фундаментальных категорий восприятия реальности. Сложно себе вообразить деятельность, которая не была бы связана с восприятием времени, однако сам вопрос о перцептивных особенностях восприятия времени является дискуссионным и сегодня. В данном разделе будет раскрыто влияние телесных процессов на восприятие времени, что способствует раскрытию основной мысли настоящего исследования о роли телесных характеристик и interoцепции в познавательной деятельности. Также мы продемонстрируем, что через тело происходит концептуализация такой фундаментальной категории, как время. Особая роль телесных механизмов в восприятии времени будет показана на когнитивном и языковом уровнях.

Поиск нейронных оснований восприятия времени не приводит к однозначным результатам, нет единого мнения по вопросам локализации и обработки времени в мозге²²¹. В то же время в понимании исследователей передняя часть островковой доли является ключевой для регуляции эмоций, восприятия времени, протекания interoцептивных процессов, психического здоровья и т.д.²²². Тем не менее, в организме человека заложено множество внутрителесных процессов, функционирующих в ритмических пределах (дыхание, биение сердца, циклы сна, метаболические процессы). В данной связи

²²¹ Wittmann, M. The inner experience of time // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, 2009. № 1525, vol. 364. Pp. 1955–1967.

²²² Craig, A.D. How do you feel?: Princeton University Press, 2015. P. 368.

целесообразным будет обозначить биологические и когнитивные трактовки и факторы, влияющие на восприятие времени.

Сторонники биологических моделей восприятия времени отстаивают мысль, что поведенческие паттерны основаны на цикличности, выработанной эволюционным путем. Среди гипотез о «биологических внутренних часах» необходимо упомянуть гипотезу Г. Хогланда о «биологических часах»²²³ (примечательно, что у Г. Хогланда это «химические часы» – chemical clock). Экспериментальные данные, полученные Г. Хогландом в процессе болезни гриппом его жены, указали на взаимосвязь температуры тела и субъективного восприятия времени. Итак, Г. Хогланд выявил, что чем выше температура тела, тем больше «завышение/переоценка» времени. При температуре 98°F (36,6°C) 1 минута была равна 52 секундам, при температуре 101°F (38,3°C) 1 минута была равна 40 секундам, притом Г. Хогланд сам указывает, что временные единицы погрешности разнились ежедневно, но влияние температуры тела на ход «субъективного времени» неукоснительно²²⁴. Исходя из этого, напрашивается вывод о связи метаболических процессов (ускоряющихся при повышенной температуре и, наоборот, замедляющихся, если температура понижена) со способностью объективно замерять или воспринимать временные отрезки. Тем не менее, в рамках некоторых исследований демонстрируется неоднозначность подобных выводов. В таких исследованиях доказывается отсутствие линейной зависимости температуры тела и субъективной оценки времени, что не дает надежного обоснования данной гипотезы²²⁵. Между тем более поздние эксперименты указывают на то, что изменение температуры тела является фактором, влияющим на механизм «внутренних часов», что приводит к изменению субъективного восприятия времени²²⁶. Было выявлено, что подобное

²²³ Hoagland, H. The Physiological Control of Judgments of Duration: Evidence for a Chemical Clock // The Journal of General Psychology, 1933. № 2, vol. 9. Pp. 267–287.

²²⁴ Там же. P. 284.

²²⁵ Hancock, P.A. Body Temperature Influence on Time Perception // The Journal of General Psychology, 2010. № 3, vol. 120. Pp. 197–216.

²²⁶ van Maanen, L.; van der Mij, R. et al. Core body temperature speeds up temporal processing and choice behavior under deadlines // Scientific Reports, 2019. № 1, vol. 9. Pp. 1–12.

влияние на механизм «внутренних часов» приводит к снижению точности в типичных заданиях, связанных с принятием решений. В целом значительное повышение температуры тела пагубно влияет и на когнитивные процессы²²⁷. Согласно этому, можно утверждать, что физиологические процессы в организме способны оказывать влияние на процесс восприятия времени.

Помимо биологических моделей восприятия времени, существует иная точка зрения, в которой функция механизмов перцепции времени отводится когнитивным процессам. Восприятие времени является продуктом когнитивной активности, связанной с процессами памяти и обработкой информации. Одна из самых ранних и репрезентативных в этой связи – теория Р. Орнштейна²²⁸. Согласно данной теории, восприятие различных временных отрезков полностью зависит от обработки информации, поступающей непосредственно во время протекания определенного временного промежутка. Данное описание можно свести к простому суждению: чем больше информации, необходимой для сохранения в памяти, тем более продолжительным будет данный временной отрезок в рамках «субъективного времени». Для большей убедительности Р. Орнштейн отождествлял процесс запоминания у человека с сохранением информации на компьютере²²⁹.

Рассматривая перцептивные механизмы восприятия времени с «компьютеционалистской» точки зрения, исследователи выявляют закономерность между замедлением времени (time dilation) и комплексностью воспринимаемого/обрабатываемого стимула. Согласно данной логике, более сложные внешние стимулы требуют больше ментальных усилий для кодирования и последующего сохранения их в памяти. Можно найти примеры, подтверждающие, что временные отрезки, в ходе которых для запоминания демонстрировались более сложные и незнакомые изображения, представляются как более короткие; в случае с простыми или ранее увиденными изображениями

²²⁷ Там же. Рр. 6–7.

²²⁸ Ornstein, R.E. On the experience of time. Harmondsworth Middlesex, England: Penguin Books, 1969. P. 128.

²²⁹ Там же. Р. 41.

наблюдалось «удлинение» субъективного времени²³⁰. Из чего можно сделать вывод, что предшествующий опыт влияет на восприятие времени. Помимо прочего можно увидеть, что визуальные стимулы влияют на искажение чувствительности к продолжительности (*sensitivity to duration*) временных отрезков²³¹. Экспериментальные данные, связанные с восприятием визуальных стимулов и их комплексностью, подтверждают данную гипотезу²³².

Приведенное обоснование позволяет говорить о влиянии на восприятие времени путем «заполненности» временного отрезка стимулами различных модальностей (визуальных, слуховых, тактильных). В случае «заполненного» информацией временного отрезка время воспринимается более ускоренным, чем в случае с «незаполненным» временным периодом. На психологическом уровне суждения о продолжительности временных отрезков между первичным сигналом (внешним стимулом) и его повторным возникновением, предположительно, основаны на внутрителесных процессах человека, например на сердцебиении²³³.

Влияние фактора «заполненности» информацией на восприятие временных отрезков в повседневности можно проиллюстрировать следующими ситуациями: ученик, с нетерпением ждущий окончания скучного урока, ожидание срочного письма или ответа и т.д. Эти состояния можно обобщить фразой «кофе в турке не вскипит, пока за ним наблюдаешь». Генезис «растягивания» времени может быть объяснен и с позиции когнитивно-аттенционной теории времени, главным образом строящейся вокруг понятия «центр внимания», где восприятие времени зависит от фокуса, нацеленного на сам ход течения времени.

Сегодня одной из самых базовых и широко используемых эмпирически является модифицированная модель внутренних часов – теория скалярного ожидания (*Scalar Expectancy Theory*)²³⁴. Механизм работы данной модели

²³⁰ Foltz-Schoofs, K.; Wolf, O.T.; Treue, S.; Schoofs, Daniela. Perceptual complexity, rather than valence or arousal accounts for distracter-induced overproductions of temporal durations // *Acta Psychologica*, 2014, vol. 147. Pp. 51–59.

²³¹ Plomp, G.; van Leeuwen, C.; Gepshtein, S. Perception of Time in Articulated Visual Events // *Frontiers in Psychology*. vol. 3. 2012.

²³² Там же.

²³³ Thomas, E.A.C.; Weaver, W.B. Cognitive processing and time perception // *Perception & Psychophysics*, 1975. № 4, vol. 17. Pp. 363–367.

²³⁴ Gibbon, J.; Church, R.M.; Meck, W.H. Scalar Timing in Memory // *Annals of the New York Academy of Sciences*, №

основывается на писмейкере (peacemaker) – центральном механизме, генерирующем импульсы, поступающие затем в аккумулятор – хранилище. Данная модель содержит в себе трехэтапную структуру: восприятие времени (clock stage), обработка памяти (memory stage), принятие решений (decision stage), – часто используемую в когнитивной психологии²³⁵. Согласно данной теории, писмейкер генерирует импульсы с определенной частотой, затем направляет их в аккумулятор во время какого-либо события, после чего по завершении самого события процесс замыкается и происходит подсчет импульсов. Чем более растянут во времени стимул или событие, тем больше импульсов, как результат – временной отрезок кажется более продолжительным. Теория скалярного ожидания часто используется в исследованиях, рассматривающих влияние эмоций на восприятие времени: чем ярче (и в негативном плане) эмоциональное переживание, тем более длительным представляется временной период.

Исследования, в которых рассматривался фактор влияния эмоций на темпоральное познание (temporal cognition), стали частью научного дискурса относительно недавно. Была выявлена закономерность между изображениями, содержащими эмоциональные стимулы различных свойств (негативные/позитивные эмоции, насилие), и восприятием времени. Длительность изображений, транслировавших негативный, визуально неприятный контент (огромные пауки, крыса, копошащаяся в грязи, кровавые раны, обезглавленное мертвое тело), была увеличена, иными словами, испытуемым казалось, что прошло больше времени, чем на самом деле (субъективное ощущение длительности времени); при демонстрации позитивных изображений, не содержащих визуально неприятные образы (щенята, счастливый ребенок, кролики), наблюдался обратный эффект²³⁶. В исследованиях, затрагивающих фактор влияния эмоций на темпоральные суждения, часто используются тесты с

1. vol. 423. 1984. Pp. 52–77.

²³⁵ Droit-Volet, S.; Meck, W.H. How emotions colour our perception of time // Trends in Cognitive Sciences, 2007. № 12, vol. 11. Pp. 504–513.

²³⁶ Angrilli, A.; Cherubini, P.; Pavese, A.; Manfredini, Sara. The influence of affective factors on time perception // Perception & Psychophysics, 1997. № 6, vol. 59. P. 981.

различными выражениями лица (гнев, страх, радость, нейтральное выражение лица, отвращение, грусть, стыд), исходя из которых можно заключить, что лицевые эмоции, выражающие такие состояния, как гнев и страх, вызывают бóльшую «переоценку» времени, по сравнению с иными выражениями лица²³⁷. Также нейромодулятор окситоцин вызывает субъективное «замедление» или «ускорение» времени у мужчин, просматривающих фотографии с мужскими и женскими лицами. Примечательно, что во время просмотра фотографий, на которых были изображены женские лица, время тянулось дольше, тогда как при просмотре фотографий с мужскими лицами время проходило быстрее²³⁸. Результаты данного исследования указывают на место физиологических состояний в восприятии времени. Аналогичные результаты наблюдались при просмотре лиц с грустным выражением лица²³⁹. С позиции теории скалярного ожидания (SET), данное явление – восприятие крайних эмоциональных выражений лица – может объясняться повышенным ритмом писмейкера, что приводит к выбросу импульсов в аккумулятор, тем самым перцептивно временной отрезок кажется более продолжительным. В одном из более масштабных примеров²⁴⁰ участникам необходимо было посмотреть три различных клипа длительностью сорок секунд: фрагмент документального фильма нейтрального характера, сцену из фильма ужасов, сцену из мультфильма. Анализ результатов позволил сделать вывод, что сцена из фильма ужаса вызвала «переоценку» времени, тогда как фрагмент из мультфильма вызвал временную «недооценку» (испытуемым казалось, что прошло меньше времени). Примечательно, что эти искажения восприятия времени ярче проявляли себя в группе, которую инструктировали отслеживать внутрителесные изменения (интероцептивные ощущения) при просмотре фильма, в то время как в группе с

²³⁷ Там же; Gil, S., Droit-Volet, S. (2012). How do emotional facial expressions influence our perception of time? (ed S. Masmoudi, D. Y. Dai, & A. Naceur), Attention, representation, and human performance: Integration of cognition, emotion, and motivation. Psychology Press. Pp. 61–74.

²³⁸ Colonnello, V.; Domes, G.; Heinrichs, M. As time goes by: Oxytocin influences the subjective perception of time in a social context // Psychoneuroendocrinology, 2016, vol. 68. Pp. 69–73.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Pollatos, O.; Laubrock, J.; Wittmann, M.; Costantini, Marcello. Interoceptive Focus Shapes the Experience of Time // PLoS ONE, № 1, vol. 9. 2014.

экстероцептивным фокусом искажения не принимали такого масштаба. Данные результаты подтверждают, что физиологические процессы внутри тела и эмоции, приводящие к изменениям во внутрителесном пространстве, оказывают влияние на субъективную оценку времени.

Говоря об эмоциональном влиянии на темпоральное суждение, нужно упомянуть интероцептивные процессы, ввиду каузальной связи между интероцепцией и эмоциями, о чем говорилось ранее. В данной связи в работах Б. Крейга²⁴¹, в частности, предполагается, что внутрителесные сигналы, аккумулированные в островковой коре головного мозга (insular cortex), лежат в основе восприятия продолжительности. Нейронные субстраты, ответственные за осознанное восприятие времени, основаны на нейронной репрезентации физиологического состояния организма, что предполагает тесную связь между интероцептивными процессами и восприятием времени²⁴². Последующее восприятие времени возникает из эмоциональных и внутрителесных состояний, обрабатываемых в островковой коре головного мозга²⁴³. Дополнительным доводом в пользу взаимосвязи интероцептивных процессов и восприятия времени является тот факт, что интероцептивная осведомленность способствует более сбалансированному восприятию времени, в то время как такие нарушения, как шизофрения и депрессия, связаны с искаженным восприятием времени и интероцептивной дисфункцией²⁴⁴.

Итак, было представлено несколько исследовательских программ, затрагивающих вопросы восприятия времени, которые могут быть подразделены на 2 группы:

- *биологические модели* восприятия времени, в рамках которых

²⁴¹ Craig, A. Emotional moments across time: a possible neural basis for time perception in the anterior insula // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, 2009. № 1525, vol. 364. Pp. 1933–1942; Craig, A.D. How do you feel? Princeton University Press, 2015. P. 368.

²⁴² Craig, A. Emotional moments across time: a possible neural basis for time perception in the anterior insula // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, 2009. № 1525, vol. 364. Pp. 1933–1942.

²⁴³ Pollatos, O.; Laubrock, J.; Wittmann, M.; Costantini, Marcello. Interoceptive Focus Shapes the Experience of Time // PLoS ONE, № 1, vol. 9. 2014.

²⁴⁴ Klamut, O.; Weissenberger, S. Embodying Consciousness through Interoception and a Balanced Time Perspective // Brain Sciences, 2023. № 4, vol. 13. P. 7.

предполагается, что поведенческие паттерны основаны на циклических процессах, выработанных эволюционным путем. Согласно данным моделям, восприятие временных отрезков вступает в прямую зависимость от изменений на внутрителесном уровне (повышение температуры), что приводит к выводу о влиянии физиологических процессов на восприятие времени. В русле нейробиологического направления важно упомянуть о взаимосвязи воздействия эмоционального опыта (экстремальные переживания, стресс) и интероцептивных процессов на восприятие времени;

- *когнитивные модели* восприятия времени. В рамках данных подходов подчеркивается особая роль когнитивной активности в восприятии времени. Здесь основным фактором, влияющим на перцепцию временных отрезков, является информация и ее количество: чем больше информации необходимо зафиксировать, тем более продолжительным будет временной отрезок, в контексте «субъективного времени»²⁴⁵. *С точки зрения компьютеризации, более комплексные внешние стимулы требуют больших ментальных усилий, что приводит к «удлинению» временного фрагмента. Когнитивно-аттенционная теория* восприятия времени опирается на понятие «центр внимания», где «субъективный ход течения времени» напрямую зависит от внимания, нацеленного на временные процессы. Наконец, *теория скалярного ожидания*, основанная на писмейкере, генерирующем импульсы, гласит, что «растянутость» во времени какого-либо процесса зависит от количества импульсов.

Большое количество различных подходов к восприятию времени указывает на комплексность данного явления. Был приведен обзор исследований из когнитивных и биологических наук. Тем не менее, важным следствием для нас является то, что эмоциональные переживания, коррелирующие с интероцептивными процессами, как и изменения во внутрителесном пространстве, оказывают влияние на некоторые аспекты временного восприятия.

Далее рассмотрим механизмы концептуализации времени в языковой

²⁴⁵ Ornstein, R.E. On the experience of time. Harmondsworth Middlesex, England: Penguin Books, 1969. P. 41.

картине, по причине того, что лингвистические аспекты мышления скрещены как с биологическими, так и с когнитивными функциями. Основной тезис настоящего параграфа заключается в том, что базовые категории проходят через телесную/воплощенную структуру личности (проходят телесную концептуализацию), что затем выражается в формах языкового представления данного опыта. Косвенные суждения о времени отражены в пространственно-временных отношениях языковой структуры. В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Философия во плоти» (*Philosophy in the flesh*)²⁴⁶ продемонстрировано, что структурные характеристики языковой модели указывают на взаимосвязь пространственно-временной зависимости²⁴⁷. Другими словами, говоря о будущем, человек инстинктивно указывает куда-то вперед или думает о пространстве впереди, а говоря о прошлом, – думает о том, что уже пройдено или уже позади. Также пространственно-временная зависимость проиллюстрирована через схему, в которой нахождение наблюдателя в определенной точке пространства определяет его суждения о времени (взгляд вперед – будущее, назад – прошлое). В этой связи можно говорить о «воплощенной» природе пространственно-временных суждений. Затем данные суждения концептуализируются в языке с помощью ориентационных метафор, обусловленных моторно-сенсорным опытом. Тем не менее, подобная логика восприятия пространства и времени справедлива в отношении европейских языков. В случае же с концептуализацией временных структур, например в мандаринском диалекте китайского языка, данная логика значительно видоизменяется²⁴⁸. Одним из случаев, где наблюдается трансформация привычной для европейского жителя пространственно-временной логики, является также язык Аймара.

Аймара – один из индейских языков, на котором говорят жители Андского нагорья западной Боливии, юго-восточного Перу и северного Чили²⁴⁹. В данном

²⁴⁶ Lakoff, G.; Johnson, M. *Philosophy in the flesh*. New York: Basic Books, 1999.

²⁴⁷ Там же. P. 173.

²⁴⁸ Sun, J.; Zhang, Q. How do Mandarin speakers conceptualize time? Beyond the horizontal and vertical dimensions // *Cognitive Processing*, 2021. № 2, vol. 22. Pp. 171–181.

²⁴⁹ Núñez, R.E.; Sweetser, E. With the Future Behind Them: Convergent Evidence From Aymara Language and Gesture in

языке слово ВПЕРЕД (naуга, "eye/front/sight" – глаз/вперед/взгляд) является базовым обозначением, выражающим ПРОШЛОЕ, слово НАЗАД (qhipa, "back/behind" – назад/сзади) является базовым выражением БУДУЩЕГО²⁵⁰. Также в языке Аймара можно найти вертикально-временные структуры: alay lunisa ("high Monday" – букв. «высокий понедельник»), означающее «следующий понедельник»²⁵¹. Видоизмененная пространственно-временная структура, концептуализируемая в рамках данной языковой модели, отражается и в жестикуляции представителей данного народа. Например, говоря о предыдущем поколении (es la otra generación), подразумевая давние времена или говоря о том, что было ранее, человек указывал вперед, тогда как, говоря о будущем, человек указывал назад²⁵².

Принимая во внимание данные примеры, добавим, что процесс концептуализации времени подвержен влиянию языкового представления. Такие фундаментальные категории, как пространство и время, «укоренены» в «воплощенной» структуре физических характеристик агента. Телесная спецификация агента отражается на способах языковой репрезентации: человек говорит о времени как о чем-то «ползущем», «тянущемся», «застывшем», «остановившемся» и т.д. Агент речи накладывает «воплощенные/отелесненные» параметры на базовые категории, которые, благодаря этому, выходят за рамки радикальных абстракций, приобретая социально значимые характеристики в рамках речевой практики. Это выражено в том, как человек выстраивает суждения, и в том, как он говорит о грядущих или прошедших событиях, вплоть до поведенческих паттернов (жестикуляций).

Подводя итоги, отметим, что сегодня, благодаря когнитивным исследованиям в рамках телесно-ориентированного подхода, роль физиологических процессов, в том числе внутрителесных ощущений, в восприятии времени становится все более очевидной. Через телесную

the Crosslinguistic Comparison of Spatial Construals of Time // Cognitive Science, 2006. № 3, vol. 30. P. 402.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же. P. 414.

²⁵² Там же. Pp. 428–433.

организацию «проходит» концептуализация таких фундаментальных категорий, как пространство и время, которые затем выражаются в языке, обретая статус социально значимых категорий. Более того, время выражается в телесной организации посредством биологических процессов, где само тело, в некотором смысле, выступает как «часовой интерфейс», внутри которого протекают локализованные физиологические процессы, подверженные временным тактам.

На примерах из когнитивных исследований было продемонстрировано, что телесность играет ключевую роль в концептуализации опыта перцепции времени и пространства. Содержание базовых категорий пространства и времени обусловлено особенностями взаимодействия тела с внешней средой и эмоциональными реакциями. Следы этих процессов отражаются в языковой практике, что позволяет предположить, что анализ языковых выражений, описывающих внутрителесный опыт, даст представление о ментальном содержании, сопровождающем интероцепцию. Важно подчеркнуть, что интероцепция – это неотъемлемый фон для процессов телесной концептуализации базовых категорий.

2.2. Внутрителесные ощущения в языковой картине мира

В настоящем параграфе мы затронем вопросы языка в контексте телесной организации человека. Важно развить мысль о том, как физические характеристики влияют на характер речевой практики. Повышается ли потенциал понимания языковых конструкций, отражающих действие, ввиду телесной спецификации воспринимающего? Более того, необходимо прояснить, как физические спецификации агента влияют на смыслообразование языковых конструкций. Будет рассмотрено влияние различных словарей культур на описание внутрителесного опыта. Примечательно, что, несмотря на универсальность физиологических характеристик человека как вида, в разных языковых и культурных моделях наблюдаются отличные друг от друга языковые паттерны, отражающие субъективный внутрителесный опыт. Особый интерес

вызывает вопрос концептуализации внутрителесного опыта (интероцептивных ощущений) в дискурсе различных культурных словарей, иными словами, вопрос о том, как человек, находящийся в рамках другой культурной и языковой системы, описывает собственный, приватный интероцептивный опыт и как его проживает от первого лица. Основной тезис состоит в том, что внутрителесные переживания агента влияют на набор описаний интероцептивного опыта, отраженный в культурных словарях; затем шаблоны культурных словарей влияют на концептуализацию внутрителесного опыта самим агентом. Тем самым мы можем говорить о цикличности данных процессов: влияние внутрителесных описаний субъекта на культурные словари и наоборот, где уже наборы «лингвистических макетов» влияют на человека и социально-коммуникативный процесс. В данном разделе будут обсуждаться вопросы, связанные с интерпретацией сознания в рамках телесно-ориентированных подходов²⁵³. Основной профиль проблемы будет задан примерами из кросс-культурных исследований языка, как области, исследующей взаимосвязь между языком, культурой и обществом.

Воплощенные теории познания подчеркивают особую роль тела или «воплощенных процессов» (сенсомоторная активность) в когнитивной активности первого порядка. Это отличает данный подход от дуалистической трактовки сознания, где тело является автономным биологическим субстратом или символической системой, которая основана на «компьютерной метафоре», представляющей ментальную активность в формате символично-алгоритмических манипуляций. Сегодня можно говорить о том, что телесно-ориентированные теории сознания становятся все более актуальными. Также основным преимуществом этих теорий является эмпирическая обоснованность, основанная на данных из когнитивных наук.

Согласно телесно-ориентированному подходу (Embodied cognition),

²⁵³ Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. Перевод с англ. К. Тулуповой, отв. ред. В. Лысенко, предисловие к рус. изд. академика В. Лекторского. Фонд «Сохраним Тибет», 2023. 456 с.; Gallagher S. How the Body Shapes the Mind: Oxford University Press, 2005. P. 284; Shapiro, L.A. Embodied cognition. London: Routledge, 2011. P. 288; Shapiro, L. The Routledge handbook of embodied cognition: Routledge, 2014.

понимание лингвистических выражений основано на сенсомоторном опыте и взаимодействии субъекта с окружающей действительностью. Например, если вам говорят «лови мяч», то извлечение смысла из данного высказывания происходит на уровне ментального проецирования прошлого опыта, в основе которого лежит эпизод с моторной деятельностью определенного вида. Этот вид ментальной активности основан на опыте «как если бы я» совершал то или иное моторное действие. Семантическая обработка глагола «ловить» зависит от спецификации организма, т.е. сенсомоторного опыта субъекта. Иными словами, человек понимает слово (относящееся к глаголу действия) в контексте двигательной активности собственного тела²⁵⁴. Процесс восприятия глаголов действия связан с ментальной имитацией предыдущего или потенциального моторного движения.

С точки зрения сторонников телесно-ориентированных подходов, семантика языковых конструкций определяется сенсомоторным опытом в младенчестве. В процессе данного взаимодействия «закладываются» основные концепты, влияющие в последующем на содержание репрезентаций субъекта²⁵⁵. Например, у А. Фогеля можно найти дуалистическую модель разделения самосознания на:

- воплощенное самосознание (Embodied self-awareness), включающее в себя интероцепцию и схему тела (осознание движения и координации между различными частями тела и между нашим телом и окружающей средой);
- концептуальное самосознание (Conceptual self-awareness) – мыслительный процесс категоризации, планирования, рассуждения, суждения и оценки ситуаций²⁵⁶.

Интероцептивное самосознание (interoceptive self-awareness) включает в себя, в том числе, осознание другого: с раннего возраста младенцам необходим контакт с родителями (обмен теплом, кормление), который осуществляется без осознания самим младенцем, этот процесс также наблюдается у

²⁵⁴ Casasanto, D.; Bottini, R. Spatial language and abstract concepts // WIREs Cognitive Science, 2014. № 2, vol. 5. Pp. 139–149.

²⁵⁵ Fogel, A. Body sense. United States of America: W. W. Norton & Company, 2013; Johnson, M. The Meaning of the Body: University of Chicago Press, 2007.

²⁵⁶ Там же. Р. 26.

млекопитающих²⁵⁷. Данный факт является важным для подтверждения понятия «вовлеченности» (или достижения «эффекта сопричастности»), которое сводится к неосознанной потребности говорящего разделить собственный приватный внутрителесный опыт с другим человеком. При этом наличие интероцептивного самосознания может предоставить биологическое обоснование, с помощью которого возможно объяснить стремление субъекта к «вовлеченности».

С лингвистической и физиологической точек зрения можно найти модели, в рамках которых предпринимается попытка указать на универсальный характер синтаксической структуры метафоры. Образ-схемы (image schemas) являются своего рода экспериенциальными гештальтами, извлеченными из сенсомоторной активности в процессе формирования. Они включают в себя понятия: ПУТЬ, КОНТЕЙНЕР, СВЯЗЬ, БАЛАНС, ЦИКЛ, СИММЕТРИЯ, ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ, ВВЕРХ-ВНИЗ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ПОВЕРХНОСТЬ, КОНТАКТ, МАСШТАБ, БЛИЖНИЙ-ДАЛЬНИЙ, ПРЯМОЙ, СУЩНОСТЬ и АГЕНТНОСТЬ²⁵⁸. С раннего возраста субъект «впитывает» образ-схемы в процессе сенсомоторной активности, манипулирования объектами и взаимодействием с внешним миром (телесная проприоцепция). Что такое «контейнер», можно непосредственно ощутить, так как человек сам является контейнером для воздуха, крови, биологических жидкостей, а также потому, что у человека зачастую есть опыт пребывания внутри комнаты. В данном случае форма образ-схемы редко поддается метаморфозам, обусловленным языковыми и культурными аспектами, чего нельзя сказать о содержании (семантике), которое претерпевает значительные изменения в рамках разнообразных культурных и языковых моделей.

Основной тезис данного раздела состоит в следующем. Субъективный внутрителесный опыт, выраженный в языковых конструкциях, оказывает влияние на культурные словари (общепринятые нормы, культурные сценарии). Затем опыт, отраженный в культурных словарях, определяет механизмы

²⁵⁷ Там же. P. 29.

²⁵⁸ Johnson, M. The body in the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 233.

концептуализации интероцептивного опыта. Речевой агент использует общепринятые описания опыта для сохранения коммуникативных связей с другими агентами. Проиллюстрировать данное утверждение можно с помощью примеров интероцептивных переживаний на языковом материале других культур.

Это позволит продемонстрировать связь базовых физиологических процессов, которые на физическом уровне протекают практически идентично, но концептуализируются в процессе языковой практики по-разному. Указанное явление вызвано процессом социальной коммуникации и эпистемическими ограничениями, обусловленными культурно-историческими реалиями, которые влияют на соматическое сознание и интероцептивную точность.

Носители неевропейских культур проявляют более высокий уровень соматической осознанности²⁵⁹. В исследовании Дж. Тсай и др.²⁶⁰ указывается, что представители китайской национальности иначе концептуализируют эмоциональный опыт. В китайской языковой картине преобладают лингвистические конструкции, тесно связанные с соматическим содержанием говорящего. Важно подчеркнуть, что китайский способ концептуализации эмоционального опыта отличается от американского по причине менее выраженной дистанцированности соматического/внутрителесного и ментального содержания. По всей видимости, характер китайского языкового представления отражает культурно-исторические и социальные особенности азиатского региона. Примером могут послужить языковые конструкции: *xīnsi* (心思) – мысль, идея, намерение, где *xīn* – сердце, а *sī* – думать, толковать; *xīnqíng* (心情) – настроение, расположение духа: *xīn* (сердце), *qíng* (чувство, букв. сердечное чувство)²⁶¹. Приведем несколько примеров метафоры «сердце-мозг/голова» из следующего исследования²⁶²:

²⁵⁹ Ma-Kellams, C. Cross-cultural differences in somatic awareness and interoceptive accuracy: a review of the literature and directions for future research // *Frontiers in Psychology*, 2014. № e36646, vol. 5. P. 2.

²⁶⁰ Tsai, J.L.; Simeonova, D.I.; Watanabe, J.T. Somatic and Social: Chinese Americans Talk about Emotion // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004. № 9, vol. 30. Pp. 1226–1238.

²⁶¹ Tung, M.P.M. Symbolic meanings of the body in Chinese culture and “somatization” // *Culture, Medicine and Psychiatry*, 1994. № 4, vol. 18. P. 486.

²⁶² Yu, N. The Chinese heart as the central faculty of cognition // *Culture, Body, and Language: Conceptualizations of*

Wo cai-bu-tou tade xin-si.

I can't read his mind (lit. his heart-thought) / I can't figure out what's on his mind (lit. what's his heart-thought).

Я не могу прочитать его мысли (букв. его мысль-сердце/сердечная мысль) / Не могу понять, что у него на уме (букв. какова его мысль-сердце/сердечная мысль).

Zhe jiu liaoque-le wode yi-zhuang xin-yuan.

This serves to fulfil a cherished desire (lit. a heart-wish/desire) of mine.

Это служит исполнению моего заветного желания (букв. сердечное пожелание/желание).

Исходя из вышеперечисленных примеров, можно заключить, что в китайской культуре сердце xīn (心) репрезентирует ментальную жизнь субъекта, что выражено в понятиях «кардиоцентризма» или «кардиопсихизма»²⁶³. Тем самым понятие «сердце» фигурирует не только как внутрителесный орган, но и как носитель некоторых форм психических процессов (мышление, сознание, моральная оценка, эмоции, темперамент). То есть негативные качества характера выражаются через физические характеристики сердца: плохой, подозрительный, жадный, злой человек – это человек, обладающий «узким» сердцем²⁶⁴. Таким образом, сердце и внутрителесное пространство является центральным онтологическим и семантическим узлом, через который осуществляется интеграция когнитивных, эмоциональных, моральных аспектов человеческого существования.

В культурных словарях можно найти несколько примеров языковых описаний, содержащих негативные эмоциональные переживания²⁶⁵:

Wo-de xin xiang zai reguoli ao de side.

Internal Body Organs Across Cultures and Languages (Applications of cognitive linguistics, 7) (ed. Sharifian, Farzad). De Gruyter Mouton, 2008. P. 145.

²⁶³ Yu, N. Linguistic Embodiment in Linguistic Experience // Body Part Terms in Conceptualization and Language Usage (ed. Iwona Kraska-Szlenk). John Benjamins Publishing Company, 2020. vol. 12. P. 24.

²⁶⁴ Tung, M.P.M. Symbolic meanings of the body in Chinese culture and "somatization" // Culture, Medicine and Psychiatry, 1994. № 4, vol. 18. P. 486.

²⁶⁵ Ye, Z. Different modes of describing emotions in Chinese // Pragmatics & Cognition, 2002. № 1-2, vol. 10. P. 323.

My heart is in such agony as if being stewed in a hot wok for a long time
(букв. Мое сердце в такой агонии, как будто его долго варят в кипящем воке).

San-ge ren xinli ru reyou jian'ao.

The three felt as if their hearts were simmering in hot oil
(букв. У троих было ощущение, будто их сердца кипят в горячем масле).

Если в западной культуре метафоры «горения», «кипения» чаще всего ассоциируются с гневом или ожиданием (кипеть от злости, сгорать от нетерпения), то в китайском языке можно встретить примеры языковых описаний, которые выражают печаль, обеспокоенность, не предполагают импульсивных эмоциональных проявлений, а, скорее, указывают на скорбь:

You xin ru fen.

Burning with anxiety.

Сгорающий от тревоги (здесь также фигурирует сердце)²⁶⁶.

Понятие «я» в китайском языке тесно сопряжено с «соматическим я», в отличие от западной культуры, где в обыденном языке принято разводить ментальное и физическое «я». Концепт «сердца» в китайской языковой картине является полисемантическим. Он одновременно может являться локусом или контейнером, в котором скрыты подлинная личность человека и образ его мышления. В то время как в западноцентрической языковой матрице мозг является «центром управления».

Примечательно, что в китайском языке встречается понятие «лицо» (面子, miànzi), означающее внешнюю часть чего-либо, включая этические и социально-специфические понятия «достоинство», «честь», «репутация», «престиж», но не лицо как часть тела²⁶⁷. Понимание «лица» в этом значении содержит в себе сеть метонимических и метафорических соответствий.

Специфическое языковое представление внутрителесного также встречается

²⁶⁶ Там же. Р. 324.

²⁶⁷ Yu, N. Linguistic Embodiment in Linguistic Experience // Body Part Terms in Conceptualization and Language Usage (ed. Iwona Kraska-Szlenk). John Benjamins Publishing Company, 2020. vol. 12. P. 18.

и в других азиатских языках. К примеру, респонденты-билингвы (американцы японского происхождения) транслируют эмоциональный опыт через референцию к желудку или животу (hara): "Hara wo Watte Hanasou" (腹を割って話そう, let's talk opening the belly, букв. «давай поговорим, вскрывая живот»)²⁶⁸. Это выражение по значению соответствует фразам: «давай поговорим начистоту», «выкладывай все карты на стол». Однако более распространенными вариантами в русском языке являются: «излить душу», «вывернуть душу/нутро наизнанку». В японском языке человек стремится обнажить собственные намерения, мысли, желания, «доставая их из живота», в то время как в русском языке основной акцент, скорее, делается на душе, которая являетсяместилищем страданий и прочих эмоциональных переживаний. Другой пример концептуализации эмоций посредством внутрителесных ощущений связан с чувством гнева (腹がたつ, hara ga tatsu; my stomach is standing up; букв. «мой живот встает»)²⁶⁹. В русском языке чувство гнева в первую очередь ассоциируется с метафорой «кипения, горения, закипания»: «кипит кровь в жилах», «внутри все горит/кипит от гнева». Помимо живота в японской концептуализации эмоций фигурирует "mune" грудь/сердце: 胸が躍る (mune ga odoru; my heart is dancing; букв. «мое сердце танцует»)²⁷⁰.

В языковых моделях, не относящихся к европейским языкам, можно найти нетипичные примеры концептуализации телесного опыта. В языке Тайоре (Kuuk Thaayorre) – языке юго-западного Памана, распространенный на западном побережье полуострова Кейп-Йорк (север Австралии), – «ухо» и слуховая модальность, выражаемая при помощи многозначного глагола pgeeu (слышать, думать), являются «контейнером» для сознания. Иными словами, ухо выступает здесь как хранилище знаний и то, насколько хорошо человек воспринимает информацию, зависит от слуховой деятельности. Приведем несколько

²⁶⁸ Freedman, A; Hu, H.; Liu, I.T.H.C.; Stewart, A.L., et al. Similarities and Differences in Interoceptive Bodily Awareness Between US-American and Japanese Cultures: A Focus-Group Study in Bicultural Japanese-Americans // Culture, Medicine, and Psychiatry, 2021. № 2, vol. 45. P. 247.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же.

примеров²⁷¹:

Ngay kaal waarr=kaak.

I have a bad ear.

У меня плохое ухо/слух.

Ngay kaal<kal>-u kaarp kal<al>-ø.

I can't carry with/in the ear, I'm an old man.

Я не могу хранить/удерживать это в ухе, я пожилой человек.

Важно отметить, что данные примеры отсылают к сложности предмета и провалам в памяти, то есть «плохое ухо/слух» указывает на проблемы с памятью²⁷². В языковой картине Тайоре высокоуровневая когнитивная активность, связанная с процессами памяти, пониманием, обработкой информации, отведена слуховой модальности. Здесь метафора «УХО – ЛОКУС ИНТЕЛЛЕКТА» напрямую противопоставлена более привычной для западного восприятия «МОЗГ – ЛОКУС ИНТЕЛЛЕКТА». Помимо прочего особое место в языковом словаре Тайоре занимает ngeengk (живот). В данном случае живот репрезентирован через метафору «ЖИВОТ – КОНТЕЙНЕР ЧУВСТВ, ЭМОЦИЙ». Рассмотрим примеры²⁷³:

Raak waarr ngathnma mong minc, kar.

I have experienced many bad things, [this is] like a pain in the belly.

Я пережил много плохого, [это] как боль в животе.

Ngay ngeengk-an piit-ø.

I hold (worries) in my belly.

Я удерживаю (беспокойство) в своем животе.

Также в языке Тайоре живот фигурирует в описаниях черт характера человека. Например, если речь идет о сострадательном человеке, то он описывается как ram ngeengk pork – a big-bellied man (человек с большим

²⁷¹ Gaby, A. Gut feelings: locating emotion, life force and intellect in the Thaayorre body // Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs Across Cultures and Languages (Applications of cognitive linguistics, 7) (ed. Sharifian, Farzad). De Gruyter Mouton, 2008. P. 32.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же. P. 34.

животом). «Через живот» в языковых конструкциях генерируются ассоциации как с положительными, так и с отрицательными эмоциями и характеристиками. Если к какому-либо человеку применяется словосочетание *ngeengk=kak* (amazed), то это означает, что он удивлен или поражен какими-либо событиями. В западной культуре негативный любовный опыт концептуализируется через метафору «разбитого сердца» (heartbroken), в то время как в языковых словарях Тайоре человек с «разбитым сердцем» описывается как человек с *ngeengk watp* (belly dead) – «мертвый живот»²⁷⁴.

Метафорические описания, отражающие эмоциональный опыт, также концептуализируются через другие органы. Например, *thip* (liver) – печень фигурирует в языковых конструкциях, отражающих характеристики человеческих качеств: смелый человек, человек с сильным/крепким животом и печенью – *ngeengk-thip thaarn* (belly-liver strong). Образ-схема ГНЕВ – КИПЕНИЕ (ANGER IS HEAT) передается через конструкцию *ngeengk-thip paapath* (belly-liver hot) – горячие живот и печень²⁷⁵.

Концептуализация эмоционального переживания, в которых печень *hati* является центральной лексемой, встречается и в индонезийском языке: *Patah hati* – разбитое сердце (букв. разбитая печень)²⁷⁶. В данном случае *Patah hati* выступает как эквивалентная метафора английскому *broken heart* и распространенному в западноевропейских языках: *cœur brisé* (фр.), *gebrochenes Herz* (нем.) (в обоих случаях «разбитое сердце»). Впрочем, и в европейских культурах можно найти примеры следующих языковых описаний:

frisch/frei von der Leber weg sprechen/reden

говорить откровенно (букв. говорить свободно от печени)

sich etwas von der Leber reden

снять груз с души (букв. говорить о чем-либо от печени)

²⁷⁴ Там же. Р. 36.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Siahaan, P. Did he break your heart or your liver? A contrastive study on metaphorical concepts from the source domain ORGAN in English and in Indonesian // Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs Across Cultures and Languages (ed. Sharifian, Farzad). De Gruyter Mouton, 2008. P. 46.

liver-hearted

трусливый (букв. печеночно-сердечный)²⁷⁷.

В европейской культуре внутрителесные органы, такие как «сердце», «печень», «желчный пузырь», «кишечник», в повседневном представлении отвечали за различные эмоции: тревога, страх, горе, любовь, характер человека²⁷⁸. В Древней Греции внутрителесные органы представляли «подлинное Я», контейнер, в котором содержатся подлинные эмоции²⁷⁹.

В индонезийском языке *hati* (печень) фигурирует в лингвистических конструкциях, связанных с моральными качествами человека. В частности, «чистая печень» ассоциируется с чистыми помыслами. Следовательно, «печень загрязняется», если субъект не соответствует моральным стандартам, распространенным в рамках данной культуры.

Рассмотрев вышеперечисленные примеры, мы приходим к выводу, что в языковом словаре Тайоре телесные характеристики (живот, печень) ассоциируются с ментальными, эмоциональными переживаниями. Приватный психический опыт напрямую связан с физиологическими процессами, если не определяется ими. Также в языковых практиках, не относящихся к европейским языкам, встречаются описания приватного ментального опыта через телесную активность. В данном случае эмоции приобретают «воплощенные характеристики», описание которых обусловлено культурологической спецификой, выраженной в языковых моделях. Важность вербализации, концептуализации, подбора словаря для описания опыта внутрителесных ощущений подтверждается тем, что это способствует лучшему их пониманию, как самим «переживающим» агентом, так и реципиентом коммуникации²⁸⁰.

Несмотря на универсальность физических событий, лежащих в основе ментальных, когнитивных процессов, мы можем увидеть, в рамках

²⁷⁷ Там же. Р. 54.

²⁷⁸ Waśniewska, M. Conceptualisations of Entrails in English and Polish // *Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts* (ed. Iwona Kraska-Szlenk). John Benjamins Publishing Company, 2020, vol. 12. P. 270.

²⁷⁹ Padel, R. In and out of the Mind: Greek Images of the Tragic Self. Princeton university press, 1992. Pp. 13–16.

²⁸⁰ Fogel, A. Body sense. United States of America: W. W. Norton & Company, 2013. P. 40.

лингвокультурологических, антропологических, кросс-культурных исследований, влияние культурных факторов на концептуализацию частного опыта. Через концептуальную метафору в языковых словарях различных культур «просвечиваются» социальные, этнические особенности, влияющие на область ментального.

Проанализировав примеры, в которых изложено языковое представление внутрителесных (интероцептивных) ощущений, можно сделать вывод, что ментальная активность тесно взаимосвязана с физиологической дескрипцией. Между тем культура и языковая прагматика, в которой зафиксирован внутрителесный опыт, влияет на качественные характеристики частных переживаний агента. Большое количество языковых примеров, в которых содержится специфический, внутрителесный опыт от первого лица, является косвенным подтверждением того, что для субъекта важно разделить этот опыт с помощью языковых средств. Метафоры и эмоционально-оценочная лексика призваны приобщить слушателя к нюансам интероцептивной жизни. При помощи культурных словарей и концептуальной метафоры можно достичь «эффекта сопричастности», иными словами, поместить частные интероцептивные переживания в социальное измерение, что, в свою очередь, оказывает влияние на характер социального взаимодействия. Шаблоны языковых описаний внутрителесного опыта становятся частью «социальной привычки», которая формирует характер телесных проживаний в области феноменального сознания. В данном контексте основным вопросом является не «что мы испытываем?» (сегодня благодаря новым исследованиям в области прикладных наук нейрофизические корреляты четко прослеживаются), а «как мы испытываем?», следы второго «отпечатаны» в языковой картине, поддающейся трансформации со стороны культурных процессов, являясь частью «культурного бессознательного». Этот вывод противоречит основным принципам редукционистских теорий сознания (теория тождества), где «внутренний ментальный мир» может быть представлен исключительно как связь и отношение нейрофизиологических процессов.

2.2.1. Языковая прагматика и способы представления внутрителесных ощущений

В данном пункте интероцептивные ощущения будут рассмотрены в контексте философии языка. Центральный вопрос этого раздела звучит следующим образом: на что указывает человек, когда использует высказывание, отсылающее к интероцептивным ощущениям? Для целей настоящего раздела необходимо рассмотреть, как высказывания, содержащие интероцептивный опыт, встраиваются в прагматическую теорию значения. Насколько интероцептивный нарратив обусловлен языковой игрой или социальной привычкой? Определяется ли содержание интероцептивных высказываний социальным контекстом? Мы сознательно делаем преференцию по отношению к прагматической теории языка, поскольку, на наш взгляд, суть интероцептивного высказывания сводится не к обозначению истинных или ложных фактов внутрителесного мира, так как для говорящего не важна истинность интероцептивного высказывания в онтологическом смысле (что он испытывает на самом деле?), а к прояснению человеческих намерений (что он хочет этим сказать?).

Корни прагматической теории языка можно найти в философских традициях, отвергавших идею языка как инструмента, с помощью которого можно установить истинность или ложность фактов окружающей действительности. В этом смысле язык используется не только с дескриптивной точки зрения (описание событий внешнего мира) или для репрезентации мыслительного процесса, но как динамическая система, в которой важное место занимает слушатель, интерпретирующий высказывания. В значительной степени это англо-американская традиция философии, рассматривающая «обыденный» тип языка.

Принято считать, что термин «прагматика» в современном его значении принадлежит философу Ч. Моррису, который продолжил исследования Ч. Пирса о семиотике. У Ч. Морриса сам процесс, в котором нечто функционирует как

знак, обозначается семиозисом²⁸¹. В рамках семиозиса выделяются три различные области исследования: синтаксис – формальное отношение знаков к друг другу, семантика – отношение знака к объектам, к которым они применимы (десигнат), прагматика – отношение знаков к интерпретаторам²⁸². Исходя из этого язык может быть рассмотрен в нескольких измерениях: формалистском, эмпирическом, прагматическом.

В формализме более предпочтительной для рассмотрения является языковая форма как таковая (аксиоматическая теория), абстрагированная от смысла слов определенного языка или процесса словоупотребления языковой группой. В рамках эмпиризма подчеркивается значимость отношения знака к объектам, которые их обозначают и с помощью которых описываются свойства этих объектов. В прагматизме язык не может рассматриваться в отрыве от коммуникативного процесса, который является социальным по сути и в котором социальные группы могут удовлетворять собственные потребности, как индивидуальные, так и общие²⁸³. Ч. Моррис, в свою очередь, сформулировал прагматическое правило (pragmatical rule), в рамках которого восклицания «О!», команды «Иди сюда!», оценочные выражения «к счастью», приветствия «Доброе утро!» могут встречаться только при определенных поведенческих условиях²⁸⁴. В дальнейшем Ч. Моррис стремился расширить прагматическую теорию языка до металингвистической теории, охватывающей биологические, социальные, психологические аспекты, которые сопровождают языковую деятельность, что выбивалось из рамок языковой прагматики²⁸⁵. В прагматической теории языка вперед выступает не объектно-субъектный тип отношения, а скорее субъектно-субъектный. Выражаясь более общими словами, в языковой прагматике делается явная ссылка на говорящего и интерпретатора, участвующих в процессе словоупотребления.

²⁸¹ Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982. С. 2.

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же. С. 6.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же. Р. 30.

Впоследствии исследования в области прагматической теории языка привели к анализу «обыденного языка» (Дж. Остин, Г.П. Грайс, Дж. Серл). Философы обыденного языка фокусировались на аспектах повседневного словоупотребления, в отличие от логико-позитивистского подхода, в котором предпринималась попытка создать идеальный язык, «подгоняя» его под строгие принципы логико-математических оснований (Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн).

Далее сконцентрируемся на прагматическом языковом аспекте, так как для нас значимым является вопрос высказывания как действия (Дж. Остин, Дж. Серл) ввиду того, что структурно интероцептивное суждение (например, «желудок, присосавшийся к позвоночнику», «режущая боль в животе», «сердце, выпрыгивающее из груди») является метафорическим или метонимическим и ритуальным по своей сути. Данный факт важен в контексте кросс-культурных исследований, в которых подчеркивается влияние языковой и культурной системы на саму форму высказывания, при этом, с философской точки зрения, важным остается вопрос, на что указывает агент и по какой причине для человека необходимо ярко обозначать детали приватной «внутренней жизни».

Оксфордский философ Дж. Остин в своем курсе лекций под названием «Как совершать действие при помощи слов» / «Слово как действие» (How to do things with words, 1962) сформулировал «теорию речевых актов». Одной из ключевых проблем, по Дж. Остину, является ошибочное представление философов о назначении утверждений/высказываний (statement) – как механизма для фиксации или описывания истинного или ложного положения дел²⁸⁶. В догмате о верифицируемости утверждений Дж. Остин усматривает только порождение бессмыслицы или размножение псевдопонятий, по той причине, что большинство предложений или суждений, несмотря на безупречную грамматическую форму, ничего не сообщают о мире. Исходя из этого Дж. Остином вводятся два типа предложений: 1) констатирующее высказывание, являющееся истинным или ложным (дескриптивное высказывание); 2) перформативное высказывание,

²⁸⁶ Остин Дж. Избранное / Перев. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

которое предполагает выполнение некоторого действия (клятва, обещание, акт нареkania объекта именем). Речевой акт представлен в виде трехуровневой системы: *локутивный акт* – акт произнесения высказывания с определенным конвенциональным смыслом; *иллокутивный акт* – высказывание, описывающее конвенциональную природу действия, такого как утверждение, приказ, просьба, обещание, предупреждение или размышление; *перлокутивный акт* – попытка оказать определенное воздействие на адресата²⁸⁷.

Для теории речевых актов фундаментальной является идея о том, что множество различных выражений могут обладать одинаковой иллокутивной (и перлокутивной) силой. В зависимости от условий коммуникации у говорящего есть возможность попросить адресата выполнить действие различными способами, сказав: «Закрой окно», «Не мог бы ты закрыть окно?», «Кажется, ты забыл закрыть окно?», «В комнате как-то прохладно, тебе не кажется?», «Вас плохо слышно из-за шума на улице». Несмотря на то, что у каждой фразы есть буквальное значение, исходя из контекста все выражения могут быть интерпретированы/поняты как просьба закрыть окно. Когда локутивная и иллокутивная сила высказывания (т.е. его буквальное и предполагаемое значение) совпадают, результат называется *прямым речевым актом*; когда локутивная и иллокутивная сила высказывания не тождественны (как было во всех примерах, кроме первого, или как может быть в высказывании, содержащем иронию: ты – отличный друг), результат называется *косвенным речевым актом*²⁸⁸.

Рассмотрим интероцепцию в контексте прагматической теории значения, где высказывания по типу «Мой желудок совсем пуст», «Черная дыра в желудке», «Желудок прилип к позвоночнику» существуют в двух планах: 1) некоторое физическое событие в границах внутрителесного пространства; 2) попытка сделать данный факт публично доступным – и отсылают к чувству голода, от которого необходимо избавиться.

По мере освоения языка определенной культуры человек приобретает

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Searle J. Indirect Speech Acts // Academic Press, 1975, vol. Syntax and Semantics 3. Pp. 59–82.

способность рассматривать (воспринимать) с различных углов зрения некое событие, опираясь на перцептивный опыт. Когнитивные репрезентации основаны на зафиксированном перцептивном опыте (сенсорные и моторные переживания), в то время как языковые репрезентации далеко не всегда отображают непосредственный сенсомоторный опыт, скорее, различные вариации его представления. В рамках языковой и культурной системы обеспечена возможность множественного представления физического события²⁸⁹. При этом, рассматривая высказывания, содержащие интероцептивную метафорику, сложно однозначно ответить, зафиксировано ли в них внутрителесное событие или форма самого высказывания накладывает отпечаток на качественные характеристики данного опыта.

Интероцепция, в этой связи, может быть рассмотрена в двух онтологических измерениях:

1) физическое внутрителесное событие (чувство голода, боли в животе, жар по всему телу), которое не зависит от способов словоупотребления, поскольку предложение «*я очень голоден*», как и само чувство голода, не является лингвистически зависимым фактом;

2) феноменальное качество интероцептивного опыта. Здесь, как мы убеждены, языковое представление внутрителесных ощущений оказывает влияние на субъективные качества опыта, данного от первого лица.

Второй пункт тесно связан с феноменом языковой игры и социальной привычки. Исходя из того, что мы придерживаемся натуралистических позиций, полагая, что интероцептивные события у большинства людей одинаковы (мы сейчас не рассматриваем случаи атипичной интероцепции или иные патологии), то большое разнообразие интероцептивных описаний в различных культурах и языках мы считаем результатом «социальной привычки». Говорящий, переживающий некоторое интероцептивное событие, описывает это привычным для себя и для своей культурной и языковой системы способом, чтобы сохранить

²⁸⁹ Tomasello, M. The Cultural Origins of Human Cognition: Harvard University Press, 1999. P. 9.

«публичный доступ» к собственным интроспективным переживаниям. Посредством языка человек осознает доступ к ментальным переживаниям и сохраняет возможность разделить их с другими участниками коммуникативного события.

Например, возьмем два типа предложений: а) «я голоден»; б) «от голода мой желудок присосался к позвоночнику». Смысл этих выражений равен друг другу. Иначе говоря, предложения (а) и (б) имеют одинаковое значение или указывают на одно и то же (чувство голода). При этом сложно утверждать, что, употребляя предложения (а) и (б), говорящий *достигает одной и той же цели*. Если предложение (а), в большей степени, соответствует номенклатурному взгляду на язык (то, что соответствует имени вещи – внутреннее отношение/близость слова вещи, а не использование слова для достижения цели), то предложение (б) – инструментальному/прагматическому (достижение цели определяет соответствие имени и вещи. Слова в языке пригодны не только для обозначения предметов, но и для достижения целей и прояснения намерений. Слова – это инструменты для выполнения действий и намерений). Оба высказывания пригодны для сообщения о том факте, что говорящий испытывает чувство голода и хочет от него избавиться. Предложение (б) выражает крайнюю степень данного переживания, где наблюдается рассинхронизация субъекта (я в смысле «mind» и я как «embodied self») и интероцептивного процесса, который одновременно с этим является частью самого агента.

Интероцептивные описания типа «сердце не на месте», «бабочки в животе», «внутри все оборвалось», «пустота внутри», «всего крутит» не являются ни ложными, ни истинными в строгом смысле этого слова. Критерий истинности или ложности высказывания определяется характеристиками (правилами), которые агент речи стремится соблюдать, являясь участником языковой игры. Структура высказывания об интероцептивных ощущениях, которые проживает человек интроспективно, обусловлена языковой игрой и приобретенной социальной привычкой. Онтологический статус внутрителесных ощущений для агента речи не обладает определяющей значимостью, в отличие от того, насколько важным

является принцип верификации частных внутрителесных ощущений через другого участника речевой практики ввиду того, что высказывания об interoцепции являются конвенциональными. В этом случае говорящий *проверяет* через адресата адекватность собственных языковых описаний. Помимо прочего, субъект стремится вовлечь слушателя в нюансы «театра внутренней жизни», разделить собственные переживания (прожить через другого – *эффект сопричастности*) и соизмерить степень собственных этических оценок с другим агентом речи. Фраза «сегодня хорошая погода, не правда ли?» или «боль в желудке, словно разлили раскаленное масло» с прагматической точки зрения является попыткой говорящего сравнить степень собственного ощущения «хорошего» или «больного» с адресатом.

Смысл языковых выражений определяется контекстуальной значимостью. То есть они являются контекстно-зависимыми. В процессе коммуникативного взаимодействия адресат улавливает предполагаемое значение. На примере interoцептивных суждений можно зафиксировать онтологический разрыв или разрыв между интенционалом и экстенционалом, когда человек говорит не то, что имеет в виду. Высказывания по типу «я не в себе», «внутри что-то не спокойно или не на месте», «дрожь по всему телу» не содержат референции к interoцептивному *событию* (объективному физическому факту внутри тела), в особенности когда речь идет об эмоциональном или болевом опыте. Адресату необходимо сделать вывод о предполагаемом значении, а говорящий должен воплотить предполагаемое значение в жизнь. Например, значение высказывания «внутри все горит» является контекстуальным и может отсылать к эмоциям гнева, сексуальному влечению, смущению, стыду, чувству несправедливости и, наконец, повышенной температуре. Смысл высказывания «живот крутит» в языковой игре конституируется по-разному: *объективирующее познание* указывает на сам (объективный) факт внутрителесного события, тогда как в рамках *практического действия* «крутит живот» может отсылать (реферировать) к эмоциональному (например, чувство страха) или феноменальному опыту. Также сам способ описания того или иного внутрителесного ощущения приобретает различные

вариации и значения в языковых играх.

Значение высказывания должно соответствовать принципу интерсубъективности (быть доступным для других участников коммуникативного процесса), так как основной целью агента является передача некоторого послания адресату. Для успешной коммуникации и достижения данной цели участники языкового процесса должны находиться в едином семантическом поле (языковая и культурная системы). Специфика восприятия интероцептивных ощущений состоит в том, что при обработке внутрителесной активности не задействуются сенсорные механизмы, участвующие в экстероцептивном типе восприятия (зрение, обоняние, слух и т.д.). Тем самым человек генерирует образы, которые «выводят» интероцептивные ощущения из области приватного, интроспективного пространства в визуально-воспроизводимые образы, которые, в свою очередь, сформированы культурным, технологическим, языковым контекстами. Человек облакает субъективные переживания внутрителесных ощущений в понятные формы (иногда в объектную форму), чтобы компенсировать недостаток экстероцептивных систем. Субъект не воспринимает интероцепцию, опираясь на привычные системы восприятия, этот вид телесной активности представляет собой своего рода «темное пространство», в котором субъект ориентируется или пытается классифицировать, прибегая к метафорическому языку, где интероцептивные ощущения становятся частью социально-коммуникативного события. Так как способность ясно транслировать собственное внутреннее состояние является вопросом выживаемости и успешной социальной коммуникации, важно четко доносить до реципиента информацию об эмоциональных и болевых переживаниях.

Подчеркнем, что языковая репрезентация телесности не ограничивается манифестацией физиологических характеристик. То, как телесность и внутрителесные ощущения представлены в языковом пространстве, основывается на культурологических, технологических, социальных аспектах.

Для иллюстрации этого тезиса приведем пример, затрагивающий вопрос влияния культурно-исторических аспектов на языковое представление телесных

ощущений и эмоций. Описание эмоций в английском языке претерпело диахронические изменения: от относительно более прозрачных и метонимических отсылок к телу и его физическим реакциям до все более непрозрачных метафорических отсылок к телу и интероцептивным ощущениям. Изучение использования языка привело к предположению, что то, как люди представляют себе взаимосвязь между телом и эмоциями, не только определяется культурой, но и меняется с развитием общества. До промышленной революции XVIII века в Британии состояние тела было тесно связано с эмоциональным переживанием в повседневном словоупотреблении английского языка. Растущая индустриализация и механизация в Великобритании привели к последующему переходу от традиционных представлений о теле как о живой плоти к метафорическому понятию «тело как машина». Изменившиеся представления о теле повлияли на рассмотрение эмоции изолированно от соматических функций организма, в отличие от того, как это было в традиционных воззрениях. До XIX века господствующие верования, как медицинские, так и народные, связывали гнев, радость и печаль с функциями организма. «Сердце» может «сотрясаться», «трепетать», «расширяться», «холодеть». Ввиду того, что эмоции были воплощены, они обладали четкими соматическими качествами: люди были охвачены яростью, горячая кровь была сущностью гнева, страх вызывал холодный пот. Другими словами, эмоции отсылали к физическим характеристикам человека. Но в течение XVIII века гуморальная концепция тела, в контексте которой организм наполнен пульсирующими жидкостями и эмоциями, уступила место более механистической картине. А в теле-машине эмоции было труднее определить, а симптомы – передать²⁹⁰. В механистической модели описания телесных процессов отображается связь социально-исторических реалий. Лингвистическое представление внутрителесной активности сопряжено с научно-техническим развитием, что указывает на зависимость форм описания боли, эмоций, интероцептивных ощущений от

²⁹⁰ Stearns, P.N. *American Cool*. New York: University Press, 1994. Pp. 66–67.

социальной привычки и языковой игры.

Метафорика интероцептивных ощущений более наглядно может быть показана посредством примеров концептуализации болевого опыта, сопровождающих различные хронические заболевания. Данные примеры представлены в таблице 1²⁹¹:

Таблица 1 – Метафорическое представление интероцептивного и болевого опыта

Source domains and subdomains	Example Metaphors	Перевод
Motor Vehicle Accident	“... like I’ve been crushed by a car...”; “Hit by a bus.”	«... словно меня сбила машина»
Movement	“A jack hammer in my head.”; “I can feel a heartbeat in my spine...”	«Отбойный молоток в моей голове» (P158); «Я чувствую сердцебиение в позвоночнике...» (P230)
Object – Sharp	“Barbed wire wrapped around my feet.”; “A million hot needles all over my body.”	«Колючая проволока, обернутая вокруг моих ног»; «Миллион горячих игл по всему моему телу»
Object – Blunt	“... like I’m being hit with a sledge hammer every minute of the day.”	«... словно меня бьют кувалдой каждую минуту моей жизни»
Embodied Other	“Somebody driving a knife into my bones and muscles and twisting it.”	«Кто-то вонзает нож в мои кости и мышцы и проворачивает его»
Hot	“It feels like I’m burning but I can’t put the fire out. It feels like embers are smouldering inside.”	«Такое ощущение, что я горю, но не могу потушить огонь. Такое ощущение, что внутри тлеют угли»
Hot-Cold	“A deep frozen burning inside.”; “The pain feels like burning and cold to the point of torture.”	«Глубокое ледящее жжение внутри»; «Боль ощущается как жжение и холод на грани пытки»
Electricity	“The pain feels like I am holding a live wire and electricity is burning through my body.”	«Боль ощущается так, словно я держу провод под напряжением и электричество прожигает мое тело»
Bodily Misperception	“My foot does not belong to me.”; “...(worst days) feels as if my leg is not part of me.”	«Моя нога мне не принадлежит»; «... (при ухудшении) кажется, что моя нога не является частью меня»

Проанализировав примеры, расположенные в таблице 1, можно увидеть, что опыт болевого переживания транслируется посредством источников доменов и субдоменов: острый/тупой предмет, механизм/машина, электричество, телесная

²⁹¹ Munday, I.; Newton-John, T.; Kneebone, I. ‘Barbed wire wrapped around my feet’: Metaphor use in chronic pain // British Journal of Health Psychology, 2020. № 3, vol. 25. Pp. 814–830.

деперсонализация (встречается при нарушениях восприятия интероцептивных ощущений), горячий, холодный. В данном случае болевым переживаниям присваиваются характеристики внешних объектов, тактильные свойства. Мы считаем, что характер языкового материала и присутствие в нем технологических аспектов указывает на культурно-исторические реалии данного общества²⁹².

Помимо прочего, концептуализация интероцептивных ощущений может осуществляться посредством описания иных сенсорных систем²⁹³: *the loud banging of my heart* – громкий стук моего сердца; *a sharp cramp punched through her left triceps* – резкая боль пронзила ее левый трицепс; *bitter cramps went through him* – горькие судороги прошли по его телу. В работе А.В. Нагорной²⁹⁴ представлен широкий набор метафорических интероцептивных описаний, ассоциирующихся с определенными когнитивными моделями: «тело – дом»; «тело – биологический организм»; «тело – машина» и т.д.

Итак, интероцепция – это физиологический процесс, причиной которого должно послужить физическое событие, тем не менее, в некоторых случаях языковая деятельность может «запустить» интероцептивное переживание. Ярким примером данного предположения может явиться языковая коммуникация и перцептуальная укорененность в языковых конструкциях. Например, в тот момент, когда респонденты читали слова с сильными обонятельными ассоциациями («чеснок», «корица», «жасмин»), также активировались зоны головного мозга, ответственные за ольфакторное восприятие²⁹⁵. Исходя из этого, языковые понятия «корица», «чеснок», «жасмин» перцептивно укоренены в зонах ольфакторного восприятия, так как семантика слова «жасмин» вызывает повторную активацию нейронных областей, играющих роль в восприятии. По этой причине человек, прочитавший перечень кофейных дескрипторов на

²⁹² Барышников П.Н., Атакуев М.Н. Семантика суждений о внутрителесном опыте: от нормы к аномалиям // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 2. С. 225.

²⁹³ Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 56.

²⁹⁴ Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 320.

²⁹⁵ González, J.; Barros-Loscertales, A.; Pulvermüller, F.; Meseguer, Vanessa; Sanjuán, Ana; Belloch, Vicente; Ávila, César. Reading cinnamon activates olfactory brain regions // *NeuroImage*, 2006. № 2, vol. 32. Pp. 906–912.

этикетке, в каком-то смысле попадает в ловушку, так как еще до момента самой дегустации напитка субъектом уже сформированы представления о его вкусе.

Подытоживая, можно прийти к выводу, что модусы языковой репрезентации внутрителесного опыта обусловлены социокультурными аспектами. В лингвистическом пространстве четко прослеживаются способы и виды лингвистических описаний приватного опыта. В контексте прагматической теории interoцепции можно утверждать, что человеку важно поместить собственный субъективный опыт внутрителесного переживания в центр социальной коммуникации, преодолевая границы собственного тела. Затем в социальном пространстве извлекаются паттерны метафорических описаний, прописанные в культурных словарях, которые оказывают влияние на семантическое содержание языковых представлений. В коммуникативной модели «я – другой» использование шаблонов метафорических описаний имеет эвристическую ценность, по причине того, что субъект остается адекватно понятым адресатом. Точнее всего это выражается в языковых высказываниях об interoцептивном опыте, содержание которых не сводится исключительно к констатации физических событий и где также прослеживается влияние социокультурных аспектов. В таких выражениях, как «всего выворачивает», «внутри все не на месте», «головная боль, будто забивают гвозди», явно прослеживаются феноменальные аспекты, которые сложно вывести на основании восприятия совокупности физических событий. Концептуализация interoцептивных ощущений, то, как человек высказывается о собственном внутрителесном опыте, оказывает влияние на качественные характеристики проживания этого опыта, что свидетельствует об особой роли социального и языкового представления interoцепции. Важно отметить, что язык указывает на свойства interoцепции, не определяемые эмпирическими методами когнитивных наук. Мы полагаем, что вопрос «как?» (как именно субъект высказывается о внутрителесных ощущениях) является абсолютно легитимным, по той причине, что именно ответ на этот вопрос содержит в себе представление феноменальных качеств interoцептивного опыта. Языковой профиль дает косвенный доступ к

намерениям говорящего, информации о его социальных связях и коммуникативных привычках. Телесность и интероцепция, отраженные в языке, помогают субъекту с доступом к сложным неявным проявлениям внутрителесного пространства и его состояниям.

Выводы по главе 2

1. Телесная спецификация и сложноописываемые внутрителесные процессы оказывают влияние на восприятие таких фундаментальных категорий, как время и пространство. Пространственно-временные отношения чаще всего реализуются через модель, в которой субъект с телесной организацией находится в определенной точке пространства, где пространство впереди наблюдателя ассоциируется с будущим временем, пространство за спиной – с прошлым.

2. Ориентационные метафоры (взгляд вперед – будущее, назад – прошлое) не являются универсальными для представителей разных культур, привычная для многих культур горизонтальная логика пространственно-временных отношений может быть репрезентирована в некоторых культурах в вертикальной форме, где прошлое расположено впереди.

3. В рамках телесно-ориентированных теорий языка подчеркивается особая роль сенсомоторной активности. Семантика языковых конструкций опосредованно извлечена из телесной структуры. Внутрителесные (интероцептивные) переживания широко представлены в различных культурных словарях. Тем не менее, несмотря на универсальность телесных характеристик и физических событий, лежащих в центре интероцептивных переживаний, способы концептуализации данного опыта радикально отличаются в различных культурных и языковых моделях.

4. В западных культурных средах в языковой структуре отсутствует четкое противопоставление между физиологической манифестацией и ментальной активностью. В данном случае эмоциональные переживания напрямую ассоциируются с внутрителесным опытом. Семантика концептуализации ментальной активности через метафорику интероцептивных

ощущений носит «отпечаток» той культуры, в которой формировался субъект.

5. Интероцепция и воплощенность агента обладают принципиальным значением в выборе лингвистических стратегий. Прагматические аспекты языковой деятельности извлекаются из телесной конфигурации агента, которая «встроена» в культурно-социальные контексты.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРОЦЕПТИВНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

3.1. Механизмы переноса приватного внутрителесного опыта в систему социальных значений

Интероцепция является важным механизмом для поддержания внутреннего физиологического состояния организма. Интероцептивные ощущения связаны с сигналами, исходящими из внутрителесного пространства (например, чувство голода, жажды, температуры, боли, покалывания в области подреберья и т.д.). Данный класс ощущений носит приватный характер, как и экстероцептивный опыт (восприятие внешних стимулов посредством визуальной, слуховой, тактильной, обонятельной систем), при этом, ввиду специфической локализации, на первый взгляд может показаться, что интероцепция не имеет никакого влияния за пределами физиологических границ тела. Наиболее часто в работах отмечается, что интероцепция является социально индифферентной или внесоциальной по своей природе²⁹⁶. Несмотря на это, в рамках настоящего раздела мы продемонстрируем, что в когнитивных исследованиях последних нескольких лет все большее внимание уделяется социальным функциям интероцепции, тесно связанным с процессами вербализации внутрителесных состояний. В свою очередь, нарративный профиль интероцептивных переживаний видоизменяется под воздействием внешних социальных, технологических, культурных контекстов. Современные эмпирические данные в области когнитивных наук указывают на то, что интероцепция играет важную роль в социальном

²⁹⁶ Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 293.

познании²⁹⁷, эмоциональном опыте и понимании эмоционального состояния другого²⁹⁸, самосознании²⁹⁹ и других высокоуровневых ментальных процессах. Также нам важно обратить внимание на то, что концептуализация внутрителесных ощущений является ключевым механизмом переноса приватного interoцептивного опыта в систему социальных значений, с помощью чего участники социального взаимодействия достигают «эффекта сопричастности». Тем самым в настоящем разделе будут предложены аргументы в пользу того, что interoцепция играет важную роль в социальном взаимодействии. Предполагается, что данная цель будет достигнута на двух уровнях: 1) эмпирический – поиск релевантных исследований, с помощью которых удастся продемонстрировать социальные аспекты interoцепции; 2) концептуальный – философский анализ языковых конструкций, в которых отражен interoцептивный опыт. Под «механизмами переноса» в данном случае подразумевается концептуализация interoцептивного опыта, на который, в большей степени, накладываются субъективные качества «переживания» агента и связанный с ним социальный компонент: то, к какой социальной группе субъект относится, в каком историческом периоде находится и в каких языковых конструкциях транслирует субъективные факты переживания внутрителесного опыта. Также в данном контексте важно выяснить, чем именно обусловлено концептуальное содержание interoцептивного опыта: отражает ли оно реальные телесные события или является частью социальной привычки.

Интеграция сенсорной информации о внутреннем состоянии организма и внешней среды имеет решающее значение для адаптации поведения человека в социальных условиях и повседневной жизни. Итероцепция также играет

²⁹⁷ Fotopoulou, A.; Tsakiris, M. Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference // *Neuropsychanalysis*, 2017. № 1, vol. 19. Pp. 3–28.

²⁹⁸ Dunn, B.D.; Galton, H.C.; Morgan, R.; Evans, Davy; Oliver, Clare; Meyer, Marcel; Cusack, Rhodri; Lawrence, Andrew D.; Dalgleish, Tim. Listening to Your Heart // *Psychological Science*, 2010. № 12, vol. 21. Pp. 1835–1844; Hübner, A.M.; Trempler, I.; Gietmann, C.; Schubotz, Ricarda I.; Grynberg, Delphine. Interoceptive sensibility predicts the ability to infer others' emotional states // *PLOS ONE*, 2021. № 10, vol. 16. Pp. 1–20.

²⁹⁹ Palmer, C.E.; Tsakiris, M. Going at the heart of social cognition: is there a role for interoception in self-other distinction? // *Current Opinion in Psychology*, 2018, vol. 24. Pp. 21–26.

ключевую роль в саморепрезентации личности³⁰⁰. Опыт интероцептивных ощущений значительно отличается от экстероцептивного и проприоцептивного механизмов, однако сложно себе представить принципиальную дистанцированность данных процессов. Несмотря на большое количество интерпретаций интероцептивной активности, данный процесс можно охарактеризовать как когерентную модальность восприятия, по сравнению с более классическими модальностями (обоняние, вкус, осязание, зрение и слух), поскольку, как мы предполагаем, люди не привыкли думать об interoception как о единой категории опыта. Интероцептивная система связана с широким классом различных ощущений: сердечно-сосудистые (например, сердцебиение, кровоток), легочные (дыхание, удушье, вдох), желудочно-кишечные (голод, жажда, тошнота), терморегуляторные (охлаждение, тепло, волна жара), болевые (болезненность, агония, боль в животе). Впрочем, помимо ощущений, локализованных во внутрителесном пространстве, восприятие interoception также включает в себя такие эмоции как: усталость (усталость, сонливость, утомляемость), болезни и травмы (диабет, грипп, травма), гнев, печаль, страх, радость, счастье и т.п.³⁰¹. На нейробиологическом уровне взаимосвязанность данных процессов обусловлена мультимодальной сенсорной системой в островковой доле (anterior insular cortex) головного мозга, обеспечивающей перцептивную интеграцию и когнитивный контроль³⁰². Другими словами, благодаря функционированию данной системы субъект хотя и воспринимает стимулы, исходящие из внешней среды, через различные телесные механизмы (экстероцептивный, проприоцептивный), тем не менее в его опыте данные модальности «смешиваются» в целостную картину. Пример такой связи телесных систем – чувство отвращения, когда человек увидел или почувствовал что-либо неприятное и это вызывает отторжение на внутрителесном уровне (чувство

³⁰⁰ Ferri, F.; Ardizzi, M.; Ambrosecchia, M.; Gallese, Vittorio; Tsakiris, Manos. Closing the Gap between the Inside and the Outside: Interoceptive Sensitivity and Social Distances // PLoS ONE. № 10, vol. 8. 2013.

³⁰¹ Connell, L.; Lynott, D.; Banks, B. Interoception: the forgotten modality in perceptual grounding of abstract and concrete concepts // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, 2018. № 1752, vol. 373. P. 4.

³⁰² Craig, A.D. How do you feel?: Princeton University Press, 2015. P. 244.

тошноты, «кручение/верчение в животе»). Помимо этого, сильное эмоциональное переживание, вызванное стрессовой ситуацией в процессе социального взаимодействия (конфликт, нападение на человека, шум толпы), способно вызвать неконтролируемую активность на интероцептивном уровне (повышенное сердцебиение, учащенное дыхание, потные ладони, что встречается при панических атаках). Взаимосвязанность подобных ощущений указывает на многоаспектную природу «переживания» на субъективном уровне, а также на сложность четкого разделения одного класса телесного опыта (экстероцептивного) от другого (интероцептивного). Без функционирования интероцептивной системы вышеописанные факты эмоционального переживания были бы перцептивно слабыми (то есть находились бы в «слепой зоне»), ввиду того, что субъективный опыт, генерируемый исключительно при помощи пяти классических модальностей (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), не охватывает особый класс ощущений. Например, чувство повышенного адреналина, джетлаг (сбой циркадных ритмов), тревога рассматривались респондентами как ощущения, связанные с интероцепцией³⁰³. В языке обнаруживается большое количество метафорических описаний интероцептивного опыта («пустота внутри», «сердце, убежавшее в пятки», «режущая боль в животе»), которые не сводятся к привычным системам восприятия. Обладая особым онтологическим статусом, интероцепция стала также объектом исследования в разных парадигмальных контекстах, в том числе в фокусе социального взаимодействия. Интероцепция в прикладных исследованиях начала фигурировать как объект с социально значимыми характеристиками. Эмпирические данные в области телесно-ориентированного подхода указывают на ключевую роль телесных процессов в познавательных аспектах. С конца 1980-х годов в процессе междисциплинарных исследований становилось все яснее, что этиологический механизм интероцепции требует более широкого рассмотрения, в рамках которого имеет место что-то помимо функционирования рецепторов

³⁰³ Connell, L.; Lynott, D.; Banks, B. Interoception: the forgotten modality in perceptual grounding of abstract and concrete concepts // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, 2018. № 1752, vol. 373. P. 4.

определенного класса, а затем восприятие стимулов, исходящих от них. Последние исследования в области когнитивных и клинических нейронаук указывают на интегральную (связующую) роль interoцепции в эмоциональном опыте, принятии решений, саморегуляции и т.д.³⁰⁴. Данный процесс способствовал рассмотрению внутрителесных ощущений в междисциплинарном формате. Растущий интерес к interoцепции также обусловлен влиянием данных процессов на физическую и ментальную активность.

3.1.1. Интероцепция и переживание эмоций

Особый интерес вызывает взаимосвязь interoцептивной активности и эмоционального опыта. В конце XIX века У. Джеймс и К. Ланге независимо друг от друга разработали теорию эмоционального познания. Данная теория основывается на том, что эмоции возникают вследствие осознания человеком органических изменений. Эмоции здесь не рассматриваются исключительно как ментальные репрезентации. Скорее подчеркивается первичная роль телесных процессов над ментальными, так как эмоции возникают после обработки мозгом физиологической активности³⁰⁵. Примером более современных теорий в области нейробиологии является гипотеза соматического маркера А. Дамасио³⁰⁶, которая указывает на висцеросенсорное³⁰⁷ происхождение эмоций. Современная когнитивистика рассматривает познавательную деятельность через призму прогностических моделей (Predictive processing/Predictive coding)³⁰⁸ и гипотезы «контролируемой галлюцинации» (controlled hallucination)³⁰⁹. В рамках этих

³⁰⁴ Khalsa, S.S.; Adolphs, R.; Cameron, O.G.; Critchley, Hugo D. et al. Interoception and Mental Health: A Roadmap // *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 2018. № 6, vol. 3. Pp. 501–513.

³⁰⁵ James, W. The physical basis of emotion // *Psychological Review*, 1904. № 2, vol. 101. Pp. 205–210.

³⁰⁶ Damasio, A.R. *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon Books, 1994; Bechara, A.; Damasio, A.R. The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision // *Games and Economic Behavior*, 2005. № 2, vol. 52. Pp. 336–372; Carvalho, G.B.; Damasio, A. Interoception and the origin of feelings: A new synthesis // *BioEssays*, 2021. № 6, vol. 43. P. 12.

³⁰⁷ Висцеральные (лат. viscera – внутренности) ощущения связаны с внутренними органами. В рамках данной работы мы рассматриваем понятие «висцеральные ощущения» как видовое относительно interoцепции.

³⁰⁸ Clark, A. *Surfing uncertainty*: Oxford University Press, 2016; Hohwy J. *The Predictive Mind*: Oxford University Press, 2014.

³⁰⁹ Seth, A. *Being You*. London: Faber & Faber, Limited, 2021.

моделей мозг непрерывно генерирует гипотезы (выводы и убеждения) относительно внешних объектов. При этом восприятие определяется предсказательными моделями и интерпретациями сенсорных сигналов. Субъект имеет прямой доступ к собственным «бессознательным гипотезам» о физическом событии (в случае интероцепции – внутрителесное физиологическое событие), но не к самим сенсорным сигналам. В этом случае эмоциональное переживание определяется выводами (inference), сделанными на основе телесных ощущений, которые получены в результате прошлого опыта³¹⁰. Прогностическое кодирование обычно реализуется с помощью функциональных архитектур, в которых нисходящие сигналы (сверху-вниз) передают прогнозы, а восходящие сигналы (снизу-вверх) передают ошибки в предсказании (predictive error)³¹¹. Наконец, одной из современных теорий, рассматривающих влияние телесных событий на эмоции, является «теория конструирования эмоций» (theory of constructed emotion), сформулированная Л.Ф. Барретт в работе «Как рождаются эмоции» (How Emotions are Made: The Secret Life of the Brain, 2018)³¹². В контексте данной теории эмоции – понятия, сгенерированные в процессе активного конструирования внешних стимулов, исходящих из окружающей среды, и внутренних стимулов, физиологических изменений, основанных на прошлом опыте. Анализируя входные стимулы и прошлый опыт, мозг конструирует / присваивает значения, основанные, в том числе, на аффектах (репрезентация постоянно меняющихся внутрителесных изменений, исходящих от гладких мышц, скелетно-мышечной ткани, периферической нервной системы и нейрохимической/гормональной системы)³¹³. Также аффект часто обозначается как «гомеостатический барометр» (homeostatic barometer), с помощью которого организм способен идентифицировать, опасны ли какие-либо объекты

³¹⁰ Hübner, A.M.; Trempler, I.; Gietmann, C.; Schubotz, Ricarda I.; Grynberg, Delphine. Interoceptive sensibility predicts the ability to infer others' emotional states // PLOS ONE, 2021. № 10, vol. 16. Pp. 1–20.

³¹¹ Seth, A.K. Interoceptive inference, emotion, and the embodied self // Trends in Cognitive Sciences, 2013. № 11, vol. 17. Pp. 565–573; Seth, A. Being You. London: Faber & Faber, Limited, 2021.

³¹² Барретт Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.

³¹³ Там же. С. 33.

окружающей среды или нет и как можно их избежать. В связи с этим аффект представляет собой комбинацию интероцептивной информации, в которой *укоренены* значения внешних объектов и эмоционального переживания³¹⁴.

Рассматривая роль интероцепции в эмоциональном опыте более предметно, следует упомянуть работу Э. Арнольда и др.³¹⁵, в которой предлагаются две гипотезы, связывающие телесные механизмы (интероцептивный, экстероцептивный) с социальным взаимодействием. Остановимся подробнее на каждой из них.

1. *Гипотеза улучшенного эмоционального распознавания* (Enhanced emotional discernment hypothesis) заключается в том, что умение более четко отслеживать, чувствовать собственные телесные сигналы приводит к более богатому эмоциональному опыту. В свою очередь, более осознанный эмоциональный опыт посредством восприятия внутрителесных процессов может способствовать эмпатии и лучшему пониманию эмоций других³¹⁶. Эмпатия здесь выступает как особо значимый процесс, с помощью которого существует возможность разделения собственного эмоционального опыта с другими участниками социального взаимодействия. В ходе исследования³¹⁷, рассматривающего связь интероцептивной чувствительности³¹⁸ и эмоциональной реакции на изображение людей, испытывающих боль, удалось выявить корреляцию между интероцептивной чувствительностью и более высокими оценками интенсивности боли (когнитивная эмпатия) и более высоким уровнем сострадания (аффективная эмпатия). Каузальная связь ментальной и телесной активности становится более явной при рассмотрении примеров атипичной

³¹⁴ Lindquist, K.A.; MacCormack, J.K.; Shablack, H. The role of language in emotion: predictions from psychological constructionism // *Frontiers in Psychology*, vol. 6. 2015. P. 2.

³¹⁵ Arnold, A.J.; Winkielman, P.; Dobkins, K. Interoception and Social Connection // *Frontiers in Psychology*, vol. 10. 2019.

³¹⁶ Grynberg, D.; Pollatos, O. Perceiving one's body shapes empathy // *Physiology & Behavior*, 2015, vol. 140. Pp. 54–60.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Interoceptive sensibility – склонность человека субъективно воспринимать, оценивать и использовать собственные физиологические сигналы, измеряемые с помощью различных опросников. Этот перцептивный механизм является важным для понимания роли интероцепции в социальном разрезе – Arnold, A.J.; Winkielman, P.; Dobkins, K. Interoception and Social Connection // *Frontiers in Psychology*, vol. 10. 2019. P. 2.

интероцепции³¹⁹. Один из самых показательных примеров в этой связи – исследование, демонстрирующее взаимосвязь интероцептивной дисрегуляции и алекситимии (трудности с идентификацией собственных эмоций и ощущений). Алекситимия является распространенным признаком психологических расстройств, таких как состояния аутистического спектра, при которых характерны сложное социальное поведение, отсутствие или трудности в процессе социального контакта³²⁰. Касательно связи между пониманием собственных эмоций и эмоций других людей, метаанализ (meta-analysis – сбор и анализ результатов нескольких рандомизированных научных исследований) продемонстрировал, что при алекситимии наблюдаются низкие показатели интероцептивной точности, что приводит к трудностям при распознавании эмоций у других и, как результат, сложному социальному поведению и взаимодействию³²¹.

2. *Гипотеза аттенционного переключения* (Attentional switching hypothesis)³²². Основным принципом данной гипотезы является гибкое переключение между экстероцептивными и интероцептивными стимулами. Например, если внимание человека обращено исключительно на внешние события (социальные события), то это может привести к снижению интероцептивной точности. Ввиду того, что интероцептивные процессы связаны с восприятием эмоций и пониманием эмоций другого, снижение интероцептивной точности может повлиять на качество социального контакта, так как субъект может не понять намерения и эмоциональное состояние адресата (внешние стимулы), помимо прочего, восприятие собственных эмоций также будет искажено (внутренние стимулы).

³¹⁹ Восприятие интероцептивной активности при различных болезненных состояниях: ожирение, тревога и депрессия – Barrett, L.F.; Simmons, W.K. Interoceptive predictions in the brain // Nature Reviews Neuroscience, 2015. № 7, vol. 16. Pp. 419–429.

³²⁰ Shah, P.; Hall, R.; Catmur, C.; Bird, Geoffrey. Alexithymia, not autism, is associated with impaired interoception // Cortex, 2016. № 1, vol. 81. Pp. 215–220.

³²¹ Grynberg, D.; Chang, B.; Corneille, O.; Maurage, Pierre; Vermeulen, Nicolas; Berthoz, Sylvie; Luminet, Olivier; Fontenelle, Leonardo. Alexithymia and the Processing of Emotional Facial Expressions (EFEs): Systematic Review, Unanswered Questions and Further Perspectives // PLoS ONE, № 8, vol. 7. 2012.

³²² Arnold, A.J.; Winkielman, P.; Dobkins, K. Interoception and Social Connection // Frontiers in Psychology, vol. 10. 2019. P. 3.

Индивидуальные характеристики восприятия интероцептивной активности могут отражаться в социальном познании³²³. Чувствительность к интероцептивным изменениям (то есть интероцептивная точность) связана со способностью делать выводы о ментальных состояниях другого. В одном из исследований³²⁴ 72 респондентам был продемонстрирован 15-минутный фрагмент фильма, который содержал диалог (факты социального взаимодействия), разделенный на короткие клипы. Для понимания истории данных видеофрагментов необходим точный отчет о собственных ментальных процессах (сознание доступа). Также после просмотра каждого клипа им был предложен опросник с возможными вариантами выбора, требующий от них сделать вывод о психическом состоянии одного из персонажей. В результате была выявлена корреляция между интероцептивной точностью (умением четко отслеживать собственные внутрителесные сигналы) и лучшим пониманием ментальных состояний другого. В процессе социального взаимодействия социально-эмоциональная компетентность играет важную роль. Для человека значимо осознавать, что адресат способен разделить его эмоциональное состояние, чувства, встать на его место и предоставить релевантный отклик. Интероцептивные сигналы оказывают влияние на социальное познание, в особенности когда речь идет о способности смены перспективы (посмотреть на что-то чужими глазами) и эмпатии³²⁵, что свидетельствует о корреляции этих процессов с интероцепцией. В обратном случае отклоняющаяся от нормы интероцептивная чувствительность у молодых людей (19-21 лет) связывается с развитием психоза³²⁶. Также интероцептивные процессы связаны с руминацией³²⁷,

³²³ Hübner, A.M.; Trempler, I.; Gietmann, C.; Schubotz, Ricarda I.; Grynberg, Delphine. Interoceptive sensibility predicts the ability to infer others' emotional states // PLOS ONE, 2021. № 10, vol. 16. P. 2.

³²⁴ Shah, P.; Catmur, C.; Bird, G. From heart to mind: Linking interoception, emotion, and theory of mind // Cortex, 2017. № 5, vol. 93. Pp. 220–223.

³²⁵ Heydrich, L.; Walker, F.; Blättler, L.; Herbelin, Bruno; Blanke, Olaf; Aspell, Jane Elizabeth. Interoception and Empathy Impact Perspective Taking // Frontiers in Psychology, vol. 11. 2021.

³²⁶ Barbato, M.; Arora, T.; Al Hemeiri, S.; AlJassmi, Maryam A. Looking within: Interoceptive sensibility in young adults with psychotic-like experiences // Early Intervention in Psychiatry, 2021. № 6, vol. 15. Pp. 1705–1712.

³²⁷ Руминация – непрерывное прокручивание в голове одних и тех же тревожных или депрессивных мыслей или воспоминаний. Schlinkert, C.; Herbert, B.M.; Baumann, N.; Koole, Sander L. Preoccupied with the body: mild stress amplifies the relation between rumination and interoception // Cognition and Emotion, 2020. № 7, vol. 34. Pp. 1382–1394.

что указывает на роль interoцепции в ментальной активности. Текущие результаты указывают на то, что interoцепция способствует точному представлению и пониманию ментальных состояний в ситуациях, когда данный процесс зависит от эмоциональной или иной interoцептивной информации³²⁸.

Исследования interoцепции среди норвежского населения указывают на то, что существует разница в interoцептивной осознанности у мужчин и женщин³²⁹. В частности, женщины обычно имеют более высокие значения, связанные с interoцептивной и эмоциональной осознанностью, в то время как у мужчин наблюдаются низкие показатели беспокойства и более высокие значения доверия к своим телесным ощущениям. Выявлены также гендерные различия в interoцептивной точности. Предполагается, что эти различия могут быть связаны с повышенным риском развития психопатологии у женщин, особенно в переходные периоды, связанные с крупными физиологическими изменениями, такими как подростковый возраст, беременность или менопауза³³⁰. Тенденция у женщин проявлять более высокое внимание к interoцепции при более низкой interoцептивной точности может привести к сниженной адаптивной саморегуляции и увеличенному риску психологического стресса, что вызвано большим количеством ошибок в предсказании interoцепции, особенно в периоды выраженных физиологических изменений. В одном из отечественных исследований также выявлено, что пол и жировая масса тела оказывают значительное влияние на показатели interoцептивной чувствительности, связанные с восприятием сердечных ритмов³³¹.

На основании этого можно заключить, что восприятие interoцепции определяется социально значимыми факторами. Перцепция внутрителесных

³²⁸ Shah, P.; Catmur, C.; Bird, G. From heart to mind: Linking interoception, emotion, and theory of mind // *Cortex*, 2017. № 5, vol. 93. P. 3.

³²⁹ Fiskum, C.; Eik-Nes, T.T.; Abdollahpour Ranjbar, H.; Andersen, Jannicke; Habibi Asgarabad, Mojtaba. Interoceptive awareness in a Norwegian population: psychometric properties of the Multidimensional Assessment of Interoceptive Awareness (MAIA) 2 // *BMC Psychiatry*, № 1, vol. 23. 2023.

³³⁰ Там же. P. 2.

³³¹ Миненко И.А., Германова К.Н., Лимонова А.С., Сукманова А.А., Иашвили Н., Никулин В.В., Куценко В.А., Егоренкова Е.Е., Назарова М.А., Ершова А.И., Драпкина О.М. Сравнение методов субъективной оценки interoцепции сердца // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 22(10). 2023.

ощущений у мужчин и женщин обладает собственной спецификой. Более того, понимание этих различий имеет значение для персонализированного подхода к оценке и лечению психических расстройств. Интероцепция также оказывает влияние на сам процесс социального взаимодействия. Люди с более высоким уровнем интероцептивной точности менее подвержены внешним влияниям при принятии решений, опираясь больше на собственные ощущения³³². Также эти результаты относятся к коллективному принятию решений, так как участники оказывались более точными в своих суждениях о лицах людей, которым можно доверять. Более того, результаты указывают на то, что динамическая и интерактивная социальная среда может оказывать более сильное влияние на процессы принятия решений, особенно у людей с высокой интероцептивной точностью³³³. Это подчеркивает важность учета социальной динамики при изучении влияния интероцепции на принятие решений. Следовательно, понимание того, как внутренние сигналы влияют на социальное взаимодействие, может способствовать лучшему пониманию механизмов принятия решений в социальных контекстах.

Несмотря на большое количество эмпирических данных, указывающих на ключевую роль интероцептивной активности в эмоциональном опыте и прочих высокоуровневых психических процессах, вопрос о первичности телесного над ментальным не разрешен. Интероцепция является «пограничным» феноменом, функционирующим на грани организменного и ментального уровней. По этой причине сложно рассматривать интероцепцию исключительно с позиции физиологии, так как интероцептивная активность выходит за рамки сугубо организменных процессов. В то же время, исследуя интероцептивные ощущения, можно говорить о влиянии интероцепции на ментальные факты из области

³³² Mohr, M. von; Finotti, G.; Esposito, G.; Bahrami, Bahador; Tsakiris, Manos. Social interoception: Perceiving events during cardiac afferent activity makes people more suggestible to other people's influence // *Cognition*, № 19, vol. 238. 2023.

³³³ Интероцептивная точность (Interoceptive accuracy) – способность человека четко отслеживать внутрителесные сигналы. Самым распространенным тестом, измеряющим интероцептивную точность, является способность человека отслеживать собственное сердцебиение (heartbeats counting), путем подсчета ударов сердца в течение различных временных отрезков; также проводится анализ возможности синхронизации сердцебиения с каким-либо внешним сигналом (heartbeats discrimination); Там же.

феноменального сознания. Мы считаем, что вопрос о том, каково испытывать «чувство голода», «чувство выпрыгивающего сердца из груди», «чувство наплывающего жара от гнева» и т.д. (Т. Нагель), может быть применим и к interoцептивным ощущениям.

Как можно было заметить, вопрос о значимости внутрителесных механизмов возник давно. Тем временем в процессе «когнитивной революции» и с развитием новых телесно-ориентированных подходов, связанных с «воплощенным познанием», появилось большое количество эмпирических данных, указывающих на социальное измерение interoцепции. Гипотезы «улучшенного эмоционального распознавания» и «аттенционного переключения»³³⁴ эксплицируют взаимосвязь interoцепции с эмоциональным переживанием. Высокие показатели, связанные с восприятием interoцепции (interoцептивная точность, interoцептивная осведомленность³³⁵, interoцептивная чувствительность), коррелируют со способностью агента понимать и соотносить собственные психические переживания с переживаниями другого человека. Процесс восприятия interoцепции способствует высокому уровню социальной коммуникации. При этом interoцепция потенциально может быть задействована в механизмах прогнозирования эмоционального отклика и поведения других людей.

Тот факт, что interoцепция представляет собой особую приватную область субъективного опыта, вызывает некоторые затруднения. Переживания, связанные с interoцептивным опытом, отсылают к внутрителесному пространству, однако вопрос, является interoцепция телесным событием или ментальным фактом, представляется актуальным. Говоря об экстероцептивном уровне восприятия,

³³⁴ Arnold, A.J.; Winkielman, P.; Dobkins, K. Interoception and Social Connection // *Frontiers in Psychology*, vol. 10. 2019.

³³⁵ Интероцептивная осведомленность/осознание (Interoceptive awareness) – метакогнитивный конструкт (Gianaros, P.J.; Quadt, L.; Critchley, H.D.; Garfinkel, Sarah N. The neurobiology of interoception in health and disease // *Annals of the New York Academy of Sciences*, № 1, vol. 1428. 2018. Pp. 112–128). Измеряется при помощи опроса людей для оценивания их уверенности в собственных догадках относительно подсчета сердцебиения (heartbeat counting). Далее результаты первого и второго тестов сопоставляются и выявляется корреляция между ними. Высокие показатели корреляции между данными тестами демонстрируют уровень метакогнитивной осведомленности, interoцептивной точности.

субъект может атрибутировать факт собственного визуального опыта к внешнему объекту. Например, человек может разглядывать сакуру, воспринимать ее цвет, аромат цветов и, в целом, рассматривать данное дерево под разными углами. Доступ к качественным характеристикам опыта восприятия сакуры есть у субъекта интроспективно. При этом сложно транслировать все нюансы субъективного феноменального опыта другому. Тем не менее, у человека есть возможность указать на объект данного переживания (на дерево), благодаря чему у другого агента сохраняется публичный доступ к объекту переживания.

С фактами из «интероцептивного мира» не удастся привести аналогичный пример. Привычные механизмы деления субъективного опыта (чаще всего экстероцептивный) с другим участником социального взаимодействия нельзя применить к интероцепции. Адресат не может испытать «дрожь в желудке» или тошноту, которая в настоящий момент представлена в приватном опыте говорящего. Только субъект данного опыта непосредственно воспринимает эти явления. Качественные характеристики переживания боли в желудке значительно отличаются от представлений об этой боли. Понимание языковых конструкций, в которых содержится интероцептивный опыт (боль в желудке, в данном случае), зависит от набора интероцептивных убеждений, содержание которых обусловлено несколькими факторами:

- 1) наличие аналогичного внутрителесного опыта;
- 2) языковые, этнические, культурные аспекты (нахождение в рамках определенных языковых и культурных координат влияет на характер концептуализации интероцептивного опыта³³⁶);
- 3) социальные роли (важно, кто именно является субъектом интероцептивных переживаний и как говорит о собственном опыте, например молодая белая женщина, верующая, с высшим образованием, спортсмен, ребенок и т.д.).

Тем не менее, аналогичное телесное событие интероцептивного свойства

³³⁶ Ma-Kellams, C. Cross-cultural differences in somatic awareness and interoceptive accuracy: a review of the literature and directions for future research // *Frontiers in Psychology*, № e36646, vol. 5. 2014.

может быть репрезентировано в форме разных интероцептивных суждений, «отпечаток» которых фиксируется в языке. Сложность заключается также в том, что имеет место значительная вариабельность индивидуальной чувствительности к внутрителесным сигналам³³⁷. Далее рассмотрим подробнее болевые переживания, потому что боль является одним из самых ярких и понятных индикаторов интероцептивной активности. Однако, прежде чем рассмотреть представление болевого опыта в контексте речевой практики, необходимо раскрыть содержание понятия «социальное значение», поскольку с помощью данного понятия удастся указать на важную роль социальных характеристик в концептуализации приватного опыта.

3.1.2. Социология боли

Социальное значение – это набор выводов, который строится на основании языковой практики и специфики словоупотребления. Процесс получения выводов или извлечения смысла зависит от способов построения языковых конструкций. Например, при использовании человеком разделительного вопроса «не так ли...», «ведь так, да...», «не правда ли...» субъект пытается достичь консенсуса с другими участниками языковой практики или сверить степень «отличности» с другим человеком. При этом смысл высказывания зависит не только от прагматических характеристик предложения, но и от типа личности, социального положения говорящего, ситуации, в которой он находится, исторического периода, характера отношений между собеседниками и факторами, предшествовавшими настоящему диалогу³³⁸. Исходя из этого, значение высказывания сложно воспринимать как нечто стабильное, неизменное. В этом контексте, согласно Ч. Пирсу, Ч. Моррису, Р. Якобсону, значение высказывания

³³⁷ Herbert, B.M.; Pollatos, O. The Body in the Mind: On the Relationship Between Interoception and Embodiment // Topics in Cognitive Science, № 4, vol. 4. 2012. Pp. 692–704.

³³⁸ Hall-Lew, L., Moore, E., Podesva, R.J. Social Meaning and Linguistic Variation: Theoretical Foundations. In: Hall-Lew L., Moore E., Podesva R.J., eds. Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave. Cambridge University Press; 2021. P. 3.

зависит от интерпретационного элемента: интенционал и экстенционал связаны, но точное значение является артефактом интерпретационного процесса³³⁹, опосредованного социальными факторами и «каузальной историей». В работе Р. Гафтера³⁴⁰ приводится пример того, как произнесение фарингиальных согласных в иврите мизрахами (евреями арабского происхождения) может указывать на любое из целого ряда потенциально противоречивых социальных значений (исторический контекст, этническую принадлежность, низкий социально-экономический статус).

Социальное значение, извлекаемое слушателем, каким бы расплывчатым и нестабильным оно ни было, определяется в момент языковой коммуникации, в зависимости от мировоззренческой направленности, релевантной для диалога. Это свидетельствует о том, что языковые конструкции потенциально содержат социальное значение, поскольку идеи и система воззрений образуют связь между формой и типом социального значения (ситуативный контекст, поза говорящего, социальный статус). В лингвистической антропологии этот процесс обозначается как индексикальность.

По своей сути, индексикальность – это ассоциативное явление, в котором форма речевой практики указывает на некоторые измерения конвенционального контекста. Другими словами, в рамках современной лингвистической антропологии, лингвистический, он же социолингвистический, факт неизбежно является индексикальным фактом, с помощью которого можно указать на социально значимые характеристики говорящего³⁴¹.

Мы предполагаем, что идентичные внутрителесные процессы способны вызвать разные субъективные переживания на качественном уровне или разный эмоциональный отклик. Например, аналогичное физическое событие (чувство боли) сопровождается разными типами феноменального опыта. Помимо

³³⁹ Там же. Р. 5.

³⁴⁰ Gafter, R.J. Social Meaning and Linguistic Variation // Social Meaning and Linguistic Variation (ed. Hall-Lew, Lauren; Moore, Emma; Podesva, Robert J.). Cambridge University Press, 2021. Pp. 222–242.

³⁴¹ Silverstein, M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life // Language & Communication, № 3-4, vol. 23. 2003. P. 195.

субъективных характеристик восприятия внутрителесных процессов, переживание болевого опыта обусловлено также разными уровнями болевого порога и даже этнической и культурной принадлежностью. В рамках трехлетнего исследовательского проекта (People in pain 1969)³⁴², призванного проанализировать культурные компоненты в поведении, которое сопровождает болевые состояния, М. Зборовски продемонстрировал, что люди, являющиеся частью определенных этнических и культурных систем, переживают и реагируют на болевой опыт по-разному. В рамках данного исследования проводились интервью с представителями этнических меньшинств в США (евреи, коренные американцы, ирландцы, итальянцы), в процессе которых исследователями была выявлена закономерность: респонденты еврейской национальности концептуализируют болевой опыт более детально, они готовы подробно говорить о боли, переживаниях, страхах, связанных с данным опытом. Также для представителей этой этнической группы характерно использование ярко окрашенных языковых средств при описании болевого опыта: «кататься по полу от боли, жуя ковер», «биться головой о стену», «опускать лицо в кипящую воду», «желание выпрыгнуть в окно от боли»³⁴³. В то же самое время среднестатистические американцы описывали болевой опыт и поведение, связанное с болью, сдержанно, практически не используя ярких языковых конструкций: «я могу переносить боль, как и любой другой человек», «не думаю, что плакал от боли», «боль беспокоит, но не хочется никого тревожить»³⁴⁴. Для респондентов еврейской национальности является нормальным описывать болевой опыт через экстремальные эмоциональные проявления: слезы, стоны, крики, более того, в семьях данной этнической группы принято подробно говорить о боли, боль становится предметом общего переживания и все члены семьи знают о ней³⁴⁵. На основании вышеперечисленных примеров можно сделать вывод, что в некоторых этнических группах наблюдается более низкий порог

³⁴² Zborowski, M. People in pain. San Francisco: Jossey-Bass Inc., Publishers, 1969.

³⁴³ Там же. Р. 99.

³⁴⁴ Там же. Р. 101.

³⁴⁵ Там же. Р. 107.

болевой толерантности. Эти примеры позволяют утверждать, что то, как субъект говорит о приватном внутрителесном опыте, обусловлено социальной привычкой, несмотря на аналогичные телесные события, лежащие в центре данного субъективного опыта. Затем концептуализация внутрителесного опыта, выраженная в культурных нормах определенной этнической группы, влияет на то, как агент *проживает* интероцептивные ощущения (квалитативные качества опыта). В работе Ю. Ченцовой-Даттон и В. Дзокото³⁴⁶ исследовались культурные различия связи восприятия с фактическим физиологическим событием. Например, афроамериканцы чаще жалуются на стенокардию (давящая боль в области грудной клетки) во время упражнений на беговой дорожке, усиление боли после операций и высокий уровень хронической боли при таких заболеваниях, как ВИЧ/СПИД, глаукома, артрит, чем европейские пациенты при прочих равных³⁴⁷. Исходя из этого, сделаем вывод, что пользователь языка, находящийся в рамках культурных и языковых координат, применяет определенные лингвистические выражения неосознанно, как часть *социальной привычки* или *языковой игры*. Таким образом, пользователь языка берет готовые *лингвистические макеты*³⁴⁸, которые влияют на феноменальные качества интероцептивного, эмоционального и болевого опыта. Также данная практика позволяет участникам коммуникативного события оставаться понятыми или указывать на причину эмоционального и болевого переживания, иными словами, говорить, что что-то не в порядке или идет не так.

В разных культурных традициях и социальных группах существует набор «лингвистических макетов/шаблонов», предназначенных для описания боли. Например, в русском языке отсутствует такое разделение, как между английскими словами «rain» и «ache»³⁴⁹ (оба слова эквивалентны понятию «боль»). В то же

³⁴⁶ Chentsova-Dutton, Y.E.; Dzikoto, V. Listen to your heart: The cultural shaping of interoceptive awareness and accuracy // *Emotion*, 2014. № 4, vol. 14. Pp. 666–678.

³⁴⁷ Там же. С. 668.

³⁴⁸ Под лингвистическими макетами/шаблонами мы подразумеваем готовые лингвистические решения (сценарии), прописанные в культурных и социальных нормах.

³⁴⁹ Wierzbicka, A. Is Pain a Human Universal? A Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspective on Pain // *Emotion Review*, 2012. № 3, vol. 4. P. 308.

время такие фразы, как «щемящая боль» и «ноющая боль», не имеют аналогов в английском языке. Проанализированные данные свидетельствуют о том, что различные способы концептуализации боли сохраняются и в случае иммиграции русскоязычных носителей языка в англоязычные страны³⁵⁰. Следовательно, фактор социальной привычки и языковой игры является значимым в контексте субъективного опыта говорящего (опыта в перспективе от первого лица). Указание на социальную привычку является своего рода способом нормативного «закрепления» языковых игр, семантическое наполнение которых является контекстуально зависимым. Это позволяет агенту речи находиться в общей культурно-языковой системе координат. Иначе говоря, специфика болевого или телесного переживания может быть частью языковой игры, к которой нет непосредственного доступа у представителя иной языковой и культурной системы. Считаем, что языковые конструкции, используемые агентом речи, являются частью «конвенциональных или протокольных высказываний», которые задают траектории качественных качеств опыта. Существующий набор описаний извлекается субъектом из культурных словарей (культурный фон), затем, в большинстве случаев, используется неосознанно как часть *социальной привычки* или специфической речевой практики.

В подтверждение последнего соображения приведем цитату из работы М. Бесемерес и А. Вежбицкой «Переводя жизни» (Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures 2008)³⁵¹, в которой содержится рассказ корейской иммигрантки в Австралии:

- (1) «Я помню, мне часто казалось, что я не могу описать свои чувства на английском языке. Изначально я предполагала, что это из-за моего ограниченного знания языка, но позже осознала, что это не во всех случаях было основной причиной. Я не могла найти на английском языке точных выражений, соответствующих моим телесным ощущениям. Симптомы, которые я могла бы описать такими словами, как: *ssulita*, *salalaphuta*, *khokkhok ssusinta or ssahaata* (слова, отсылающие к боли в животе), невозможно передать на английском языке. Первое выражение обычно переводится на английский как «острая или жгучая боль» (*acute or burning pain*). Однако ни одно из них не показалось мне удачным переводом, особенно «жгучая боль», которая

³⁵⁰ Там же. Рр. 307–317.

³⁵¹ Translating lives (eds. Besemeres, Mary; Wierzbicka, Anna). St Lucia, Qld, Hove: University of Queensland Press; Roundhouse. 2008.

ассоциировалась у меня с болью человека, который испытывает нечто похожее на то, когда обжигается. Для меня не было никакой связи между понятием «гореть, жечь, ожог» и болью, которую я испытывала в животе. Однако у корейского выражения *ssulita* не было иного альтернативного перевода на английский, кроме как «жгучая боль». Поэтому мне пришлось использовать это выражение, чувствуя, что я неточно описываю боль, которую испытывала. В корейском языке есть выражение *hwakkunkelita*, которое используется для обозначения чего-то вроде «жгучей боли», но это выражение не используется для обозначения той боли в животе, которую я испытывала. Благодаря этому опыту я узнала, что классификация физической боли также зависит от языка. В разных языках, не во всех случаях, можно найти одну и ту же категорию боли. Некоторые совпадают и, случается, имеют аналоги, но не все. Всякий раз, когда мне приходилось описывать свои симптомы врачу на английском языке, я чувствовала себя неловко, поскольку знала, что эти выражения на английском языке некорректно отражают мои телесные ощущения. В то же время я знала, что это было лучшим компромиссным вариантом между тем, что я хотела сказать, и тем, что я могла сказать. Я чувствовала себя довольно подавленной, поскольку не была уверена, сможет ли врач поставить мне правильный диагноз, опираясь на мои ограниченные описания³⁵².

Данный пример показывает, что культурная и языковая системы накладывают собственные эпистемические ограничения на выражение болевых и interoцептивных ощущений. Примечательно отсутствие в языковом представлении боли метафоры «горения, жжения, ожога», которая выступает одной из наиболее частотных и в детской речи³⁵³. Несовпадение субъективного опыта и языковой репрезентации этого опыта ставит вопрос о подлинности *переживаемого* и *выражаемого* и о взаимном влиянии первого и второго.

Важно подчеркнуть, что специфика опыта в перспективе от первого лица отражается не только в контекстах языковой репрезентации. Азиатское общество принято рассматривать как коллективистское. В данной культуре личность встроена в социальный контекст и является неотъемлемой частью более глобального организма (корпорации, группы, локального коллектива). В отличие от более индивидуалистического западного общества, где ценится личность в отрыве от общества. Эти социально-исторические особенности влияют на ментальные процессы, связанные с восприятием «себя». Например, жители

³⁵² Yoon, K. My experience of living in a different culture: The life of a Korean migrant in Australia // Translating lives (ed. Besemeres, Mary; Wierzbicka, Anna). St Lucia, Qld, Hove. University of Queensland Press; Roundhouse, 2008. P. 119.

³⁵³ Харченко В.К. Внутрителесное в детской речи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена., vol. 189. 2018. С. 128.

Запада более эффективно запоминали слова, которые ассоциировались непосредственно с ними, чем слова, которые касались их близких³⁵⁴, в то время как у респондентов китайской национальности подобного эффекта не наблюдалось³⁵⁵. Данные исследования указывают на разницу в интроспективном восприятии «себя» в разных культурах. Опыт в перспективе от первого лица отчасти «укоренен» в интероцепции, этот вид сенсорного опыта сопровождает субъекта постоянно и оказывает влияние на восприятие и поведение. Дополнительно отметим, что процесс восприятия интероцепции, несмотря на независимость физиологической активности от культурно-социальных факторов, также отличается в некоторых странах. Например, было продемонстрировано, что у японцев более высокий уровень интероцептивной точности, чем у британских респондентов³⁵⁶. Этот факт указывает на разницу в восприятии интероцептивных процессов, выражение которой не ограничивается лингвистическими примерами.

Боль является разновидностью субъективного опыта, который сложно, в случаях хронической или нейропатической боли, идентифицировать, опираясь на невербальные средства выражения. В этой ситуации мы не наблюдаем видимых физических повреждений. Рентген и компьютерная томография иногда также не выявляют явных причин для болевых ощущений. Именно в данном контексте язык выступает как инструмент передачи и описания болевых переживаний, что необходимо для эмоциональной поддержки при социальной коммуникации и оказания должной медицинской помощи. Проблемы в языковой коммуникации и сложность описания болевых переживаний приводят к недопониманию между врачом и пациентом. Разное восприятие боли работниками медицинской сферы и, например, родителями и детьми можно выявить на нейробиологическом уровне, в то время как медсестры занимали промежуточное положение по отношению к

³⁵⁴ Heatherton, T.F.; Wyland, C.L.; Macrae, C.N.; Demos, Kathryn E.; Denny, Bryan T.; Kelley, William M. Medial prefrontal activity differentiates self from close others // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, № 1, vol. 1. 2006. Pp. 18–25.

³⁵⁵ Zhu, Y., Zhang, L. An experimental study on the self-reference effect // *Science in China Series C*, № 2, vol. 45. 2002.

³⁵⁶ Ubukata, S.; Watanabe, K.; Isomura, T. Cultural Differences in Interoceptive Accuracy: Comparison Between Japan and Europe 1 // *Japanese Psychological Research*, № 4, vol. 65. 2023. Pp. 294–309.

другим группам, существенно не отличаясь от них³⁵⁷. Тем самым можно объяснить причину, по которой языковые портреты врача и пациента конфликтуют между собой. Некоторые слова из «болевого вокабуляра», используемые в процессе коммуникации пациента с врачом, могут обладать разными значениями. В исследовании Ч. Бойла было показано, что даже такие распространенные в повседневном обиходе понятия, как «изжога», «желтуха», «учащенное сердцебиение», «бронхит», «метеоризм», понимаются пациентом и врачом по-разному³⁵⁸. В частности, отмечается, что врачи и медсестры склонны полагаться на профессиональный жаргон, что, безусловно, снижает эффективность общения о болезни с пациентами на понятном им языке³⁵⁹.

По причине того, что болевой опыт не во всех случаях коррелирует с фактическим телесным событием, это становится причиной недопонимания в процессе коммуникации врача и пациента. В результате пациент может сомневаться в «легитимности» собственной боли как в чем-то иллюзорном или существующем «только в голове»³⁶⁰.

Картина боли с нейрофизиологической перспективы также сталкивается с проблемной областью. Активация ноцицепторов вызывает болевые ощущения, тем не менее эмпирически подтверждено, что она не во всех случаях вызывает сознательное восприятие боли, значит, болевая реализация может происходить, в большей степени, в области психического. Примером могут служить исследования, в рамках которых проводился анализ отсутствия болевых состояний у солдат, несмотря на тяжелые ранения³⁶¹. Данный вывод также ставит проблему индивидуального феноменального статуса боли.

Радикально физикалистский взгляд на болевой опыт произрастает из

³⁵⁷ Pillai Riddell, R.R.; Craig, K.D. Judgments of Infant Pain: The Impact of Caregiver Identity and Infant Age // *Journal of Pediatric Psychology*, № 5, vol. 32. 2006. Pp. 501–511.

³⁵⁸ Boyle, C.M. Difference Between Patients' and Doctors' Interpretation of Some Common Medical Terms // *BMJ*, № 5704, vol. 2.1970. P. 287.

³⁵⁹ Danggott, L.; Thornton, B.C.; Page, P. Communication and Pain // *Journal of Communication*, № 1, vol. 28. 1978. Pp. 30–35.

³⁶⁰ Duncan, G. The Meanings of 'Pain' in Historical, Social, and Political Context // *The Monist*, № 4, vol. 100. 2017. P. 7.

³⁶¹ Head, H. and Holmes, G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 34. 1911. Pp. 102–254; Melzack, R.; Wall, P.D. Pain Mechanisms: A New Theory // *Science*, № 3699, vol. 150.1965. Pp. 971–979.

бихевиоризма, в котором у таких физических событий, как боль, отсутствует ментальное измерение или психические факторы, которые, в действительности, могут влиять на лечение людей, страдающих от хронической боли³⁶².

Более того, вербальное выражение боли может быть по-разному истолковано. Это может вызвать сомнения в сознании слушателя относительно того, преувеличено это или преуменьшено по психологическим, культурным или экономическим причинам. Врач может задаться вопросом, могут ли социальные нормы (например, те, в рамках которых не приветствуются жалобы на боль) или внешние институциональные факторы (например, оплата труда работников) «искажать» сообщения пациентов о боли, вызывая, например, умолчание о важных симптомах или, наоборот, их преувеличение³⁶³.

Интероцепция напрямую связана с осознанием себя ввиду того, что характерные для данного класса переживания разворачиваются непосредственно внутри тела. Тот факт, что внутрителесные события невозможны вне субъекта, который их переживает, указывает на то, что interoцепция является важным компонентом субъектности: субъекту сложно дистанцироваться, не фокусироваться на внутреннем дискомфорте, чувстве боли, тогда как от экстероцептивных стимулов человеку несложно изолироваться. Рациональный агент понимает, что факты окружающей действительности не являются частью его самого (хотя они и могут быть производны от акта восприятия, как, например, в конструктивизме).

Ввиду того, что interoцепция является неотъемлемой частью функционирования человека как биологического организма, данный класс процессов предоставляет субъекту особый доличностный (pre-personal) опыт воплощенности³⁶⁴. Зафиксировано, что младенцы в возрасте до двух лет

³⁶² Hadjistavropoulos, H.; Shymkiw, J. Predicting Readiness to Self-manage Pain // The Clinical Journal of Pain, № 3, vol. 23. 2007. Pp. 259–266; Tang, Y.-Y.; Ma, Y.; Wang, J. et al. Short-term meditation training improves attention and self-regulation // Proceedings of the National Academy of Sciences, № 43, vol. 104 2007. Pp. 17152–17156.

³⁶³ Duncan, G. The Meanings of 'Pain' in Historical, Social, and Political Context // The Monist, № 4, vol. 100. 2017. P. 13.

³⁶⁴ Leder, D. Inside insights: A phenomenology of interoception', in Manos Tsakiris, and Helena De Preester (eds), The Interoceptive Mind: From Homeostasis to Awareness Oxford, 2018. P. 310.

восприимчивы к собственным interoцептивным ощущениям³⁶⁵. Благодаря новым эмпирическим данным мы можем увидеть, что чувствительность к собственным внутрителесным ощущениям доступна и до появления сознательности у субъекта (в возрасте восьми месяцев)³⁶⁶. Большая часть interoцептивной активности: кровообращение, дыхание, сердцебиение и т.д. – функционирует автономно, независимо от акта осознания данных процессов. Между тем, ввиду своей специфической локализации и многоаспектного содержания, interoцептивный опыт невообразим вне субъекта данного опыта, в отличие от экстероцептивного опыта, причина которого лежит в фактах окружающей действительности. При помощи interoцепции человек способен разграничивать себя как субъекта и окружающую действительность. Осознание собственных границ как от внешнего мира, так и от других агентов является важным в контексте социальных связей.

Между interoцепцией, болевым переживанием и формами ее выражения существует «онтологический разрыв». В тех случаях, когда человек говорит, что при мигрени, смотря на свет, он испытывает, как «сотни иголок пронзают глазные яблоки» или как «режет глаза», реципиент не переживает в тех же красках подобные болевые ощущения. Однако при помощи языка слушатель способен стать сопричастным или достичь «эффекта сопричастности» с опытом говорящего и соотнести собственный болевой опыт с прошлыми болевыми переживаниями (ментальным содержанием), что позволяет сохранить коммуникативную связь.

Иная точка зрения на данный процесс предложена Л. Витгенштейном. Ее суть сводится к тому, что такие высказывания, как «это больно», не относятся к психическим состояниям; они также не являются утверждениями об интроспективном знании. Сказать «я знаю, что мне больно» имеет не больше смысла, чем сказать «мне больно»; точно так же, как нет смысла говорить «я сомневаюсь, что я испытываю чувство боли». Знание и сомнение (от первого лица) является не совсем корректным по отношению к предикату, выражающему

³⁶⁵ Tünte, M.R.; Höhl, S.; Wunderwald, M.; Bullinger, Johannes; Boyadziheva, Asena; Maister, Lara; Elsner, Birgit; Tsakiris, Manos; Kayhan, Ezgi. Respiratory and Cardiac Interoceptive Sensitivity in the First Two Years of Life. *Life* 12: RP91579. 2023.

³⁶⁶ Там же.

причинение боли³⁶⁷. Субъект может сомневаться только в боли других людей, по той причине, что коммуниканты не могут напрямую разделить ее; разумеется, это применимо и к интероцептивным ощущениям. Вербальное выражение боли усиливают невербальные выражения, такие как плач, стоны, выражения лица, позы тела. Утверждение «мне больно» не является отсылкой к психическому состоянию, но это сообщение или выражение самой боли, которое «сохраняет отпечаток» того, кто говорит и как он это делает.

В работе В.К. Харченко «Внутрителесное в детской речи» описана специфика детской концептуализации интероцептивного опыта. Приведем несколько примеров, которые преимущественно являются вопросительными конструкциями:

- (2) «а кто помогает мышцам двигаться?», «ну почему мои глаза хотят спать?», «Что-нибудь болит? – Болит усталость, больше ничего!», «Баб, у меня ноги устали, а сам я не устал. Потому что я ногами хожу, а телом только передвигаюсь», «нога сейчас будет прыгать», «Мама, можно голову снять?», «а голова сама разговаривает?», «Баба, мандарин, который я сейчас ел, он уже в пальцах на ноге?», «Уж бо́льная дверь! Больно открывается», «Все! А то я уже лопну от этого, от водички!», «У меня сейчас ухо икнуло. А может быть, чтобы ухо икало?», «Баб, а почему у меня уши сначала закладывает, а потом откладывает?», «Ой, у меня сердце икает!»³⁶⁸.

Большинство представленных примеров связано с обособленностью интероцептивных процессов, которые протекают как бы сами по себе, автономно, независимо от субъекта. Также в детской речи интероцепция фигурирует в контексте «боли, болезни», которые сопровождаются эмпатией, распространяющейся на неодушевленные предметы: «А коробке не больно?», «Уж бо́льная дверь! Больно открывается»³⁶⁹. Помимо прочего, в детской речевой практике интероцептивные ощущения приобретают характер контейнер-локативных конструкций: «Все! А то я уже лопну от этого, от водички!», «Я уже целый живот напил»³⁷⁰. В работе С. Пинкера «Субстанция мышления»³⁷¹ также

³⁶⁷ Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018.

³⁶⁸ Харченко В.К. Внутрителесное в детской речи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, vol. 189. 2018, С. 126–130.

³⁶⁹ Там же. С. 128.

³⁷⁰ Там же. С. 128; Харченко В.К. Лингвосенсорика. М.: Либроком, 2012. С. 142–143.

³⁷¹ Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу / Пер с англ. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 560 с.

отводится место рассмотрению парадоксальности детской речи, где можно найти пример контейнер-локативной конструкции: «Послушай, мам, я собираюсь налить его водой, мой животик» (Look, Mom, I'm gonna pour it with water, my belly)³⁷². Также встречаются описания, указывающие на «межсенсорное слияние»: «Я нанесу вам *громкий удар*», «*Запах крови растекся*», «*Громко болит ухо*», «*Дави громче на мел*»³⁷³. Детская речь наполнена соматизмами и экспрессивной лексикой, связанной с interoцепцией. Характер концептуализации interoцепции в детской речи обусловлен взаимодействием с окружающей действительностью, где внутрителесные ощущения, переживаемые субъектом (ребенком), накладываются на находящиеся рядом объекты.

Интероцепция является универсальной характеристикой, данные процессы протекают у каждого человека. Тем не менее, на приватные, внутрителесные события накладываются языковые описания, обусловленные определенной лингвистической и культурной системой. В данном контексте важным является вопрос о том, на что указывают языковые описания interoцептивных суждений, на телесное объективное событие или на факт социальной привычки, обусловленной «языковыми играми» определенной культуры и исторической эпохи, в рамках которой говорят об этом опыте. Например, в гомеровских эпосах существовало несколько понятий, которые отсылали к болевым переживаниям. Слово *oduné* использовалось для обозначения острой стреляющей боли, которая в целом хорошо локализована. Такие понятия, как *oxus* и *pikros*, выражали острую, «заостренную», режущую и кусающую боль, отсылая к инструменту, который нанес рану или ужалил, такому как копье или стрела³⁷⁴. В целом, чувство боли было связано с ранениями, физической изнеможенностью, страданиями, мукой и усталостью. Слово *algos* в противоположность слову *oduné* отсылает к общему страданию всего тела, которое растянуто во времени. При использовании *algos* человек подразумевает боль другого агента или говорит о ней в прошедшем

³⁷² Там же. С. 53.

³⁷³ Харченко В.К. Лингвосенсорика. М.: Либроком, 2012. С. 142–143.

³⁷⁴ Rey, R. The History of pain. Cambridge: Harvard University Press, 1995. P. 12.

времени³⁷⁵.

Подводя предварительные итоги, классифицируем механизмы переноса интероцептивного опыта в систему социальных значений:

1. *Соответствие ситуативному контексту* – то, когда человек говорит о собственном внутрителесном опыте (исторический фон). Где и в какой ситуации он об этом говорит (в разговоре с друзьями, описывая симптомы врачу, рассказывая о приватном опыте по переписке с анонимным пользователем, расписывая внутрителесные переживания в дневнике, который никто и никогда не прочитает), какие метафоры использует? Как можно было увидеть, в контексте коммуникации врача и пациента наблюдается несовпадение «нарративных миров», что сказывается на процессе лечения пациента.

2. *Эмоциональная и метафорическая насыщенность описаний*. В эмоциональных и метафорических описаниях внутрителесных ощущений прослеживается личное отношение говорящего к интероцептивному событию. Функциональные описания по типу «боль – это результат активации ноцицептивных волокон» не содержат субъективных характеристик этой боли. При помощи использования метафорической лексики человек способен вовлечь адресата не столько в нюансы физиологических процессов, происходящих внутри, сколько в феноменальные качества этой боли. Характер концептуализации феноменальных/квалитативных качеств интероцептивного опыта обусловлен культурными, социальными и языковыми факторами, которые оказывают влияние на агентов речи. Тем не менее прагматическая ценность применения метафорических выражений заключается в том, что говорящий стремится емко и красочно описать собственные переживания, чтобы достичь эффекта «шокирования» адресата, дать понять слушателю, что боль, которую он испытывает, отличается от повседневной/нормальной боли. Эмоциональные и метафорические языковые средства содержат призыв немедленно обратить на себя внимание с целью выжить или помочь человеку. Данный механизм

³⁷⁵ Там же. Р. 13.

реализуется в контексте коммуникативного акта с другим участником этого процесса. Эмоциональная и метафорическая модель описания в большей степени обращена к другому агенту. Наедине с самим собой субъекту нет необходимости прибегать к детализации феноменальной стороны собственного опыта (если только он не преследует исследовательские цели). При этом во время коммуникации с врачом особую важность имеет фактология процесса и здесь не приветствуется метафорический тип описания.

3. *Присвоение маркеров социальной группы:* этническая, расовая, возрастная и прочие принадлежности, отражающие определенную социальную стратификацию. Здесь были выявлены различия в восприятии интероцепции в перспективе от первого лица, обусловленные социокультурными факторами. Различия были зафиксированы как на языковом, так и на эмпирическом уровне.

Итак, исходя из вышеизложенного, есть основание утверждать, что интероцепция может быть рассмотрена на разных онтологических уровнях. Попадая в различные парадигмальные контексты, понятие «интероцепция» неизбежно расширяет свой объем, размывает содержание и приобретает дополнительные семантические уровни. На начальном этапе интероцепция рассматривалась исключительно с точки зрения нейрофизиологии³⁷⁶. Физиология интероцептивных процессов не сводилась к ментальной активности и была «замкнута» во внутрителесных границах. В дальнейшем, после «когнитивного поворота» и последующего «антропологического поворота», или «поворота к телу», связанного с разработкой телесно-ориентированных теорий, понятие интероцепции стало вовлекаться в различные исследовательские программы, обрстая дополнительными смыслами. Благодаря последующему развитию науки появились работы, указывающие на роль внутрителесных процессов в ментальной активности. Сегодня взаимосвязь интероцепции с эмоциональным переживанием, эмпатией и пониманием психических состояний другого является одной из магистральных тем научного дискурса.

³⁷⁶ Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Л.: Наука, 1969; Черниговский В.Н. Интероцепция. Л.: Наука, 1985.

Нами исследовалось и влияние языковой репрезентации на переживание внутрителесных ощущений. По всей видимости, характер лингвистического представления interoцепции обусловлен *социальной привычкой* и *языковой игрой*. Также формы языкового представления interoцепции содержат социальные значения: кто говорит? в каких контекстах? кому человек сообщает о внутрителесных переживаниях? Социально-культурные аспекты накладывают эпистемические параметры на восприятие внутрителесных процессов, что сказывается на interoцептивных суждениях (содержание которых выражает убеждения по поводу внутрителесной активности) и способах ее языкового представления. Указывая на социально-игровой или конвенциональный характер речевой практики, мы утверждаем, что способы представлений interoцептивных суждений обусловлены контекстами языковой игры, правила которой часто нарушаются. Примером таких нарушений или аномалий являются метафоры, которые призваны расширить семантическое поле, «разорвать» повседневный набор описаний, указать на экстраординарность телесных переживаний. Тем не менее, несмотря на аномалии, конструирование метафор не является производным процессом, поскольку их концептуальную основу составляют сенсомоторное взаимодействие со средой, аналогичность физических характеристик и событий, происходящих на нейрофизиологическом уровне. Несмотря на универсальность физических событий, наблюдаются культурно-языковые особенности. Таким образом, имеет место рекурсивная конструктивистская петля, в рамках которой агент создает элементы общей социально-культурной модели, затем эта модель «обрастает» языковыми играми, становясь шаблонами, которые накладывают отпечаток на способы языкового представления телесного опыта. В подобной языковой модели критическую значимость приобретают намерение, действие и социальный статус того, кто является участником языковой игры. Вследствие чего мы наблюдаем сложную сеть взаимодополняющих и накладывающихся друг на друга языковых игр, обогащенных различными внеязыковыми контекстами и телесными диспозициями. Тем не менее, как было продемонстрировано, след культурного

различия в восприятии интероцепции в перспективе от первого лица прослеживается не только на языковом, но и на эмпирическом уровне.

В рамках философии сознания определяющим вопросом по отношению к интероцепции является не «что происходит?», а «как это происходит?» и связаны ли формы языкового представления с качественными характеристиками, данными в интроспективном опыте. Опираясь на вышеприведенные примеры, можно увидеть, что интероцепция обладает социальным измерением, которое отражено в языковой практике различных этнических, расовых, возрастных, профессиональных и прочих социальных групп, переживающих аналогичное внутрителесное событие по-разному, что указывает на фактор влияния *социальной привычки* и *языковой игры* не только в контекстах словоупотребления, но и в эмпирических исследованиях.

3.2. Приватность, публичность и цифровой профиль интероцепции

Понятие «интероцепция» прошло несколько этапов развития, встраивая свое значение в контексты различных исследовательских программ. В данном разделе внутрителесные ощущения фигурируют в рамках споров об интроспекции. Подобный угол обзора позволит нам рассмотреть телесность в перспективе от первого лица, поскольку мы считаем, что при помощи интроспективного анализа человек получает доступ к приватным процессам и переживаниям, локализованным внутри тела. Интроспекция была основным инструментом осведомленности изменений на внутрителесном уровне, что приводило к классической проблеме интроспекции – проблеме переживания другого агента и безошибочности «привилегированного доступа»³⁷⁷. Несмотря на закрытость/приватность ментального содержания, связанного с внутрителесными процессами, сама интероцептивная активность может быть сегодня детально зафиксирована и рассмотрена интерсубъективно. До стремительного развития

³⁷⁷ Byrne, A. Transparency and self-knowledge: Oxford University Press, 2018.

цифровых технологий основными средствами вывода interoцептивной активности в область социального измерения были язык и поведение (в том числе связанное с эмоциональными переживаниями). Сегодня цифровые технологии и мощные методы диагностики также выводят приватные внутрителесные ощущения в область социального³⁷⁸. Приватность и принципиальная закрытость, ввиду специфической локализации данных процессов, перестают быть препятствующими факторами. Повседневная фиксация и анализ внутрителесной активности искусственными интеллектуальными системами стимулировали процесс трансформации interoцепции в публично доступный феномен, что приводит к изменению онтологического статуса внутрителесных ощущений и появлению бихевиоризма цифрового типа.

Рассматривая interoцепцию, можно утверждать, что субъект обладает частичным доступом к внутрителесным процессам. Переживания, связанные с болью внутри, могут быть локализованы человеком, поскольку они являются наиболее яркими. Однако мы не можем говорить о «привилегированном доступе» к определенным процессам из interoцептивного поля, так как в рамках внутрителесного пространства протекает большое количество автономных процессов, не зависящих от акта их осознания. Процессы подобного свойства не становятся частью сознательного опыта, у субъекта нет интроспективной фиксации данных событий (они не попадают в область интроспекции).

Боль и interoцепция укладываются в социальные контексты, определяющие ход и характер социального взаимодействия субъекта и адресата.

Для дальнейших рассуждений целесообразно обозначить два режима interoцепции:

- фоновый режим – постоянный процесс обработки внутрителесных сигналов, поддержание жизнеспособности организма (гомеостазис). Interoцепция в данном режиме «неуловима» для интроспекции, она не попадает

³⁷⁸ Kandasamy, N., Garfinkel, S.N., Page, L., Hardy, B., Critchley, H.D., Gurnell, M., Coates, J.M. Interoceptive Ability Predicts Survival on a London Trading Floor // *Sci Rep.* № 1, vol. 6. 2016; Fotopoulou, A.; Tsakiris, M. Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference // *Neuropsychanalysis*, 2017. № 1, vol. 19. Pp. 3–28.

«в сознательное поле» субъекта. В организме человека протекает большое количество внутрителесных событий, происходящих независимо от акта их осознания. Однако интероцепция здесь находится на «периферии сознательного опыта», поскольку помимо восприятия некоторых сигналов субъект обладает телесной репрезентацией и репрезентацией себя через тело. «Ощущение себя в теле» полностью не выпадает из сознательного опыта. Человек не способен избавиться от этой «рамки» или эпистемологического параметра/ограничения;

- режим интероцептивного доступа – наиболее яркое внутрителесное событие, вызывающее ментальное переживание. Здесь имеет место некоторое физическое событие изнутри тела, но разница заключается в степени и характере этого факта. «Распирание кишечника» или «боль в желудке» являются яркими переживаниями, которые попадают в область «интенционального интереса». Этот режим предполагает наличие «рефлексивного сознания», или «д-сознания»³⁷⁹. В данном случае интероцептивное переживание может носить эпизодический или более протяженный во времени характер (хроническая, ноющая боль). Помимо прочего, эти процессы могут оказывать влияние на восприятие окружающей действительности, т.е. на характер экстероцептивного восприятия. Когда речь идет о более ярком интероцептивном переживании, оно порождает ментальную активность и приобретает квалитативный характер.

Из этого следует, что интероцепция может протекать, как минимум, в двух режимах. В контексте интроспекции речь идет об интероцептивном переживании, которое предполагает наличие субъективного опыта.

С помощью интроспекции человек осведомлен о собственных ментальных состояниях. Рассматривая внутрителесные ощущения в контексте интроспекции, скажем, что человек обладает убеждениями по поводу физических процессов

³⁷⁹ Согласно Н. Блоку, сознание подразделено на два типа: сознание доступа (access-conscious) и феноменальное сознание (phenomenal consciousness) (Block, N. On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and Brain Sciences, 1995, vol. 18. Pp. 227–287). В данном случае мы акцентируем особое внимание на втором типе – феноменальном. Обычно для объяснения специфики феноменального сознания используются описания подобного рода: *каково это* – ощущать вкус гранолы, чувствовать запах зеленой травы, слышать шум мегаполиса, видеть синее небо? Специфика данного типа сознания обусловлена тем, что каждое из этих состояний сопровождается субъективными качествами, данными в опыте от первого лица.

внутри организма. Убеждение по поводу кислотности желудочного сока основывается на ощущениях, которые порождают определенные физические события. Однако сложно говорить о «привилегированном доступе» к некоторым физическим процессам: уровень кислорода в крови, уровень кровяного давления, наличие глюкозы в крови и др.

Интроеспекция находится на стыке двух основных течений в философии и смежных областей науки: с одной стороны, здесь рассматриваются метафизические и научные вопросы природы сознания; с другой стороны, здесь поднимаются нормативные и эпистемологические вопросы о природе самопознания. Интроеспекция связана с сознанием настолько, что некоторые исследователи определяют сознание через интроеспекцию; она также связана с самопознанием, поскольку интроеспекция является характерным способом, с помощью которого субъект приходит к пониманию себя и к собственным сознательным умственным состояниям, процессам и событиям³⁸⁰.

В философии сознания под интроеспекцией чаще всего подразумевается анализ ментальных состояний, никак не связанных с сенсорной информацией, получаемой в процессе когнитивной обработки событий окружающей действительности. Посредством интроеспекции человек осведомлен о собственных ментальных состояниях. Доступ к данным состояниям возможно получить только в перспективе от первого лица, которая имеется у агента индивидуально. Сторонний наблюдатель может судить о наличии данных процессов интерсубъективно (в перспективе от третьего лица), однако непосредственный доступ к особой перспективе другого у него отсутствует.

Благодаря интроеспекции человек обладает непосредственным доступом к интероцептивным убеждениям (наличие убеждений по поводу внутрителесных процессов), порожденным физическими событиями. В работах по философии сознания часто используется понятие «особый доступ» ("special access")³⁸¹, при

³⁸⁰ Smithies, D.; Stoljar, D. Introspection and consciousness (eds. Smithies, Declan; Stoljar, Daniel). New York: Oxford University Press, 2012. P. 4.

³⁸¹ Shoemaker, S. On Knowing One's Own Mind // Philosophical Perspectives. vol. 2. 1988. Pp. 183–209; Byrne, A.

помощи которого у субъекта есть прямой доступ к собственному ментальному содержанию в перспективе от первого лица. Данный вид познания, в силу своих особенностей, сопряжен с ментальными репрезентациями, непосредственно данными агенту. Данная установка приводит к сложности эмпирической верификации подобных состояний. Непосредственный доступ человека к собственным ментальным содержаниям от первого лица ставит вопрос о непогрешимости/безошибочности анализа данных состояний, в особенности если эти процессы протекают в настоящем времени. Например, человек не будет испытывать сомнений в том, что он переживает чувство страха, щекотки, холода или думает о фиолетовом кенгуру, разноцветной зебре и т.д.

В контексте самопознания (self-knowledge) начиная с Р. Декарта принято считать, что человек знает о существовании и обладает уникальным доступом к собственному ментальному содержанию при помощи «привилегированного доступа», который есть у агента, и только у него³⁸². Суть «привилегированного», или «особого» (peculiar), доступа заключается в том, что человек не способен интроспективно наблюдать за ментальным содержанием другого сознания, но он осведомлен о факте ментального содержания в перспективе от первого лица. Этот факт предполагает эпистемическую сохранность/закрытость собственных убеждений. Р. Декарт полагал, что этот инструмент является безошибочным, поскольку человек не может сомневаться в том, что он испытывает чувство боли, щекотки, страха, или в том, что сомневается (картезианский скептицизм). Однако в данном разделе будет представлено несколько скептических аргументов по отношению к безошибочности привилегированного доступа.

Г. Райл, как и некоторые другие философы (например, Д. Деннет), отрицал специфику и привилегированность интроспекции³⁸³. По Г. Райлу, некоторые ментальные процессы, воспринимаемые интроспективно, на самом деле носят ретроспективный характер или фиксируются постфактум: человек часто «ловит

Transparency and self-knowledge: Oxford University Press, 2018.

³⁸² McKinsey, M. Anti-individualism and privileged access // Analysis, № 1, vol. 51. 1991. Pp. 9–16.

³⁸³ Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 408.

себя на чем-то», что уже произошло, независимо от характера этих процессов (зачастую человек осознает, что испытал чувство возбужденности, страх, стресс, тревогу, обеспокоенность и, в некоторых случаях, боль, в особенности когда речь идет о ее характере и свойствах, непосредственно после произошедшего события)³⁸⁴. Согласно Г. Райлу, знание субъекта о собственном ментальном содержании основано на способности чтения мыслей (mind-reading) от третьего лица, которая направлена вовнутрь воспринимающего. Человек по внешним признакам (поведение, речевой отчет) способен определить, наблюдая за другим агентом, что идет дождь. Тем самым метод, благодаря которому человек осведомлен о наличии убеждения или веры (например, в то, что сейчас идет снег) у себя, аналогичен восприятию того, как другой человек убежден или верит в то, что идет снег. Иными словами, наличие убежденности по поводу того, что сейчас идет снег, не требует обладания специальным или особым (special or peculiar) доступом к восприятию от третьего лица, на чем строится большинство аргументов по поводу «привилегированности» интроспективного восприятия. Но если рассматривать интероцепцию в этом контексте, то возникает определенное затруднение: если речь идет об интероцепции в фоновом режиме, то она не является объектом интенционального интереса и находится на периферии сознательного опыта и далеко не всегда выражается в поведении, не считая яркое переживание или эмоциональное потрясение. Также интроспективная «привилегированность» приводит к раздвоенности в сознании (мысли о том, что сознание знает или имеет доступ к чему-то³⁸⁵). В высказываниях «мои уши слышат», «нос обоняет», «глаза видят» содержится логическая ошибка, поскольку эти процессы и ментальное содержание являются частью «сознания Я». Здесь правильным будет сказать: «я вижу, слышу, обоняю». Однако данные процессы связаны с органами чувств и в речевой практике можно встретить фразу: «мои глаза тебя не видели». В случае с интероцептивным восприятием также часто можно встретить высказывания, в которых фигурирует «отделенность»,

³⁸⁴ Там же. С. 168.

³⁸⁵ Там же. С. 169.

автономность от Я и интероцептивного факта. Например, фразы «живот болит», «сердце ноет» также являются логически неверными, поскольку эти факты напрямую зависят от восприятия и осознания.

По этой причине интроспекция является ненадежным методом изучения ментальных состояний, поскольку эти процессы невозможно изучать в сам момент их реализации, когда человек находится в определенном психическом состоянии (например, экстремальное эмоциональное переживание или высокий уровень адреналина). Для успешного исследования психического состояния требуется дистанция или абстрагирование от самого состояния.

Априорный статус внутренних состояний и сложность применения эмпирической верификации по отношению к данным состояниям, познаваемым интроспективным путем, также может критиковаться с позиций антииндивидуализма и экстернализма³⁸⁶. Для этого Т. Берджем используется мыслительный аргумент Х. Патнэма о «двойнике земли»³⁸⁷. Оскар, житель Земли, думает, что вода мокрая. На Земле-двойнике воды нет, но существует качественно аналогичная жидкость, обладающая иным химическим составом, которую можно обозначить как «твода» (twater). Тоскар – абсолютно идентичный брат-близнец Оскара, живущий на «двойнике Земли», у него отсутствует убеждение, что вода мокрая. В данном случае непротиворечивость и неверифицируемость интроспективных пропозиций ставятся под сомнение, поскольку внутренние эпизоды наших психических переживаний основаны, в том числе, на фактах окружающей действительности, т.к. вера Оскара в то, что вода мокрая, основана на эмпирическом подтверждении. Однако мы не согласны, что внутренние убеждения не могут быть связаны с эмпирическими фактами, согласующимися с каузальной замкнутостью физического мира³⁸⁸. В противном случае это могло бы привести к сомнению во влиянии внешних факторов на тело, как если бы мы

³⁸⁶ Burge, T. *Foundations of Mind*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. Pp. 82–100; Putnam H. *The Meaning of "Meaning"*. University of Minnesota Press, 1975. Pp. 131–192; McKinsey, M. *Anti-individualism and privileged access* // *Analysis*, № 1, vol. 51. 1991. Pp. 9–16.

³⁸⁷ Putnam, H. *The Meaning of "Meaning"*. University of Minnesota Press, 1975. P. 139.

³⁸⁸ McKinsey, M. *Anti-individualism and privileged access* // *Analysis*, № 1, vol. 51. 1991. P. 12.

сомневались в том, что испытаем боль после удара по голове или «урчание» в животе во время голода. В результате мысли имеют физическую основу или связаны с фактами о физическом мире, что не элиминирует уникальной/привилегированной интроспективной перспективы. Априорное знание собственных ментальных событий приводит к априорному знанию о физическом мире, иначе это вело бы к противоречию, в котором сомнение о физическом мире затрагивало бы сомнение о собственных ментальных состояниях, что «стирает» интроспекцию как вид познания.

Вопросы по типу «откуда мы знаем, что мы сознаем?» поднимаются в работе Ф. Дрецке «Откуда вы знаете, что вы не зомби?»³⁸⁹, в которой затрагивается эпистемический статус наших убеждений: да, мы знаем, что мы не зомби, но на каком основании у нас сформировалось это знание?

Например, мы чаще всего не осознаем себя, направляясь куда-либо. Мы обладаем проприоцептивной системой, с помощью которой осуществляем движение, однако факты о том, что мы находимся в определенной позе или сохраняем баланс тела при ходьбе, не указывают на осознание самих себя. Данные факты связаны с «воплощенным я» (embodied self), однако мы не осознаем телесные состояния, связанные с проприоцептивной информацией³⁹⁰. Данное рассуждение приводит к разделению воплощенного/соматического «я» и психического/сознающего «я», что можно было бы рассматривать как своеобразную модель дуализма. Разумеется, проприоцептивная активность, в широком смысле, не предполагает глубокой осознанности: нам не требуется каждый раз думать, правильно ли мы ходим или какую позу тела нам лучше принять. Тот факт, что большая часть проприоцептивной активности доведена до автоматизма, позволяет нам одновременно с данными процессами не терять фокус восприятия фактов окружающей действительности, в противном случае это приводило бы к вынужденной фиксации на телесной активности, что затрудняло

³⁸⁹ Dretske, F. How Do You Know You are Not a Zombie? // Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge. London: Routledge, 2003. Pp. 1–12.

³⁹⁰ Там же. P. 2.

бы процесс восприятия информации и социальной коммуникации. Тем не менее, сложно согласиться с полной дистанцированностью проприоцептивной активности от психических процессов, поскольку то, в какой позе мы находимся во время анализа фактов окружающей действительности: сидим ли мы в кабинете (и на чем мы сидим) или прогуливаемся по лесной тропинке, – влияет на качественные свойства полученной информации, иными словами, телесная активность оказывает прямое влияние на восприятие информации. Также свойства сознания, связанные с энактивностью, предполагают физическое действие (ходить взад-вперед, пытаясь что-либо сформулировать; щелкать пальцами во время процесса вспоминания) для улучшения когнитивной активности. Упомянув в данном контексте интероцепцию из примеров, описанных ранее, можно увидеть, что интероцептивные процессы связаны с психическими свойствами личности и затрагивают социальные аспекты³⁹¹.

По причине того, что интероцепция тесно связана с телесной репрезентацией и субъективным опытом, важно рассмотреть вопрос перспективы. В обыденной действительности мы часто видим деревья, закат, небо, однако можно усмотреть тонкую грань между объектами, которые мы непосредственно наблюдаем, и объектами, которые в данный момент не видим, но можем извлечь из памяти. Эта разница определяется индивидуальной перспективой/точкой зрения, которую мы не можем увидеть как сторонние наблюдатели. Ощущение собственного тела и ощущение «себя в теле» предполагает наличие определенной перспективы. Тем не менее, даже внутри собственного внутрителесного пространства сложно быть абсолютно убежденным относительно того, чувствуем ли мы те или иные ощущения, прибегая к метафорическому словарю. В том случае, когда смысл таких высказываний, как «чувствую дискомфорт внутри», «жжение в области живота», «трепет по всему телу», «звон в ушах», понят адресатом, это гарантирует истинность высказываний такого рода. Иными словами, субъект в процессе социальной коммуникации, используя языковые

³⁹¹ Барышников П.Н., Атакуев М.Н. Социальные функции интероцепции и глобальный рынок телесных данных. Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021;(1): С. 83–98.

выражения, отсылающие к внутрителесным ощущениям, верифицирует истинность собственного приватного опыта через другого. Однако форма языковой репрезентации интероцептивного опыта обусловлена социальной привычкой и языковой игрой. Из этого следует, что нет жесткой корреляции между интероцептивным фактом и суждением о внутрителесном опыте. В речевом отчете об интероцептивном переживании прослеживаются феноменальные качества этого опыта, однако из языковых примеров, содержащих внутрителесные переживания, сложно вывести физические причины этой активности, как и из физических событий не удастся реконструировать метафорические описания от первого лица. Важность социальной верификации (проверки адекватности описаний внутрителесного опыта) для субъекта заключается в том, что «одобрение» или понимание утверждений адресатом является критерием истинности в границах социального взаимодействия. В этом случае соответствующее утверждение другого участника коммуникативного процесса от третьего лица также приобретает значимость.

Перспектива от первого лица, с помощью которой субъект может получить доступ и проследить специфику собственных внутренних ментальных процессов, играет решающую роль в осознании факта «наличия тела у себя» и того, как данный факт влияет на восприятие фундаментальных категорий (пространства и времени). Такие ментальные события, как боль, ощущение холода/жары, чувство голода, щекотка, напрямую связаны с телесной организацией агента. Телесная концептуализация фундаментальных категорий, осознание собственных ментальных событий – все это, и не только, можно обозначить как наличие факта «тела у себя» или телесное значение/воплощенное значение³⁹². С помощью соприкосновения с деревом человек не только получает доступ к факту тактильного контакта с деревом, но и может получить доступ к фрагменту истории о самом себе. Являясь физическим агентом, субъект «пропускает» через телесную организацию факты об окружающем мире, структурируя затем данный

³⁹² Johnson, M. The Meaning of the Body: University of Chicago Press, 2007.

опыт в языковую картину, что позволяет агенту перевести частные переживания в регистр социальной действительности.

Однако цифровые данные сегодня выводят интероцепцию в область восприятия от третьего лица. На основании этих данных искусственные интеллектуальные системы способны извлекать неочевидные закономерности и выстраивать поведенческие маршруты, что мы рассматриваем как цифровое возрождение бихевиоризма.

Сегодня с развитием всевозможных носимых устройств факты телесной активности становятся не только частью концептуальной семантики, выраженной в рамках различных культурных и языковых моделей, но и частью цифрового пространства. Телесная активность, представленная в формате цифровых данных, порождает трансформацию приватного статуса внутрителесных ощущений, что приводит к внедрению субъективных телесных переживаний в пространство социального взаимодействия.

Носимые и имплантированные устройства, подключенные к Интернету («умные часы», фитнес-трекеры, «умные браслеты», «умные кольца», имплантированные «умные кардиостимуляторы»), ежедневно фиксируют огромное количество не только телесных (биометрических) данных, но и данных, связанных с поведенческими предрасположенностями.

В целом методологические разработки бихевиористской программы используются значительно реже, чем в первой половине XX века. Тем не менее в настоящее время наблюдается возрастающее количество исследований с использованием бихевиористских методологических оснований³⁹³. С уверенностью можно утверждать, что данному процессу способствовали развитие цифровых технологий и методы машинного обучения. Одновременно с этим технологии, фиксирующие телесную активность, ежедневно становятся дешевле, что привлекает все большее количество пользователей. При помощи устройств с поддержкой интернет-соединения и их повсеместного использования

³⁹³ Gunnars, F. A large-scale systematic review relating behaviorism to research of digital technology in primary education // Computers and Education Open, vol. 2. 2021.

предоставляются дополнительные данные о социальном поведении пользователя, и эти устройства часто напрямую взаимодействуют с социальными сетями, делясь местоположением пользователя, изображениями и биометрическими данными с интернет-сообществами. Анализируя большие данные при помощи машинной обработки, можно «прочертить» как поведенческие, так и биологические зависимости, что указывает на цифровое возрождение бихевиористской методологии.

В 2017 году Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (Food and Drug Administration) США зарегистрировало первые «цифровые пилюли» (digital pills)³⁹⁴. Сенсор, расположенный в пилюле, уведомляет доктора через специальное приложение о факте принятия пациентом медикамента. Доктор в данном случае анализирует два среза данных: ход когнитивных процессов (не забывает ли пациент принять медикамент) и сам факт принятия медикамента. Можно прогнозировать, как пациенту с деменцией или иными расстройствами памяти на основе внесенных телесных данных и предписания по принятию медикаментов приходит уведомление на мобильный телефон. Данная функция может также быть опциональной, чтобы врач мог проследить за динамикой когнитивных процессов пациента.

В ходе социальной коммуникации человек может отслеживать при помощи интерсубъективного метода приватные психические переживания другого. Косвенными признаками внутренних ментальных процессов (эмоций, намерений, желаний, убеждений) выступают невербальные аспекты поведения, такие как взгляд, мимика, жесты, выражения лица, поза тела. Помимо прочего, эмоции также нередко вызывают телесные изменения, которые мы ощущаем, когда краснеем от смущения, чувствуем, как наше сердце бьется чаще, дыхание становится ускоренным, когда мы испытываем страх или волнение³⁹⁵. По этой причине сложно говорить о подлинном социальном присутствии в цифровом

³⁹⁴ Matwyshyn, M. The Internet of Bodies // 61 Wm. & Mary L. Rev. 77, 2019.

³⁹⁵ Барышников П.Н., Атакуев М.Н. Социальные функции interoцепции и глобальный рынок телесных данных. Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021;(1): С. 90.

пространстве. Однако в рамках некоторых исследований³⁹⁶ предпринималась попытка обойти данное ограничение. С помощью большого количества камер и анализа основных телесных проявлений (взгляд, выражение лица, жестикуляции, позы тела) 772 респондентов исследователям удалось создать систему «HUMBI» (HUMAN Multiview Behavioral Imaging), которая содержит внушительную базу телесных данных, отражающих поведенческие диспозиции. По результатам вычислительного анализа, с помощью искусственного интеллекта удалось реконструировать правдоподобную 3D-модель человека. На основе обработки большого количества изображений, отражающих телесные и поведенческие проявления, машина способна с определенной долей вероятности прогнозировать и воспроизводить при помощи реконструированной 3D-модели человека эмоции и поведенческие паттерны субъекта.

С помощью новых носимых технологий и инструментов визуализации можно наглядно увидеть, что агент, который испытывает определенные эмоции в процессе реализации социальных сценариев (тяжелая утрата/рождение, романтическая удача/неудача, социальная изоляция/включенность, отрицательная/положительная оценка), репрезентирует эмоциональный опыт посредством соматосенсорной активности³⁹⁷. Иными словами, человек напрямую ассоциирует социальные сценарии и эмоции с частями тела. В том случае, когда речь идет о положительных социальных событиях, это грудная клетка, живот, голова; в случае с негативными событиями – это голова, сердце, ноги³⁹⁸.

На основе массива данных с камер видеонаблюдения и в ходе использования «умных устройств» искусственный интеллект и методы глубинного машинного обучения (deep learning) становятся эффективными инструментами, с помощью которых возможно отслеживать и прогнозировать эмоции и поведение человека. В настоящее время технологии распознавания

³⁹⁶ Yoon, J.S.; Yu, Z.; Park, J.; Park, Hyun. HUMBI: A Large Multiview Dataset of Human Body Expressions and Benchmark Challenge // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence, 2021. Pp. 1–18.

³⁹⁷ Novembre, G.; Zanon, M.; Morrison, I.; Ambron, Elisabetta; Urgesi, Cosimo. Bodily sensations in social scenarios: Where in the body? // PLOS ONE, № 6, vol. 14. 2019.

³⁹⁸ Там же. Р. 7.

эмоций достигли определенных успехов. В одном из исследований³⁹⁹ применили методы глубинного обучения и когнитивной беспроводной связи к аудиовизуальной системе распознавания эмоций, которая может автоматически идентифицировать эмоции пациентов в системе интернет-медицинского обслуживания. В ходе экспериментов было доказано, что система полезна для развития медицины в интернет-секторе. Кроме того, машинный анализ аудиовизуальных паттернов (выражения лица, голосовых интонаций) может быть использован в образовательном процессе, в ходе которого возможен мониторинг психологического и эмоционального состояния учащихся⁴⁰⁰. Исследование эмоции в данном формате более продуктивно ввиду наличия контекстуальных и временных аспектов эмоций, что позволяет производить анализ динамики эмоциональных выражений в реальном времени. Эмоция обычно определяется как реакция на конкретный стимул, по этой причине скорость обработки больших данных позволяет исследователям изучать эмоции пользователей в ответ на неожиданные события и изменения, происходящие до, во время и после самого события⁴⁰¹. Сбор и анализ «приватных данных» (intimate data), связанных с телесностью учащихся, может стать новым инструментом, с помощью которого возможно прийти к реализации трансформационных процессов внутри образовательной системы. В некоторых исследованиях⁴⁰² можно встретить термин «precision education» (точное образование), где на основе количественных оценок телесных данных агентов, участвующих в процессе обучения, существует вероятность его модернизации. Например, в рамках «точного образования» психологические особенности студентов (регистрируемые при помощи постоянного фиксирования телесной активности и отслеживания эмоций)

³⁹⁹ Hossain, M.S.; Muhammad, G. An Audio-Visual Emotion Recognition System Using Deep Learning Fusion for a Cognitive Wireless Framework // IEEE Wireless Communications, № 3, vol. 26. 2019. Pp. 62–68.

⁴⁰⁰ Lu, X. Deep Learning Based Emotion Recognition and Visualization of Figural Representation // Frontiers in Psychology, vol. 12. 2022.

⁴⁰¹ Hernandez, I. Big Data in Social Psychology // Big data in social psychology // Big data in psychological research (ed. Woo, Sang Eun; Tay, Louis; Proctor, Robert W.). Washington, DC. American Psychological Association. 2020. Pp. 227–254.

⁴⁰² Williamson, B. Digital policy sociology: software and science in data-intensive precision education // Critical Studies in Education, № 3, vol. 62. 2019.

рассматриваются как объективные данные. Также в рамках «психометрического реализма» (psychometric realism)⁴⁰³ субъективные, эмоциональные переживания, психологические черты личности могут быть количественно зафиксированы посредством анализа биологических сигналов (выражения лица, телесного поведения), что можно интерпретировать в пользу новой актуализации бихевиористской теории, или появления цифрового бихевиоризма.

Развитие цифровой инфраструктуры способствовало появлению алгоритмической психометрии (algorithmic psychometrics), анализом которой занимаются технологические компании, психологические лаборатории, предоставляя затем выборки «психоданных» (psychodata) заинтересованным лицам⁴⁰⁴. Скорость передачи больших данных (big data) облегчает изучение вопросов, связанных с социальной динамикой. Большие данные позволяют изучать поведение на месте, сохраняя изучаемых агентов в их типичной среде. Можно говорить также, что фактология, полученная в процессе социально-телесных взаимодействий, лишена нестабильного психологического субъективного фактора, указывая на прямой срез зависимостей⁴⁰⁵. С развитием цифровых технологий и возможностью постоянной регистрации телесной активности человек более не рассматривается как статичный контейнер биологических данных.

Существуют также примеры применения методов машинного обучения и в системе здравоохранения. Можно сказать, что с помощью алгоритмов машинного обучения есть вероятность создания модели, которая описывала бы взаимосвязь между клиническими переменными и смертностью. Например, после операции по пересадке органов необходимо иметь представление о факторах, которые отличают низкий риск смертности от высокого, чтобы спрогнозировать, к чему приведет хирургическое вмешательство, для улучшения результатов снижения

⁴⁰³ Michell, J. Is Psychometrics Pathological Science? // *Measurement: Interdisciplinary Research & Perspective*, № 1-2, vol. 6. 2008. Pp. 7–24.

⁴⁰⁴ Williamson, B. Digital policy sociology: software and science in data-intensive precision education // *Critical Studies in Education*, № 3, vol. 62. 2019.

⁴⁰⁵ Hernandez, I. Big Data in Social Psychology // *Big data in social psychology* // *Big data in psychological research* (ed. Woo, Sang Eun; Tay, Louis; Proctor, Robert W.). Washington, DC. American Psychological Association. 2020. P. 232.

смертности в будущем⁴⁰⁶. Более того, искусственный интеллект, обученный на определенной части набора медицинских данных онкобольных, смог классифицировать ядра клеток в оставшейся части набора данных с высокой точностью (.94 – .96), чувствительностью (.97 – .99) и специфичностью (.85 – .94)⁴⁰⁷. Эти показатели указывают на то, что использование методов машинного обучения может привести к трансформации системы здравоохранения. Помимо прочего, с помощью алгоритмов машинного обучения можно значительно повысить уровень диагностирования подобных заболеваний, поскольку искусственный интеллект способен за счет высоких вычислительных ресурсов идентифицировать каузальные связи, неочевидные для человека.

Цифровой массив телесных данных является промежуточной «точкой стабильности», поскольку эти данные могут быть проанализированы в различных модусах, форматах, исходя из траекторий определенных подходов и целей. Однако, мы полагаем, важно запротоколировать тот факт, что биологические, телесные характеристики стали частью вычислительной метафоры, в рамках которой телесная активность, приобретая цифровой профиль, стала доступной для машинного анализа и прогнозирования поведенческих паттернов.

Итак, подводя итог, необходимо отметить, что развитие цифровых технологий и их повсеместное использование приводят к внедрению индивидуальных фактов, связанных с телесностью, в цифровые контексты, где физические характеристики субъекта становятся данными в различных социальных системах. Исходя из этого, оцифрованные телесные данные могут стать как инструментом, влияющим на качественные характеристики этих систем, так и ярким показателем эффективности применяемых мер в рамках различных моделей, связанных с человеческой жизнедеятельностью. Параллельно с данными процессами можно говорить о сложной парадигмальной метаморфозе редукционистской модели классического бихевиоризма, в которой все факты

⁴⁰⁶ Sidey-Gibbons, J.A.M.; Sidey-Gibbons, C.J. Machine learning in medicine: a practical introduction // BMC Medical Research Methodology, № 1, vol. 19. 2019.

⁴⁰⁷ Там же.

сводятся не к протоколам поведения, а к телесным данным, отображенным в цифровой реальности. Тем самым, как мы считаем, бихевиоризм в его цифровом представлении не упирается в классические проблемы редукционизма, поскольку анализ телесных процессов, погруженных в цифровое пространство, предоставляет срез новых данных, исходя из которых искусственный интеллект и исследователи в области когнитивной психологии могут отметить зависимости, которые были неочевидны ранее. Взгляд автоматизированной психологии на данные концентрируется на автономных биологических процессах, а не на субъективных телесных переживаниях⁴⁰⁸. В этом случае человек рассматривается как массив данных, конституированный психологическими категориями, встроенными в биологический контекст, который тем временем постоянно фиксируется различными устройствами. Исходя из вышеперечисленных примеров, можно увидеть, что возрастает значимость некогнитивных (nonscognitive) данных. На основании фактов телесной активности, представленных в виде цифровых данных, есть возможность построить модель поведенческих зависимостей, что можно трактовать как появление бихевиоризма цифрового типа. Посредством анализа физических, биологических, химических показаний агентов с помощью искусственных интеллектуальных систем возможен переход от биологического уровня анализа данных к рассмотрению наблюдаемых культурных, образовательных, социальных и т.д. контекстов.

Выводы по главе 3

1. Интероцепция связана с социальным познанием, эмоциональным опытом и самосознанием. Корреляция между интероцептивной точностью и способностью понимать ментальные состояния других людей подчеркивает важность осознания собственных внутрителесных сигналов для эмпатии и социальной коммуникации.

2. Языковые конструкции и культурный фон влияют на концептуализацию

⁴⁰⁸ Williamson, B. Digital policy sociology: software and science in data-intensive precision education // Critical Studies in Education, 2019. № 3, vol. 62. P. 8.

интероцептивных переживаний, что отражается на субъективных качествах внутрителесных ощущений, что дает, в свою очередь, возможность говорить об интероцептивных ощущениях в ракурсе феноменальных аспектов сознания.

3. Шаблонные описания интероцептивного опыта, зафиксированные в различных культурных словарях, влияют на качественные свойства данного опыта. Человек стремится поместить индивидуальный опыт внутрителесного переживания в центр социальной коммуникации. По данной причине использование трафаретных языковых конструкций, в которых отражен интероцептивный опыт, необходимо для социальной коммуникации, так как агент может донести специфику «внутреннего события», оставаясь адекватно понятым реципиентом.

4. Различия в восприятии интероцептивных событий в рамках культурных и языковых систем подчеркивают важность учета культурных, языковых и социальных особенностей при анализе интероцептивных процессов.

5. Интероцепция может протекать в двух режимах и не всегда быть в области «интенционального интереса», но предполагает постоянную телесную репрезентацию, задающую эпистемические параметры познавательной деятельности агента.

6. Развитие цифровых технологий придает внутрителесным процессам новое онтологическое измерение, благодаря чему интероцепция становится ключевым элементом в формировании цифрового профиля человека.

7. Цифровое возрождение бихевиоризма открывает новые перспективы для исследования поведенческих сценариев и выявления неочевидных закономерностей в человеческом поведении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе представлен новый исследовательский ракурс interoцепции как объекта современной философии и когнитивных наук. Большое количество существующих теоретических подходов к исследованию телесности и interoцепции позволило построить обобщающую исследовательскую стратегию. Была выполнена главная цель диссертационного исследования, благодаря поэтапному решению задач.

Решение поставленных задач потребовало системной экспликации и концептуального прояснения объекта исследования. Телесность является давним объектом философии, представление о котором претерпевало значительные изменения в разные периоды истории. Изначально в европейской философской традиции преобладал дуалистический подход, согласно которому тело рассматривалось как пассивный «сосуд для души» или ее «темница». В Новое время в рамках механистической картины мира представление о телесности трансформировалось в концепцию «тела-машины», где телесность мыслилась как сложный «биологический автомат», лишенный собственной психической жизни. В XX веке произошел «концептуальный поворот»: в психоаналитической традиции телесная природа личности стала предметом глубокого анализа, поскольку тело тесно связано с глубинными пластами человеческой психики, являясь частью проблемы «физического Я». В феноменологии статус телесности был переосмыслен как «феноменальное тело», где телесность рассматривается как системообразующее свойство личности. В дальнейшем тело приобрело социально-конструктивистский статус: оно стало рассматриваться как часть политического дискурса, где телесность также выступает инструментом классификации и упорядочения опыта социального взаимодействия.

С развитием науки и появлением нейрофизиологических и когнитивных подходов тело стало объектом междисциплинарных исследований. В рамках аналитической философии тело рассматривалось как «слабое место» теорий сознания, где фокус фундаментальной проблемы соотношения тела и сознания

сместился в сторону мозговой активности. Однако развитие телесно-ориентированных подходов способствовало тому, что тело стало восприниматься как фундаментальная характеристика когнитивных процессов. Это способствовало возвращению изначальной постановки проблемы соотношения тела и сознания, где телесность представлена в комплексе нейрофизиологических процессов, а не ограничена нейробиологическими основаниями работы мозга.

В ходе философского анализа междисциплинарных исследований нами было выявлено, что интероцепция и телесные структуры оказывают влияние на познавательную активность человека, так как тело и интероцептивные процессы конституируют опыт, а не являются пассивными «поставщиками данных». Это влияние прослеживается, в том числе, и на восприятии фундаментальных категорий: физические характеристики агента (посредством «образа тела» и «схемы тела») фундируют восприятие пространства, а интенсивность интероцептивных сигналов и эмоциональный отклик модулируют субъективное восприятие времени. Влияние телесных спецификаций на познавательные способности агента прослеживается на трех уровнях:

1. *Интеграция нейрофизиологических сигналов в высокоуровневые когнитивные процессы.* Интероцепция является не просто одной из сенсорных модальностей, благодаря которой субъект осведомлен о внутрителесных событиях, а уникальным механизмом, играющим ключевую роль в построении прогностических моделей, в рамках теории предиктивного кодирования.
2. *Эмоциональная и аффективная модуляция.* Изменения на внутрителесном уровне (учащенное сердцебиение, дыхание и т.д.) являются не просто симптомами, а конституирующими факторами эмоционального переживания. В данном контексте эмоции – не автономные ментальные процессы, а «укорененные» в телесной спецификации свойства агента, что также продемонстрировано на лингвистическом материале и эмпирических данных.
3. *Языковая практика и социокультурные нормы.* Телесные

характеристики и взаимодействие с окружающей средой являются источником формирования метафор и когнитивных схем, которые, в свою очередь, оказывают влияние на переживание внутрителесных ощущений посредством языковых игр и социальной привычки.

Рассмотрение интероцепции исключительно с точки зрения нейрофизиологического дискурса не охватывает аспекты, связанные с субъективными переживаниями внутрителесного опыта и его связью с социально-коммуникативной деятельностью.

В настоящем исследовании продемонстрировано, что в языковом материале, включая данные кросс-культурных исследований, отражаются особенности переживания интероцепции в образах определенной языковой игры или социальной привычки словоупотребления. Был сделан вывод о том, что концептуализация интероцептивных ощущений (то, как человек высказывается о собственном внутрителесном опыте) оказывает влияние на качественные характеристики переживания этого опыта в перспективе от первого лица. Социокультурные различия проявляются в языковых репрезентациях и восприятии интероцепции: пользователь языка, находящийся в пределах определенных культурных и языковых координат, неосознанно использует конвенционально признанные лингвистические выражения, как часть *социальной привычки* или *языковой игры*. Было показано также, что формы языковой концептуализации дополняются аспектами социального значения. Таким образом, феноменальные характеристики интероцептивного опыта обусловлены не только фактом наличия некоторого физиологического события, но и конституируются языковой практикой и социокультурными факторами.

Это, в свою очередь, определяет важнейшие социальные функции интероцепции. Языковая вербализация приватного опыта выступает как необходимый механизм его социальной верификации. Было обосновано, что способность к точной концептуализации и восприятию собственных внутрителесных сигналов напрямую коррелирует с эмпатией, пониманием ментальных состояний других людей и достижением «эффекта сопричастности» в

социально-коммуникативном процессе.

Большое разнообразие эмпирических данных позволяет с уверенностью утверждать, что interoception является многослойным и комплексным процессом, функционирующим на грани физических событий и психической активности. Была концептуализирована двойственная структура interoception: она существует в «фоновом режиме» для поддержания жизнеспособности и нормального функционирования организма (гомеостаз) на периферии сознания и в «режиме interoceptive доступа» – как яркое феноменальное переживание, попадающее на передний план сознательного опыта, оказываясь в области интенционального интереса. Второй режим был проанализирован нами как специфический класс качественных состояний, к которому есть интроспективный доступ, в отличие от «фонового режима» interoception. Рассмотрение внутрителесного опыта в контексте субъективных характеристик от первого лица позволяет ввести interoception в круг центральных проблем философии сознания.

Наконец, в настоящем диссертационном исследовании выявлена трансформация онтологического статуса interoception в условиях датафикации телесных данных. Приватный внутрителесный опыт, которым обладает воплощенный агент, переходит в категорию публично доступных элементов цифрового пространства. Вследствие этого можно зафиксировать появление «цифрового бихевиоризма» – методологии, в рамках которой анализ больших телесных данных позволяет прогнозировать и модифицировать поведение, размывая границу между приватностью внутрителесного опыта и его публичной репрезентацией.

Перспективы дальнейшего развития философской теории interoception видятся в следующем. Необходимо продолжить теоретическое осмысление социального профиля interoception, того, как показатели, связанные с interoceptive чувствительностью, влияют на принятие решений и прочие поведенческие паттерны, что отчасти было рассмотрено в настоящем исследовании. Цифровое представление interoception и прочей телесной

активности видится перспективным направлением вследствие прорывов в области искусственных интеллектуальных систем.

Дальнейших теоретических разработок требует интероцепция как уникальный перцептивный опыт, обладающий качественными характеристиками в перспективе от первого лица ввиду того, что в области философии сознания наблюдается практически полное игнорирование внутрителесных ощущений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Барретт Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями. / Л.Ф. Барретт. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 432 с.
3. Барышников П.Н. Разум как машина: влияние механицизма на концептуальные основания компьютерной метафоры / П.Н. Барышников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 4. С. 755–769.
4. Барышников П.Н., Атакуев М.Н. Семантика суждений о внутрителесном опыте: от нормы к аномалиям / П.Н. Барышников, М.Н. Атакуев // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 2. С. 218–233.
5. Барышников П.Н., Атакуев М.Н. Социальные функции интероцепции и глобальный рынок телесных данных / П.Н. Барышников, М.Н. Атакуев // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 1. С. 83-98.
<https://doi.org/10.17726/philIT.2021.1.5>.
6. Бескова, И.А. Природа и образы телесности / И.А. Бескова, Е.Н. Князева, Д.А. Бескова. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 456 с.
7. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
8. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. – 456 с.
9. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М.: АСТ, 2018. – 352 с.
10. Гибсон, Д. Экологический подход к зрительному восприятию / Д. Гибсон. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.

11. Гиппократ. Избранные книги. / Гиппократ. – М.: Биомедгиз, 1936.
12. Глазков К.П. Телесное присутствие в геолокационных играх. Часть 1 / К.П. Глазков // Социология власти. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnoe-prisutstvie-v-geolokatsionnyh-igrakh-chast-1>.
13. Гоббс Т. Левиафан. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
14. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. / Э. Гуссерль – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.
15. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Том 2 / Сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1994. – 633 с.
16. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Том 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. – 654 с.
17. Декарт Р. Человек. / Р. Декарт – М.: Праксис, 2012. – 128 с.
18. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. / Р. Дрейфус – М.: Либроком, 2010. – 336 с.
19. Дуглас М. Чистота и опасность. / М. Дуглас – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 283 с.
20. Зейгарник Б.В. Патопсихология. / Б.В. Зейгарник – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 204 с.
21. Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. / Д.В. Иванов – М.: Либроком, 2013. – 240 с.
22. Карнап Р., Шрамко Я.В. Психология на языке физики / Р. Карнап, Я.В. Шрамко // Философские науки. 2013. № 1. С. 126–146.
23. Крейдлин Г.Е., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Переверзева С.И., Хесед Л.А. Язык и семиотика тела. В 2 т. Том 1. / Г. Е. Крейдлин, П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, С. И. Переверзева, Л. А. Хесед – М.: Научная библиотека, 2020. – 672 с.
24. Крейдлин Г.Е., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Переверзева С.И., Хесед Л.А. Язык и семиотика тела. В 2 т. Том 2. / Г. Е. Крейдлин, П. М. Аркадьев, А. Б.

- Летучий, С. И. Переверзева, Л. А. Хесед – М.: Научная библиотека, 2020. – 488 с.
25. Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. / В.Л. Круткин. – 1997. № 4. С. 147–151.
 26. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. / Л. Джордж, Д. Марк. – М.: URSS, 2004. – 256 с.
 27. Ламетри Ж.О. Сочинения / Общ. ред., предисл. и примеч. В.М. Богуславского. 2-е изд. – М.: Мысль, 1983. – 509 с.
 28. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В.В. Соколов; перевод Я.М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
 29. Маслов Р.В. Философия телесности человека / Р.В. Маслов // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2004. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-telesnosti-cheloveka>.
 30. Матюшко А.В. Категория телесности в философском дискурсе / А.В. Матюшко // Актуальные вопросы современной науки. – 2008. № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-telesnosti-v-filosofskom-diskurse>.
 31. Мерло-Понти М. Око и дух. / Мерло-Понти М. – М.: Искусство, 1992.
 32. Микиртумов Б.Е., Завитаев П.Ю. Аутизм: история вопроса и современный взгляд. / Б.Е. Микиртумов, П.Ю. Завитаев. – СПб: Изд-во Н-Л, 2012. – 93 с.
 33. Миненко И.А., Германова К.Н., Лимонова А.С., Сукманова А.А., Иашвили Н., Никулин В.В., Куценко В.А., Егоренкова Е.Е., Назарова М.А., Ершова А.И., Драпкина О.М. Сравнение методов субъективной оценки interoцепции сердца // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2023. № 22(10).
 34. Морина Л.П. Когнитивные аспекты телесности / Л.П. Морина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-aspekty-telesnosti>.
 35. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Ч. Моррис // Семиотика. Сборник

- переводов / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1982.
36. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.
 37. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. / А.В. Нагорная. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 86 с.
 38. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Том 2 / Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; Пер. с нем. – М.: Мысль, 1996. – 829 с.
 39. Остин Дж. Избранное. / Д. Остин. Перевод с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
 40. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. / С. Пинкер. Пер с англ. Изд. 2-е, испр. – М.: УРСС Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 560 с.
 41. Платон. Собрание сочинений в четырех томах / Общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2007. Т. 2. – 626 с.
 42. Райл Г. Понятие сознания. / Г. Райл – М.: Идея-Пресс, 1999. – 408 с.
 43. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 5-е изд., стер. / Б. Рассел. Подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 992 с.
 44. Садыков Р.А., Курленкова А.С. Онтологии тела и медицинской практики / Р.А. Садыков, А.С. Курленкова // Социология власти. – 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologii-tela-i-meditsinskoy-praktiki>.
 45. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. / Сеченов И. М.: АСТ, 2015. – 325 с.
 46. Скиннер Б. Наука и человеческое поведение. / Б. Скиннер. – Новосибирск, , 2017.
 47. Спиноза Б. Избранные произведения в 2 т. Том 2. / Б. Спиноза – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 728 с.
 48. Тхостов А.Ш. Психология телесности. / А.Ш. Тхостов – М.: Смысл, 2002. –

- 287 с.
49. Фейербах Л. Сочинения: В 2 томах. Том 1. / Л. Фейербах – М.: Наука, 1995. – 502 с.
 50. Фрейд З. Малое собрание сочинений. / З. Фрейд – СПб.: Азбука, 2012. – 989 с.
 51. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. / М. Фуко – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
 52. Фуко М. Психическая болезнь и личность / Пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. Изд. 2-е, стереотип. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. – 320 с.
 53. Харченко, В.К. Внутрителесное в детской речи / В.К. Харченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2018. Т.189. – С.125–132.
 54. Харченко В.К. Лингвосенсорика. / В.К. Харченко – М.: Либроком, 2012.
 55. Чалмерс Д. Сознание: В поисках фундаментальной теории. / Д. Чалмерс – М.: УРСС, 2013. – 512 с.
 56. Черниговский В.Н. Интероцепция. / В.Н. Черниговский – Л.: Наука, 1985.
 57. Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. / Ч. Шеррингтон. – Л.: Наука, 1969. – 389 с.
 58. Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. / Х.Р. Шиффман – СПб.: Питер, 2003. – 928 с.
 59. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в шести томах. Том 1. / А. Шопенгауэр – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. – 496 с.
 60. Aarts, H.; Dijksterhuis, A. Category activation effects in judgment and behaviour: the moderating role of perceived comparability. *Br. J. Soc. Psychol.* 41(1), 123–138, 2002.
 61. Aasen, S. Spatial aspects of olfactory experience // *Canadian Journal of Philosophy*, 2019. № 8, vol. 49. – Pp. 1041–1061. DOI 10.1080/00455091.2018.1433793.
 62. Ackerman, J.M.; Nocera, C.C.; Bargh, J.A. Incidental Haptic Sensations

- Influence Social Judgments and Decisions // *Science*, 2010. № 5986, vol. 328. – Pp. 1712–1715. DOI 10.1126/science.1189993.
63. Ádám, G. *Visceral Perception*. Boston, MA: Springer US, 1998.
 64. Adelman, P.K.; Zajonc, R.B. Facial Expression and the Experience of Emotion // *Annual Review of Psychology*, 1989. № 1, vol. 40. – Pp. 249–280.
 65. Adolphi, F.; Couto, B.; Richter, F.; Decety, Jean; Lopez, Jessica; Sigman, Mariano; Manes, Facundo; Ibáñez, Agustín. Convergence of interoception, emotion, and social cognition: A twofold fMRI meta-analysis and lesion approach // *Cortex*, 2017. № 2, vol. 88. – Pp. 124–142. DOI 10.1016/j.cortex.2016.12.019.
 66. Airapetyantz, E.; Bykov, K. Physiological Experiments and the Psychology of the Subconscious // *Philosophy and Phenomenological Research*, 1945. № 4, vol. 5. P. 577.
 67. Andersen, S.M.; Reznik, I.; Manzella, L.M. Eliciting facial affect, motivation, and expectancies in transference: Significant-other representations in social relations // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. № 6, vol. 71. – Pp. 1108–1129.
 68. Angrilli, A.; Cherubini, P.; Pavese, A.; Manfredini, Sara. The influence of affective factors on time perception // *Perception & Psychophysics*, 1997. № 6, vol. 59. – Pp. 972–982. DOI 10.3758/BF03205512.
 69. Armstrong, D.M. *The Mind-Body Problem*. New York: Routledge, 2018.
 70. Arnold, A.J.; Winkielman, P.; Dobkins, K. Interoception and Social Connection // *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10. – P. 79. DOI 10.3389/fpsyg.2019.02589.
 71. Augustine K.; Fishman Y.I. The Dualist's Dilemma: The High Cost of Reconciling Neuroscience with a Soul // *The myth of an afterlife* (ed. Martin, Michael; Augustine, Keith). – Pp. 203–292.
 72. Avery, J.A.; Drevets, W.C.; Moseman, S.E.; Bodurka, Jerzy; Barcalow, Joel C.; Simmons, W. Kyle. Major Depressive Disorder Is Associated With Abnormal Interoceptive Activity and Functional Connectivity in the Insula // *Biological*

- Psychiatry, 2014. № 3, vol. 76. – Pp. 258–266.
73. Barbato, M.; Arora, T.; Al Hemeiri, S.; AlJassmi, Maryam A. Looking within: Interoceptive sensibility in young adults with psychotic-like experiences // *Early Intervention in Psychiatry*, 2021. № 6, vol. 15. – Pp. 1705–1712.
 74. Bargh, J.A., Chen, M., Burrows, L.: Automaticity of social behavior: direct effects of trait construct and stereotype activation on action. *J. Pers. Soc. Psychol.* 71(2), 230, 1996.
 75. Barrett, L.F.; Simmons, W.K. Interoceptive predictions in the brain // *Nature Reviews Neuroscience*, 2015. № 7, vol. 16. – Pp. 419–429. DOI 10.1038/nrn3950.
 76. Barsalou L.W. Situated conceptualization offers a theoretical account of social priming // *Current Opinion in Psychology*, 2016, vol. 12. – Pp. 6–11.
 77. Barsalou, L.W.; Niedenthal, P.M.; Barbey, A.K.; Ruppert, Jennifer A. *Psychology of Learning and Motivation*, 2003, vol. 43. – Pp. 43–92. DOI 10.1016/S0079-7421(03)01011-9.
 78. Bavelas, J.B., Black, A., Lemery, C.R., Mullet, J.: Form and function in motor mimicry: topographic evidence that the primary function is communicative. *Hum. Commun. Res.* 14(3), 275–300, 1988.
 79. Bavelas, J.B.; Black, A.; Lemery, C.R.; Mullett, Jennifer. "I show how you feel": Motor mimicry as a communicative act // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. № 2, vol. 50. – Pp. 322–329.
 80. Bechara, A.; Damasio, A.R. The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision // *Games and Economic Behavior*, 2005. № 2, vol. 52. – Pp. 336–372. DOI 10.1016/j.geb.2004.06.010.
 81. Besemeres, Mary; Wierzbicka, Anna. *Translating lives* (eds. Besemeres, Mary; Wierzbicka, Anna). St Lucia, Qld, Hove: University of Queensland Press; Roundhouse, 2008.
 82. Block, N. On a confusion about a function of consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*, 1995, vol. 18. – Pp. 227–287.
 83. Block, N.J.; Fodor, J.A. What Psychological States are Not // *The Philosophical*

- Review, 1972. № 2, vol. 81. – P. 159. DOI 10.2307/2183991.
84. Boyle, C.M. Difference Between Patients' and Doctors' Interpretation of Some Common Medical Terms // *BMJ*, 1970. № 5704, vol. 2. – Pp. 286–289. DOI 10.1136/bmj.2.5704.286.
 85. Brenner A. *Personal Ontology*: Cambridge University Press, 2024.
 86. Brewer, R.; Murphy, J.; Bird, G. Atypical interoception as a common risk factor for psychopathology: A review // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2021. № 7, vol. 130. – Pp. 470–508.
 87. Brugger, P.; Lenggenhager, B.; Giummarra, M.J. Xenomelia: A Social Neuroscience View of Altered Bodily Self-Consciousness // *Frontiers in Psychology*, 2013, vol. 4.
 88. Burge T. *Foundations of Mind*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – P. 494.
 89. Burgoon, J.K.; Guerrero, L.K.; Manusov, V. *Nonverbal Communication*. New York: Routledge, 2016.
 90. Bush, L.K., Barr, C.L., McHugo, G.J., Lanzetta, J.T.: The effects of facial control and facial mimicry on subjective reactions to comedy routines. *Motiv. Emot.* 13(1), 31–52, 1989.
 91. Byrne, A. *Transparency and self-knowledge*: Oxford University Press, 2018. – P. 240.
 92. Cacioppo, J.T., Petty, R.E., Losch, M.E., Kim, H.S.: Electromyographic activity over facial muscle regions can differentiate the valence and intensity of affective reactions. *J. Pers. Soc. Psychol.* 50(2), 260, 1986/
 93. Canzoneri, E.; Ubaldi, S.; Rastelli, V.; Finisguerra, Alessandra; Bassolino, Michela; Serino, Andrea. Tool-use reshapes the boundaries of body and peripersonal space representations // *Experimental Brain Research*, № 1, vol. 228. 2013. – Pp. 25–42. DOI 10.1007/s00221-013-3532-2.
 94. Capodici, A.; Pennisi, A.; Rizzo, G.; Falzone, Alessandra; Vicario, Carmelo Mario. Interoceptive and Affective Alterations in Body Integrity Dysphoria: An Online Self-Reporting Study // *Psychopathology*, 2023. – Pp. 1–9.
 95. Carvalho, G.B.; Damasio, A. Interoception and the origin of feelings: A new

- synthesis // *BioEssays*, 2021. № 6, vol. 43.
96. Casasanto, D.; Bottini, R. Spatial language and abstract concepts // *WIREs Cognitive Science*, 2014. № 2, vol. 5. – Pp. 139–149.
 97. Ceunen, E.; Vlaeyen, J.W.S.; van Diest, I. On the Origin of Interoception // *Frontiers in Psychology*, 2016. № 226, vol. 7. – P. 577.
 98. Chalmers, D. The content and epistemology of phenomenal belief // *Consciousness* (ed. Smith, Quentin; Jokić, Aleksandar). Oxford. Oxford University Press, 2002. – Pp. 220–272.
 99. Chartrand, T.L.; Bargh, J.A. The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. № 6, vol. 76. – Pp. 893–910.
 100. Chen, M.; Bargh, J.A. Consequences of Automatic Evaluation: Immediate Behavioral Predispositions to Approach or Avoid the Stimulus // *Personality and Social Psychology Bulletin*, № 2, vol. 25. 1999. – Pp. 215–224.
 101. Chentsova-Dutton, Y.E.; Dzokoto, V. Listen to your heart: The cultural shaping of interoceptive awareness and accuracy // *Emotion*, 2014. № 4, vol. 14. – Pp. 666–678. DOI 10.1037/a0036193.
 102. Clark A. *Surfing uncertainty*: Oxford University Press, 2016. – P. 216.
 103. Colonnello, V.; Domes, G.; Heinrichs, M. As time goes by: Oxytocin influences the subjective perception of time in a social context // *Psychoneuroendocrinology*, 2016, vol. 68. – Pp. 69–73. DOI 10.1016/j.psyneuen.2016.02.015.
 104. Connell, L.; Lynott, D.; Banks, B. Interoception: the forgotten modality in perceptual grounding of abstract and concrete concepts // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2018. № 1752, vol. 373. – Pp. 1–9. DOI 10.1098/rstb.2017.0143.
 105. Craig, A. Emotional moments across time: a possible neural basis for time perception in the anterior insula // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2009. № 1525, vol. 364. – Pp. 1933–1942. DOI 10.1098/rstb.2009.0008.

106. Craig, A. Human feelings: why are some more aware than others? // *Trends in Cognitive Sciences*, 2004. № 6, vol. 8. – Pp. 239–241. DOI 10.1016/j.tics.2004.04.004.
107. Craig, A.D. How do you feel? Interoception: the sense of the physiological condition of the body // *Nature Reviews Neuroscience*, 2002. № 8, vol. 3. – Pp. 655–666. DOI 10.1038/nrn894.
108. Craig, A.D. *How do you feel?* Princeton University Press, 2015. – P. 368.
109. Craig, A.D. Interoception: the sense of the physiological condition of the body // *Current Opinion in Neurobiology*, 2003. № 4, vol. 13. – Pp. 500–505. DOI 10.1016/S0959-4388(03)00090-4.
110. Damasio, A.R. *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon Books, 1994.
111. Dangott, L.; Thornton, B.C.; Page, P. Communication and Pain // *Journal of Communication*, 1978. № 1, vol. 28. – Pp. 30–35. DOI 10.1111/j.1460-2466.1978.tb01559.x.
112. Dennett, D.C.; Weiner, P. *Consciousness explained*. New York [etc.]: Little, Brown and Company, 1991. – P. 511.
113. Denton, D.; Shade, R.; Zamarippa, F., et al. Neuroimaging of genesis and satiation of thirst and an interoceptor-driven theory of origins of primary consciousness // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 1999. № 9, vol. 96. – Pp. 5304–5309.
114. Dijksterhuis, A., Bargh, J.A. The perception-behavior expressway: automatic effects of social perception on social behavior. *Adv. Exp. Soc. Psychol.* 33, 1–40, 2001.
115. Dijksterhuis, A., Van Knippenberg, A.: Behavioral indecision: effects of self-focus on automatic behavior. *Soc. Cogn.* 18(1), 55–74, 2000.
116. Dijksterhuis, A.; Aarts, H.; Bargh, J.A.; van Knippenberg, Ad. On the Relation between Associative Strength and Automatic Behavior // *Journal of Experimental Social Psychology*, 2000. № 5, vol. 36. – P. 531–544.
117. Dimberg, U.: Facial reactions to facial expressions. *Psychophysiology* 19(6),

- 643–647, 1982.
118. Doyen, S.; Klein, O.; Pichon, C.-L.; Cleeremans, Axel; Lauwereyns, Jan. Behavioral Priming: It's All in the Mind, but Whose Mind? // PLoS ONE, 2012. № 1, vol. 7. – Pp. e29081. DOI 10.1371/journal.pone.0029081.
 119. Dretske F. How Do You Know You are Not a Zombie? // Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge. London: Routledge, 2003. – Pp. 1–12.
 120. Droit-Volet, S.; Meck, W.H. How emotions colour our perception of time // Trends in Cognitive Sciences, 2007. № 12, vol. 11. – Pp. 504–513. DOI 10.1016/j.tics.2007.09.008.
 121. Duncan, G. The Meanings of 'Pain' in Historical, Social, and Political Context // The Monist, 2017. № 4, vol. 100. – Pp. 514–531. DOI 10.1093/monist/onx026.
 122. Dunn, B.D.; Galton, H.C.; Morgan, R.; Evans, Davy; Oliver, Clare; Meyer, Marcel; Cusack, Rhodri; Lawrence, Andrew D.; Dalgleish, Tim. Listening to Your Heart // Psychological Science, 2010. № 12, vol. 21. – Pp. 1835–1844. DOI 10.1177/0956797610389191.
 123. Dunn, B.D.; Stefanovitch, I.; Evans, D.; Oliver, Clare; Hawkins, Amy; Dalgleish, Tim. Can you feel the beat? Interoceptive awareness is an interactive function of anxiety- and depression-specific symptom dimensions // Behaviour Research and Therapy, 2010. № 11, vol. 48. – Pp. 1133–1138. DOI 10.1016/j.brat.2010.07.006.
 124. Eekhoff J. Trauma and Primitive Mental States: Routledge, 2019; Maniadakis G.; Conci M. Presence of the body in psychoanalysis // International Forum of Psychoanalysis, 2021. № 3 vol. 30. – P. 144.
 125. Fadiga, L., Fogassi, L., Pavesi, G., Rizzolatti, G., et al.: Motor facilitation during action observation: a magnetic stimulation study. J. Neurophysiol. 73(6), 2608–2611, 1995.
 126. Ferri, F.; Ardizzi, M.; Ambrosecchia, M.; Gallese, Vittorio; Tsakiris, Manos. Closing the Gap between the Inside and the Outside: Interoceptive Sensitivity and Social Distances // PLoS ONE, 2013. № 10, vol. 8. DOI

- 10.1371/journal.pone.0075758.
127. Fisher, S. Sex differences in body perception // *Psychological Monographs: General and Applied*, 1964. № 14, vol. 78. – Pp. 1–22. DOI 10.1037/h0093871.
 128. Fiskum, C.; Eik-Nes, T.T.; Abdollahpour Ranjbar, H.; Andersen, Jannicke; Habibi Asgarabad, Mojtaba. Interoceptive awareness in a Norwegian population: psychometric properties of the Multidimensional Assessment of Interoceptive Awareness (MAIA) 2 // *BMC Psychiatry*, № 1, vol. 23. 2023.
 129. Fodor, J.A.; Pylyshyn, Z.W. Connectionism and cognitive architecture: A critical analysis // *Cognition*, 1988. № 1-2, vol. 28. – Pp. 3–71. DOI 10.1016/0010-0277(88)90031-5.
 130. Fogel, A. *Body sense*. United States of America: W. W. Norton & Company, 2013.
 131. Foltz-Schoofs, K.; Wolf, O.T.; Treue, S.; Schoofs, Daniela. Perceptual complexity, rather than valence or arousal accounts for distracter-induced overproductions of temporal durations // *Acta Psychologica*, 2014, vol. 147. – Pp. 51–59. DOI 10.1016/j.actpsy.2013.10.001.
 132. Förster, J., Strack, F.: Influence of overt head movements on memory for valenced words: a case of conceptual-motor compatibility. *J. Pers. Soc. Psychol.* 71(3), 421–430, 1996.
 133. Förster, J.; Strack, F. Influence of overt head movements on memory for valenced words: A case of conceptual-motor compatibility // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. № 3, vol. 71. – Pp. 421–430.
 134. Fotopoulou, A.; Tsakiris, M. Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference // *Neuropsychanalysis*, 2017. № 1, vol. 19. – Pp. 3–28. DOI 10.1080/15294145.2017.1294031.
 135. Freedman, A; Hu, H; Liu, I. T. H. C; Stewart, A. L; Adler, S; Mehling, W. E. Similarities and Differences in Interoceptive Bodily Awareness Between US-American and Japanese Cultures: A Focus-Group Study in Bicultural Japanese-Americans // *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2021. № 2, vol. 45. – Pp. 234–267. DOI 10.1007/s11013-020-09684-4.

136. Fuchs, T. *Ecology of the brain*: Oxford University Press, 2018.
137. Fuchs, T. Embodiment and personal identity in dementia // *Medicine, Health Care and Philosophy*, 2020. № 4, vol. 23. – Pp. 665–676. DOI 10.1007/s11019-020-09973-0.
138. Gaby, A. Gut feelings: locating emotion, life force and intellect in the Thaayorre body // *Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs Across Cultures and Languages (Applications of cognitive linguistics, 7)* (ed. Sharifian, Farzad). De Gruyter Mouton, 2008. – Pp. 27–44.
139. Gafter, RJ. *Social Meaning and Linguistic Variation* // *Social Meaning and Linguistic Variation* (ed. Hall-Lew, Lauren; Moore, Emma; Podesva, Robert J.). Cambridge University Press, 2021. – Pp. 222–242.
140. Gajperia, C.; McBride, J.; Treasure, J.; Cardi, Valentina; Brewer, Rebecca. Recognition of others' interoceptive states in those with and without eating disorders // *BMC Psychiatry*, 2024. № 1, vol. 24. – P. 121.
141. Gallagher, S. *How the Body Shapes the Mind*: Oxford University Press, 2005. – P. 284. DOI 10.1093/0199271941.001.0001.
142. Gallagher, S. and Cole, J. 1995. Body schema and body image in a deafferented subject. *Journal of Mind and Behavior*, Vol. 16, No. 4. – P. 369–390.
143. Gallese, V., Ferrari, P.F., Kohler, E., Fogassi, L.: The eyes, the hand, and the mind: behavioral and neurophysical aspects of social cognition. In: Bekoff, M., Allen, C., Burghardt, G.M. (eds.) *The Cognitive Animal: Empirical and Theoretical Perspectives on Animal Cognition*, pp. 451–461. MIT Press, Cambridge, MA, 2002.
144. Gao, Q.; Ping, X.; Chen, W. Body Influences on Social Cognition Through Interoception // *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10. – P. 1712. DOI 10.3389/fpsyg.2019.02066.
145. Gardner, H. *The mind's new science*. New York: Basic Books, 1985. – P. 430.
146. Garfinkel, S.N.; Critchley, H.D.; Pollatos, O. The Interoceptive System: Implications for Cognition, Emotion, and Health // *Handbook of Psychophysiology*, 2017. – Pp. 427–443. DOI 10.1017/9781107415782.019.

147. Gianaros, P.J.; Quadtr, L.; Critchley, H.D.; Garfinkel, Sarah N. The neurobiology of interoception in health and disease // *Annals of the New York Academy of Sciences*, № 1, vol. 1428. 2018. – Pp. 112–128.
148. Gibbon, J.; Church, R.M.; Meck, W.H. Scalar Timing in Memory // *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1984. № 1 Timing and Ti, vol. 423. – Pp. 52–77. DOI 10.1111/j.1749-6632.1984.tb23417.x.
149. Gil, S., Droit-Volet, S. (2012). How do emotional facial expressions influence our perception of time? (ed S. Masmoudi, D.Y. Dai, & A. Naceur), *Attention, representation, and human performance: Integration of cognition, emotion, and motivation*. Psychology Press. – Pp. 61–74.
150. Gislén, A.; Warrant, E.J.; Dacke, M.; Kröger, Ronald H.H. Visual training improves underwater vision in children // *Vision Research*, 2006. № 20, vol. 46. – Pp. 3443–3450. DOI 10.1016/j.visres.2006.05.004.
151. Glenberg, A.M.; Kaschak, M.P. Grounding language in action // *Psychonomic Bulletin & Review*, 2002. № 3, vol. 9. – Pp. 558–565. DOI 10.3758/BF03196313.
152. Glenberg, A.M.; Robertson, D.A. Indexical understanding of instructions // *Discourse Processes*, № 1, vol. 28. 1999. – Pp. 1–26. DOI 10.1080/01638539909545067.
153. González, J.; Barros-Loscertales, A.; Pulvermüller, F.; Meseguer, Vanessa; Sanjuán, Ana; Belloch, Vicente; Ávila, César. Reading cinnamon activates olfactory brain regions // *NeuroImage*, 2006. № 2, vol. 32. – Pp. 906–912.
154. Greenfield P.M. The mutual definition of culture and biology in development. // *Between culture and biology* (ed. Keller, Heidi; Poortinga, Ype H.; Schölmerich, Axel). Cambridge, UK, New York, NY. Cambridge University Press, 2002. – Pp. 57–76.
155. Grynberg, D.; Chang, B.; Corneille, O.; Maurage, Pierre; Vermeulen, Nicolas; Berthoz, Sylvie; Luminet, Olivier; Fontenelle, Leonardo. Alexithymia and the Processing of Emotional Facial Expressions (EFEs): Systematic Review, Unanswered Questions and Further Perspectives // *PLoS ONE*, 2012. № 8, vol.

7. – Pp. e42429. DOI 10.1371/journal.pone.0042429.
156. Grynberg, D.; Pollatos, O. Perceiving one's body shapes empathy // *Physiology & Behavior*, 2015, vol. 140. – Pp. 54–60. DOI 10.1016/j.physbeh.2014.12.026.
157. Gunnars, F. A large-scale systematic review relating behaviorism to research of digital technology in primary education // *Computers and Education Open*, vol. 2. 2021.
158. Haan, S. de; Fuchs, T. The Ghost in the Machine: Disembodiment in Schizophrenia – Two Case Studies // *Psychopathology*, 2010. № 5, vol. 43. – Pp. 327–333. DOI 10.1159/000319402.
159. Hadjistavropoulos, H.; Shymkiw, J. Predicting Readiness to Self-manage Pain // *The Clinical Journal of Pain*, № 3, vol. 23. 2007. – Pp. 259–266.
160. Hall-Lew, Lauren; Moore, Emma; Podesva, Robert J. Social Meaning and Linguistic Variation (eds. Hall-Lew, Lauren; Moore, Emma; Podesva, Robert J.): Cambridge University Press, 2021.
161. Hancock, P.A. Body Temperature Influence on Time Perception // *The Journal of General Psychology*, 2010. № 3, vol. 120. – Pp. 197–216. DOI 10.1080/00221309.1993.9711144.
162. Hart, N.; McGowan, J.; Minati, L.; Critchley, Hugo D. Emotional Regulation and Bodily Sensation: Interoceptive Awareness Is Intact in Borderline Personality Disorder // *Journal of Personality Disorders*, 2013. № 4, vol. 27. – Pp. 506–518. DOI 10.1521/pedi_2012_26_049.
163. Hatfield, T.R.; Brown, R.F.; Giummarra, M.J.; Lenggenhager, Bigna. Autism spectrum disorder and interoception: Abnormalities in global integration? // *Autism*, 2019. № 1, vol. 23. – Pp. 212–222.
164. Head, H. and Holmes, G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 34. 1911. – Pp. 102-254. DOI 10.1093/brain/34.2-3.102.
165. Heatherton, T.F.; Wyland, C.L.; Macrae, C.N.; Demos, Kathryn E.; Denny, Bryan T.; Kelley, William M. Medial prefrontal activity differentiates self from close others // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, № 1, vol. 1. 2006. – Pp. 18–25.

166. Hempel, C.G. The Logical Analysis of Psychology // Readings in Philosophy of Psychology / Ed. by N. Block. London: Methuen, 1980.
167. Herbert, B.M.; Pollatos, O. The Body in the Mind: On the Relationship Between Interoception and Embodiment // Topics in Cognitive Science, № 4, vol. 4. 2012. – Pp. 692–704.
168. Heydrich, L.; Walker, F.; Blättler, L.; Herbelin, Bruno; Blanke, Olaf; Aspell, Jane Elizabeth. Interoception and Empathy Impact Perspective Taking // Frontiers in Psychology, vol. 11. 2021.
169. Hoagland, H. The Physiological Control of Judgments of Duration: Evidence for a Chemical Clock // The Journal of General Psychology, 1933. № 2, vol. 9. – Pp. 267–287. DOI 10.1080/00221309.1933.9920937.
170. Hohwy J. The Predictive Mind: Oxford University Press, 2014. – P. 294.
171. Hübner, A.M.; Trempler, I.; Gietmann, C.; Schubotz, Ricarda I.; Grynberg, Delphine. Interoceptive sensibility predicts the ability to infer others' emotional states // PLOS ONE, 2021. № 10, vol. 16. – Pp. 1–20. DOI 10.1371/journal.pone.0258089.
172. Hutto, D.D.; Myin, E. Evolving enactivism. Cambridge, Massachusetts [etc.]: MIT Press, 2017. – 328 p.
173. Huxley, T.H. On the Hypothesis that Animals are Automata, and its History // Nature, 1874. № 253, vol. 10. – Pp. 362–366.
174. James, W. The physical basis of emotion // Psychological Review, 1994. № 2, vol. 101. – Pp. 205–210. DOI 10.1037/0033-295X.101.2.205.
175. James, W. What Is an Emotion? // Mind, 1884. № 34. vol. 9. – Pp. 188–205.
176. Johnson, M. The body in the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. – P. 272.
177. Johnson, M. The Meaning of the Body: University of Chicago Press, 2007. – P. 328.
178. Kandasamy, N.; Garfinkel, S.N.; Page, L.; Hardy, Ben; Critchley, Hugo D.; Gurnell, Mark; Coates, John M. Interoceptive Ability Predicts Survival on a London Trading Floor // Scientific Reports, 2016. № 1, vol. 6. – P. 697. DOI

- 10.1038/srep32986.
179. Keller, H.; Poortinga, Y.H.; Schölmerich, A. Between culture and biology (eds. Keller, Heidi; Poortinga, Ype H.; Schölmerich, Axel). Cambridge, UK, New York, NY: Cambridge University Press, 2002. – P. 419.
 180. Khalsa, S.S.; Adolphs, R.; Cameron, O.G.; Critchley, Hugo D. et al. Interoception and Mental Health: A Roadmap // *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 2018. № 6, vol. 3. – Pp. 501–513. DOI 10.1016/j.bpsc.2017.12.004.
 181. Kim, J. *Philosophy of Mind*. Boulder, CO: Westview Press, 2011.
 182. Kim, J. What Could Pair a Nonphysical Soul to a Physical Body? // *The myth of an afterlife* (ed. Martin, Michael; Augustine, Keith). – P. 335–347.
 183. Kirsch, W.; Kunde, W. On the Role of Interoception in Body and Object Perception: A Multisensory-Integration Account // *Perspectives on Psychological Science*, 2022. – P. 1–19.
 184. Klamut, O.; Weissenberger, S. Embodying Consciousness through Interoception and a Balanced Time Perspective // *Brain Sciences*, 2023. № 4, vol. 13. – P. 592. DOI 10.3390/brainsci13040592.
 185. Köteles, F. *Body Sensations*. Cham: Springer International Publishing, 2021.
 186. Lakoff, G.; Johnson, M. *Philosophy in the flesh*. New York: Basic Books, 1999. – P. 640.
 187. Leder, D. Inside insights: A phenomenology of interoception', in Manos Tsakiris, and Helena De Preester (eds), *The Interoceptive Mind: From Homeostasis to Awareness* Oxford, 2018. – P. 307–322.
 188. Lee, J.; Shin, J.-A. The cross-linguistic comparison of perceptual strength norms for Korean, English and L2 English // *Frontiers in Psychology*, 2023, vol. 14. – P. 540.
 189. Legrain, V.; Bultitude, J.H.; Paepe, A.L. de; Rossetti, Yves. Pain, body, and space: What do patients with complex regional pain syndrome really neglect? // *Pain*, 2012. № 5, vol. 153. – Pp. 948–951. DOI 10.1016/j.pain.2011.12.010.
 190. Lindblom, J. A Radical Reassessment of the Body in Social Cognition //

- Frontiers in Psychology, 2020, vol. 11. – P. 1712. DOI 10.3389/fpsyg.2020.00987.
191. Lindblom, J. Embodied Social Cognition. Cham: Springer International Publishing, 2015.
 192. Lindblom, J. Embodied action as a ‘helping hand’ in social interaction. In: Sun, R., Miyake, N. (eds.) Proceedings of the 28th Annual Conference of the Cognitive Science Society, pp. 477–482. Lawrence Earlbaum, Mahwah, NJ, 2006.
 193. Lindquist, K.A.; MacCormack, J.K.; Shablack, H. The role of language in emotion: predictions from psychological constructionism // Frontiers in Psychology, 2015, vol. 6. DOI 10.3389/fpsyg.2015.00444.
 194. Loftus, S. Pain and its Metaphors: A Dialogical Approach // Journal of Medical Humanities, 2011. № 3, vol. 32. – Pp. 213–230. DOI 10.1007/s10912-011-9139-3.
 195. Lourenco, S.F.; Longo, M.R. The plasticity of near space: Evidence for contraction // Cognition, 2009. № 3, vol. 112. – Pp. 451–456. DOI 10.1016/j.cognition.2009.05.011.
 196. Ma-Kellams, C. Cross-cultural differences in somatic awareness and interoceptive accuracy: a review of the literature and directions for future research // Frontiers in Psychology, 2014. № e36646, vol. 5. – P. 409. DOI 10.3389/fpsyg.2014.01379.
 197. Maravita, A.; Iriki, A. Tools for the body (schema) // Trends in Cognitive Sciences, № 2, vol. 8. 2004. – Pp. 79–86. DOI 10.1016/j.tics.2003.12.008.
 198. Matwyshyn, M. The Internet of Bodies // 61 Wm. & Mary L. Rev. 77, 2019.
 199. Mauss, M. Techniques of the body // Economy and Society, 1973. № 1, vol. 2. – Pp. 70–88.
 200. McKinsey, M. Anti-individualism and privileged access // Analysis, 1991. № 1, vol. 51. – Pp. 9–16. DOI 10.1093/analys/51.1.9.
 201. Melzack, R.; Wall, P.D. Pain Mechanisms: A New Theory // Science, № 3699, vol. 150.1965. – Pp. 971–979.

202. Mohr, M. von; Finotti, G.; Esposito, G.; Bahrami, Bahador; Tsakiris, Manos. Social interoception: Perceiving events during cardiac afferent activity makes people more suggestible to other people's influence // *Cognition*, № 19, vol. 238. 2023.
203. Moore, J. On the Relation Between Behaviorism and Cognitive Psychology. // *The Journal of Mind and Behavior*, 1996. № 4, vol. 17. – Pp. 345–367.
204. Munday, I.; Newton-John, T.; Kneebone, I. ‘Barbed wire wrapped around my feet’: Metaphor use in chronic pain // *British Journal of Health Psychology*, 2020. № 3, vol. 25. – Pp. 814–830. DOI 10.1111/bjhp.12432.
205. Murphy, J.; Brewer, R.; Catmur, C.; Bird, Geoffrey. Interoception and psychopathology: A developmental neuroscience perspective // *DEVELOPMENTAL COGNITIVE NEUROSCIENCE*, 2017, vol. 23. – Pp. 45–56. DOI 10.1016/j.dcn.2016.12.006.
206. Niedenthal, P.M.; Barsalou, L.W.; Winkielman, P.; Krauth-Gruber, Silvia; Ric, François. Embodiment in Attitudes, Social Perception, and Emotion // *Personality and Social Psychology Review*, 2005. № 3, vol. 9. – Pp. 184–211. DOI 10.1207/s15327957pspr0903_1.
207. Núñez, R.E.; Sweetser, E. With the Future Behind Them: Convergent Evidence From Aymara Language and Gesture in the Crosslinguistic Comparison of Spatial Construals of Time // *Cognitive Science*, 2006. № 3, vol. 30. – Pp. 401–450. DOI 10.1207/s15516709cog0000_62.
208. O’Toole, R., Dubin, R.: Baby feeding and body sway: an experiment in George Herbert Mead’s “taking the role of the other”. *J. Pers. Soc. Psychol.* 10(1), 59–65, 1968.
209. Ornstein, R.E. On the experience of time. Harmondsworth Middlesex, England: Penguin Books, 1969. – P. 128.
210. Padel, R. In and out of the Mind: Greek Images of the Tragic Self. Princeton university press, 1992.
211. Paintal, A. The visceral sensations-some basic mechanisms, 1986, vol. 67. – Pp. 3–19. DOI 10.1016/s0079-6123(08)62752-1.

212. Palmer, C.E.; Tsakiris, M. Going at the heart of social cognition: is there a role for interoception in self-other distinction? // *Current Opinion in Psychology*, 2018, vol. 24. – Pp. 21–26. DOI 10.1016/j.copsyc.2018.04.008.
213. Pillai Riddell, R.R.; Craig, K.D. Judgments of Infant Pain: The Impact of Caregiver Identity and Infant Age // *Journal of Pediatric Psychology*, № 5, vol. 32. 2006. – Pp. 501–511.
214. Plomp, G.; van Leeuwen, C.; Gepstein, S. Perception of Time in Articulated Visual Events // *Frontiers in Psychology*, 2012, vol. 3. DOI 10.3389/fpsyg.2012.00564.
215. Pollatos, O.; Laubrock, J.; Wittmann, M.; Costantini, Marcello. Interoceptive Focus Shapes the Experience of Time // *PLoS ONE*, 2014. № 1, vol. 9. DOI 10.1371/journal.pone.0086934.
216. Pollatos, O.; Schandry, R. Emotional processing and emotional memory are modulated by interoceptive awareness // *Cognition & Emotion*, 2008. № 2, vol. 22. – Pp. 272–287. DOI 10.1080/02699930701357535.
217. Pulvermüller, F. A brain perspective on language mechanisms: from discrete neuronal ensembles to serial order // *Progress in Neurobiology*, 2002. № 2, vol. 67. – Pp. 85–111. DOI 10.1016/s0301-0082(02)00014-x.
218. Pulvermüller, F., Preissl, H., Lutzenberger, W., Birbaumer, N.: Brain rhythms of language: nouns versus verbs. *Eur. J. Neurosci.* 8(5), 937–941, 1996.
219. Putnam H. *Brains and Behavior* // *Readings in philosophy of psychology* (ed. Block, Ned Joel). London. Methuen, 1980. – Pp. 24–36.
220. Putnam, H. *The Meaning of "Meaning"*. University of Minnesota Press, 1975. – Pp. 131–192.
221. Quigley, K.S.; Kanoski, S.; Grill, W.M.; Barrett, Lisa Feldman; Tsakiris, Manos. Functions of Interoception: From Energy Regulation to Experience of the Self // *Trends in Neurosciences*, 2021. № 1, vol. 44. – Pp. 29–38. DOI 10.1016/j.tins.2020.09.008.
222. Rabinow, P. *The third culture* // *History of the Human Sciences*, 1994. № 2, vol. 7. – Pp. 53–64. DOI 10.1177/095269519400700204.

223. Rey, R. The History of pain. Cambridge [etc.]: Harvard University Press, 1995.
– P. 394.
224. Riskind, J.H. They stoop to conquer: Guiding and self-regulatory functions of physical posture after success and failure // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984. № 3, vol. 47. – Pp. 479–493.
225. Riskind, J.H., Gotay, C.C.: Physical posture: could it have regulatory or feedback effects on motivation and emotion? *Motiv. Emot.* 6(3), 273–298, 1982.
226. Robinson, M.D.; Thomas, L.E.; Schulz, A.; Vögele, Claus. Handbook of Embodied Psychology // *Handbook of Embodied Psychology* (ed. Robinson, Michael D.; Thomas, Laura E.). Cham. Springer International Publishing, 2021.
– P. 642.
227. Robinson, M.D.; Thomas, L.E.; Schulz, A.; Vögele, Claus. Handbook of Embodied Psychology // *Handbook of Embodied Psychology* (ed. Robinson, Michael D.; Thomas, Laura E.). Cham. Springer International Publishing, 2021.
– Pp. 65–100.
228. Searle, J.R.: Minds, brains, and programs. *Behav. Brain Sci.* 3(3), 417–424, 1980.
229. Searle, J. Indirect Speech Acts // Academic Press, 1975, vol. Syntax and Semantics 3. – Pp. 59–82.
230. Seth, A. Being You. London: Faber & Faber, Limited, 2021. – P. 358.
231. Seth, A.K. Interoceptive inference, emotion, and the embodied self // *Trends in Cognitive Sciences*, 2013. № 11, vol. 17. – Pp. 565–573. DOI 10.1016/j.tics.2013.09.007.
232. Shah, P.; Catmur, C.; Bird, G. From heart to mind: Linking interoception, emotion, and theory of mind // *Cortex*, 2017. № 5, vol. 93. – Pp. 220–223. DOI 10.1016/j.cortex.2017.02.010.
233. Shah, P.; Hall, R.; Catmur, C.; Bird, Geoffrey. Alexithymia, not autism, is associated with impaired interoception // *Cortex*, 2016. № 1, vol. 81. – Pp. 215–220. DOI 10.1016/j.cortex.2016.03.021.
234. Shapiro, L. The Routledge handbook of embodied cognition: Routledge, 2014.

235. Shapiro, L.A. Embodied cognition. London: Routledge, 2011. – P. 288.
236. Sherrington C.S. The integrative action of the nervous system. New Haven: Yale University Press, 1911.
237. Shoemaker, S. On Knowing One's Own Mind // Philosophical Perspectives. vol. 2. 1988. – Pp. 183–209.
238. Shusterman, R. Body Consciousness. New York: Cambridge University Press, 2008.
239. Siahaan, P. Did he break your heart or your liver? A contrastive study on metaphorical concepts from the source domain ORGAN in English and in Indonesian // Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs Across Cultures and Languages (ed. Sharifian, Farzad). De Gruyter Mouton, 2008. – Pp. 45–74.
240. Silverstein, M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life // Language & Communication, 2003. № 3-4, vol. 23. – Pp. 193–229. DOI 10.1016/S0271-5309(03)00013-2.
241. Skrzypulec, B. Spatial content of painful sensations // Mind & Language, 2021. № 4, vol. 36. – Pp. 554–569. DOI 10.1111/mila.12358.
242. Smart, J.J.C. Sensations and Brain Processes // The Philosophical Review, 1959. № 2, vol. 68. – Pp. 141–156. DOI 10.2307/2182164.
243. Smith, A.R.; Witte, T.K.; Grunewald, W. et al. Disrupted interoception in Military Service Members and Veterans with a history of suicidality // Suicide and Life-Threatening Behavior, 2023. № 2, vol. 53. – Pp. 289–302.
244. Smithies, D.; Stoljar, D. Introspection and consciousness (eds. Smithies, Declan; Stoljar, Daniel). New York, N.Y: Oxford University Press, 2012. – P. 448.
245. Sposito, A.; Bolognini, N.; Vallar, G.; Maravita, Angelo. Extension of perceived arm length following tool-use: Clues to plasticity of body metrics // Neuropsychologia, 2012. № 9, vol. 50. – Pp. 2187–2194. DOI 10.1016/j.neuropsychologia.2012.05.022.
246. Stearns, P.N. American Cool. New York: University Press, 1994. – P. 378.

247. Stepper, S.; Strack, F. Proprioceptive determinants of emotional and nonemotional feelings // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993. № 2, vol. 64. – Pp. 211–220.
248. Strack, F.; Martin, L.L.; Stepper, S. Inhibiting and facilitating conditions of the human smile: A nonobtrusive test of the facial feedback hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*, № 5, vol. 54. 1988. – Pp. 768–777.
249. Sun, J.; Zhang, Q. How do Mandarin speakers conceptualize time? Beyond the horizontal and vertical dimensions // *Cognitive Processing*, № 2, vol. 22.2021. – Pp. 171–181. DOI 10.1007/s10339-020-00987-3.
250. Swinburne, R. The evolution of the soul. Clarendon Press. – P. 360.
251. Tang, Y.-Y.; Ma, Y.; Wang, J. et al. Short-term meditation training improves attention and self-regulation // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, № 43, vol. 104 2007. – Pp. 17152–17156.
252. Thinus-Blanc, C.; Gaunet, F. Representation of space in blind persons: Vision as a spatial sense? // *Psychological Bulletin*, 1997. № 1, vol. 121. – Pp. 20–42. DOI 10.1037/0033-2909.121.1.20.
253. Thomas, E.A.C.; Weaver, W.B. Cognitive processing and time perception // *Perception & Psychophysics*, 1975. № 4, vol. 17. – Pp. 363–367. DOI 10.3758/BF03199347.
254. Tom, G.; Pettersen, P.; Lau, T.; Burton, Trevor; Cook, Jim. The Role of Overt Head Movement in the Formation of Affect // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010. № 3, vol. 12. – Pp. 281–289.
255. Tomasello, M. The Cultural Origins of Human Cognition: Harvard University Press, 1999.
256. Tsai, J.L.; Simeonova, D.I.; Watanabe, J.T. Somatic and Social: Chinese Americans Talk about Emotion // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004. № 9, vol. 30. – Pp. 1226–1238. DOI 10.1177/0146167204264014.
257. Tsakiris, M., Helena De Preester. The Interoceptive Mind (eds.): Oxford University Press, 2019.
258. Tsakiris, M. My body in the brain: A neurocognitive model of body-ownership

- // *Neuropsychologia*, 2010. № 3, vol. 48. – Pp. 703–712.
259. Tung, M.P.M. Symbolic meanings of the body in Chinese culture and "somatization" // *Culture, Medicine and Psychiatry*, 1994. № 4, vol. 18. – Pp. 483–492. DOI 10.1007/BF01565850.
260. Tünte, M.R.; Höhl, S.; Wunderwald, M.; Bullinger, Johannes; Boyadziheva, Asena; Maister, Lara; Elsner, Birgit; Tsakiris, Manos; Kayhan, Ezgi. Respiratory and Cardiac Interoceptive Sensitivity in the First Two Years of Life. *Life* 12: RP91579. 2023. DOI 10.7554/eLife.91579.1.
261. Ubukata, S.; Watanabe, K.; Isomura, T. Cultural Differences in Interoceptive Accuracy: Comparison Between Japan and Europe 1 // *Japanese Psychological Research*, № 4, vol. 65. 2023. – Pp. 294–309.
262. van Maanen, L.; van der Mijl, R.; van Beurden, Maurice H.P.H.; Roijendijk, Linsey M.M.; Kingma, Boris R.M.; Miletic, Steven; van Rijn, Hedderik. Core body temperature speeds up temporal processing and choice behavior under deadlines // *Scientific Reports*, 2019. № 1, vol. 9. – P. 872. DOI 10.1038/s41598-019-46073-3.
263. Vanman, E.J., Miller, N.: Applications of emotion theory and research to stereotyping and intergroup relations. In: Mackie, D.M., Hamilton, D.L.E. (eds.) *Affect, Cognition, and Stereotyping: Interactive Processes in Group Perception*, pp. 213–238. Academic Press, San Diego, 1993.
264. Vanman, E.J., Paul, B.Y., Ito, T.A., Miller, N.: The modern face of prejudice and structural features that moderate the effect of cooperation on affect. *J. Pers. Soc. Psychol.* 73(5), 941–959, 1997.
265. Wallbott, H.G. Recognition of emotion from facial expression via imitation? Some indirect evidence for an old theory // *British Journal of Social Psychology*, 1991. № 3, vol. 30. – Pp. 207–219.
266. Walsh, J.; Eccleston, C.; Keogh, E. Pain communication through body posture: The development and validation of a stimulus set // *Pain*, 2014. № 11, vol. 155. – pp. 2282–2290. DOI 10.1016/j.pain.2014.08.019.
267. Waśniewska, M. Conceptualisations of Entrails in English and Polish //

- Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts (ed. by Iwona Kraska-Szlenk). John Benjamins Publishing Company, 2020, vol. 12. – Pp. 269–90. DOI 10.1075/clsc.12.c12was.
268. Weisfeld, G.E.; Beresford, J.M. Erectness of posture as an indicator of dominance or success in humans // *Motivation and Emotion*, 1982. № 2, vol. 6. – Pp. 113–131.
269. Wells, G.L.; Petty, R.E. The Effects of Over Head Movements on Persuasion: Compatibility and Incompatibility of Responses // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010. № 3, vol. 1. – Pp. 219–230.
270. Werner, N.S.; Duschek, S.; Mattern, M.; Schandry, Rainer. Interoceptive Sensitivity Modulates Anxiety During Public Speaking // *Journal of Psychophysiology*, 2009. № 2, vol. 23. – Pp. 85–94. DOI 10.1027/0269-8803.23.2.85.
271. Wierzbicka, A. Is Pain a Human Universal? A Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspective on Pain // *Emotion Review*, 2012. № 3, vol. 4. – Pp. 307–317. DOI 10.1177/1754073912439761.
272. Williams, L.E.; Bargh, J.A. Experiencing Physical Warmth Promotes Interpersonal Warmth // *Science*, 2008. № 5901, vol. 322. – Pp. 606–607. DOI 10.1126/science.1162548.
273. Wilson, D.A.; Stevenson, R.J. *Learning to smell*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 309.
274. Wittmann, M. The inner experience of time // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2009. № 1525, vol. 364. – Pp. 1955–1967. DOI 10.1098/rstb.2009.0003.
275. Ye, Z. Different modes of describing emotions in Chinese // *Pragmatics & Cognition*, 2002. № 1-2, vol. 10. – Pp. 307–339. DOI 10.1075/pc.10.12.13ye.
276. Yoon, K. My experience of living in a different culture: The life of a Korean migrant in Australia // *Translating lives* (ed. Besemeres, Mary; Wierzbicka, Anna). St Lucia, Qld, Hove. University of Queensland Press; Roundhouse [distributor], 2008. – Pp. 114–127.

277. Yu, N. Linguistic Embodiment in Linguistic Experience: A Corpus-Based Study // Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts (ed. by Iwona Kraska-Szlenk). John Benjamins Publishing Company, 2020, vol. 12. – Pp. 11–30. DOI 10.1075/clsc.12.c01yu.
278. Yu, N. The Chinese heart as the central faculty of cognition // Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs Across Cultures and Languages (Applications of cognitive linguistics, 7) (ed. Sharifian, Farzad). De Gruyter Mouton, 2008. – Pp. 131–168. ISBN 978-3-11-019622-1.
279. Zborowski, M. People in pain. San Francisco: Jossey-Bass Inc., Publishers, 1969. – P. 274.
280. Zhu, Y., Zhang, L. An experimental study on the self-reference effect // Science in China Series C, 2002. № 2, vol. 45. – P. 120. DOI 10.1360/02yc9014.